

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Борис Цеханович

Срочка

Борис Цеханович

Срочка

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Цеханович Б. Г.

Срочка / Б. Г. Цеханович — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Правдиво и честно, без вранья и мрачных, пугающих дедовщиной мифов о срочной службе в Советской армии в начале 70х годов. О том в каких трудных условиях приходилось обычному парню отвоёвывать своё место под армейским «солнцем», преодолевать себя, чтобы из рядового парнишки стать настоящим мужиком и о том, как воинская служба, несмотря на все тяготы и сложности predeterminedила всю дальнейшую жизнь героя. На обложке фото казармы Еланской учебки. Содержит нецензурную брань.

© Цеханович Б. Г., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Срочка	5
Часть первая	10
Учебка	10
Глава вторая	16
Глава третья	20
Глава четвёртая	26
Глава пятая	36
Глава шестая	39
Глава седьмая	44
Глава восьмая	47
Глава девятая	49
Глава десятая	58
Глава одиннадцатая	62
Глава двенадцатая	70
Глава тринадцатая	72
Глава четырнадцатая	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Срочка

Неожиданная пронзительно звонкая телефонная трель оторвала меня от увлекательного романа, где я азартно следил за погоней индейцев за бледнолицыми. С досадой поднялся с дивана и нехотя поднял трубку, считая, что звонят матери.

– Да...

– Аллю, алло..., Боря, ты что ли? – Зазвучал знакомый голос.

– Серёга..., – радостно завопил ответ, – Серёга, ты что уже из армии звонишь? Куда попал? В какие войска? – Вопросы так и сыпались из меня. Пять дней тому назад мы, одноклассники, проводили Сергея Бабаскина в армию. Он был пятым из класса кто ушёл в армию, а моя очередь наступала только через три недели, поэтому так радостно и откликнулся на звонок. Опыт друга и лишняя информация об армии совершенно не помешает.

– Нет, Боря, из дома звоню.... Не попал в армию...

– Так ты что дома что ли? Я так правильно понимаю?

– Да, приходи.

– Серёга, лечу.... Жди.

Положил трубку и озадаченно задумался – С чего бы это? Полтора года назад, в 1972 году, мы успешно закончили школу и более половины выпускников, кто собирался поступить в высшие учебные заведения и кто подавал на это надежду, как это не странно – не поступили. В том числе и Сергей. Про себя я вообще не говорю: Сергей и я поступали в военные училища. Правда, разные, но оба не поступили. После неудачной попытки, приехали домой и устроились на работу, так чтобы весной, когда нас призовут – поступать уже из армии. Правда, я сделал сразу же ещё одну попытку. Вернее мне её предложили.

– Офицером всё ещё хочешь быть? – Задал мне вопрос начальник нашего Управления Ш320\16 МВД СССР полковник Милютин. Я с его дочкой был одноклассником, дружили, моя мать в Управление была начальником, как раз замом у отца Серёги Бабаскина, числилась на хорошем счету. Мой отец тоже служил в Управление, но только на Зоне и тоже котировался, поэтому ко мне и проявил внимание полковник.

– Да..., хочу.

– Вот есть мысль послать тебя в Ивановское училище пожарной охраны МВД. А по окончании его, ты имеешь выбор – либо офицером пожарником дальше служить, либо уйти в милицию или..., если захочешь к нам в исправительную систему....

Я дал согласие и уже через три во главе группы из трёх человек, изъявивших поступать в пожарное училище, ехал в Иваново. Но и здесь не судьба и, слава богу. И я пошёл работать, дожидаясь повестки в армию весной.

Но весной мне и Сергею в военкомате предложили отсрочку на полгода и мы сделали летом новую попытку и снова неудачную. И вот наступила осень и нам прислали повестки о призыве. Только Сергей ушёл сейчас, а я должен идти гораздо позже. Почему Сергея отправили обратно? Что помешало? Непонятно? Ладно, разберёмся.

Пять минут сборов и через пятнадцать минут сидел на небольшой кухне у товарища, с увлечением слушая его рассказ. Всё оказалось довольно просто.

– Боря, честно говоря, когда на областном пересыльном пункте мне предложили отсрочку на год, чтобы снова поступать в училище – я не отказался. Сейчас засяду, подготовлюсь и буду документы в Пермское авиационно-техническое подавать.

Я сделал несколько глотков горячего чая и с осуждением протянул: – Ну ты, Серёга, и даёшь...!? Ты хоть представляешь, что если опять не пройдёшь по конкурсу, то ты потеряешь целый год. Целый год.... Понимаешь... – ГОООД! Не..., я так делать не буду. На следующий год из армии буду в училище поступать.

Решить то решил, но чувствовал себя неуверенно. Быстро пролетели последние беззаботные дни, с которыми заканчивалось моё детство. Впереди была настоящая, неизвестная жизнь и как она сложится, будет зависеть только от меня. Я был готов к армии. Готов всем своим воспитанием, семьёй, школой, комсомолом, книгами и фильмами о Великой Отечественной войне, рассказами старших товарищей об армейской службе и был не только готов – Я ЖЕЛАЛ СТАТЬ СОЛДАТОМ, настоящим мужчиной.

Вечер проводов прошёл скромно: был я из того круга, где такие и подобные мероприятия проходили без бурного возлияния алкоголя, с последующим битием друг другу морд, как это зачастую проходит у большинства молодёжи. Были родители, соседи, несколько одноклассников, в том числе и Сергей.

Утром мать меня проводила до автобуса в районный центр, тихо всплакнула. Отец прожать не стал – сильно, по-мужски пожал руку и скупно пожелал: – Служи, сын, так чтобы ни тебе, ни нам не было стыдно за тебя.

В обед был в военкомате и здесь меня ожидал первый неприятный сюрприз. По отцовской линии у меня все были военными. Дед с 1918 года по тридцать девятый год – сотрудником НКВД, а отец с 1950 года по настоящее время служил по линии МВД. Поэтому с детства мечтал быть офицером. Сначала мечтал быть офицером-пограничником, но в десятом классе «заболел» пехотой, поэтому сразу после школы поступал в Московское общевойсковое училище, а когда там завалился, то через год подал документы в Омское общевойсковое, где тоже не прошёл по конкурсу. Так как парнем был высоким и крепким то, переговорив в военкомате с майором Прокофьевым, который курировал нас, кандидатов в училище, решил в армию идти в ВДВ. Для этого прошёл в Перми даже десятидневные курсы парашютистов. Но был один момент, который меня волновал – зрение. Правый глаз – единица, левый – минус ноль двадцать. Обои глазами видел хорошо, но тут нужно сто процентное зрение. Я достал таблицу окулистов, выучил её и без проблем проходил все медицинские комиссии. Надо было и сейчас вспомнить её, но поленился и у окулиста на медицинской комиссии вскрылся мой недостаток.

– Цеханович, да что это такое? – Искренне расстроился майор Прокофьев. – Я ж тебя уже вбил в списки в ВДВ, а тут такое...

– Товарищ майор, товарищ майор, ну сделайте что-нибудь..., я вас очень прошу. Это ж левый глаз, не правый ведь...

– Нет, не могу. Если бы всё здесь решалось – то никаких проблем. А так особенно десантников, на областной мед. комиссии, да и в части проверять тщательно будут и потом на военкомат бумагу пришлют – не качественный отбор. Всё будет решать военком, после обеда, но я с ним предварительно переговорю....

Военком, полковник Кайзер, листанул несколько листочков медицинского осмотра и поднял на меня глаза.

– Ну, что, товарищ призывник, твою просьбу мне озвучили. Но есть приказ министра обороны и с таким зрением ты можешь служить только в ВВС, войсках связи и в стройбате. Так что – Выбирай.

Члены комиссии, за исключением сочувствующего мне майора Прокофьева, с безразличием разглядывали меня, видя перед собой лишь очередного призывника или по военному – штык. Был ещё свой интерес и у военкома, а остальным было «до лампочки».

– Товарищ полковник, в стройбат не согласен идти – не для этого десять классов заканчивал. В Военно-воздушные силы самолётам хвосты крутить и взлётку подметать – не хочу. А связисты в пехоте есть и в десанниках. Пишите меня туда.

Мой решительный ответ оживил всех и члены комиссии, очнувшись, стали с интересом разглядывать стоявшего перед ними в трусах призывника. А полковник Кайзер, с удовольствием оглядев меня, предложил: – Есть ещё один вариант. Даём тебе отсрочку на год и поступи ещё раз в училище. На третий раз наверняка пройдёшь. Ну..., согласен?

– Никак нет. Из армии тогда буду поступать, – я испугался, что меня сейчас отправят домой, поэтому ответил чересчур решительно, даже требовательно. Военком озадаченно хмыкнул и посмотрел на майора Прокофьева, а тот болезненно поморщился и его можно было понять. В нашем районе было только две средние школы и нас, парней-десятиклассников, да ещё желающих поступать в военные училища и именно того необходимого уровня было мало. Поэтому, для выполнения плана по кандидатам в военные училища, нам готовы были предоставлять любые отсрочки. Вот и сейчас Прокофьев надеялся, что я соглашусь.

Военком помедлил, а потом решительно сказал: – Что ж, решение ваше уважаю – в добрый путь.

Потом повернулся к майору и почти приказал: – А вам, товарищ майор, на областном призывном пункте определить призывника в хорошую команду.

На следующий день, в обед, к военкомату, был подан автобус и наша команда в количестве двадцати человек, во главе с майором Прокофьевым, под звуки марша «Прощание славяно», под слёзы матерей и дикие крики пьяной, провожающей молодёжи, двинулась в Соликамск.

Пребывание на вокзале до посадки в поезд, было единственным неприятным моментом моего пути в армию. Мы были наслышаны, что когда с вокзала отправляют партии призывников, туда собираются вся шпана и хулиганье города и банально грабят: отбирают хорошие вещи и деньги. Если Соликамских призывников не трогали, так как они были окружены родственниками и друзьями, то основной удар приходил на призывников с Чердынского и Красновишерского районов. Милиция предпринимала все усилия взять всё под свой контроль, усиливалась на этот момент дополнительными силами, вызывался дежурный взвод внутренних войск, но всё было бесполезно и все усилия милиции сводились не допустить банальной мокрухи и крупных драк.

Вот и сейчас, до посадки в поезд было два часа, но небольшое здание вокзала уже было битком набито призывниками трёх районов. Заплаканные матери и невесты будущих солдат, полупьяные и датые отцы, сильно пьяные и пережравшие друзья призывников. Поддатая шпана и шакалившее хулиганье, снующее среди нас и вокруг вокзала. Вспотевшая и мечущая в бессилье милиция, довольные солдаты ВВ, которые шатались среди призывников и дающие советы, как себя вести в армии в первые полгода и не упускающие момента, втихушку от командира взвода, опрокинуть сто грамм водки, щедро льющиеся кругом. Встрёпанный командир взвода, беспомощно пытающийся собрать датых солдат в кучу. Весь этот бедлам ошеломил нас.

Майор Прокофьев сунул нас в дальний угол зала ожидания, назначил меня старшим и умчался оформлять билеты на команду, а нас сразу же попытались зажать до десятка наглых шакалов. К чести призывников Чердынского района, никто не спасовал: пара особо «бурных» хорошо получили по морде и те изменили тактику. Рано или поздно придётся выходить в туалет на улицу и там они постараются нас поодиночке выловить и окучить. Но и здесь им не повезло – парни терпели до самого отхода поезда, лишь я и ещё один из наших решились рискнуть и прорваться к туалету. Первую попытку зажать нас сделали в предбаннике выхода на перрон. Действовал противник вяло, без напора, попытавшись взять нас «на испуг», поэтому мы легко прорвались на перрон. Вторую попытку предприняли у туалета, когда мы входили и тут пришлось немного подраться и, опять удачно отбившись, мы без потерь и ущерба вернулись к своим.

Под призывников к пассажирскому поезду до Перми были прицеплены три плацкартных вагона, а за ними в довершение ко всему добавили и вагон для перевозки осужденных, что при посадке добавило немало хлопот как ментам, так и охране зеков. Посадка в вагоны проходила сумбурно: призывники с Чердынского и Красновишерского района сели организовано, так как нас никто не провожал, да и были мы трезвые, а вот с Соликамскими была проблема. Толпа родных, провожающих столпилась у их вагона и скорость употребления спиртных напитков

стремительно возросла. Матери, знакомые девушки и невесты, заливаясь слезами, висли на плечах провожаемых. Поддатые отцы и взрослые мужики, стараясь скрыть волнение, хмурились, отворачивались, гораздо чаще и молча пили водку. Периодически хлопали сыновей по плечу и снова пили. Друзья и товарищи, пили не останавливаясь, быстро превращаясь в стадо пьяных бабуинов. Они что-то бессмысленно орали, также бессмысленно обнимали уезжающих, отдавая дань традиции. Бегали вдоль состава, прыгали на вагоны, пытаясь приклеить на стёкла вагонных окон мятые рублевки, чтобы деньги всегда были у военного в кармане, а иной раз и разбить их, что тоже являлось частью традиции. Человек двадцать упившихся молодцов, безуспешно пытались раскатать вагон и десять упарившихся милиционеров рьяно таскали их на перрон, где жалкая и редкая цепь ментов и ВВэшников пыталась отсечь пьяную толпу шпаны и хулиганов от такой же пьяной толпы провожающих. А рядом с ними оркестр исполняющий друг за другом военные марши. Несколько автозаков, цепь автоматчиков с рвущимися с поводков и бешено лающих овчарок. Сидевшие на снегу на корточках рядами несколько десятков зеков. Мигающие у вокзала мигалки милицейских воронок, куда закидывали шпану, хулиганов, упившихся провожающих и вся эта картина, заливаемая сильным жёлтым светом десятков прожекторов с высоких мачт, потрясала и впечатляла.

С трудом, но всё-таки сумели посадить соликамских призывников, слава богу, в соседний вагон. Ещё несколько минут сумасшествия на перроне и поезд под звуки всё той же «Славянки» тронулся мимо перрона, оставляя всё это сзади и уже в прошлом.

Через сорок минут всё повторилось в Березниках, где в третий вагон грузили Березниковских призывников. Их то посадили, но соликамские, догнавшие за сорок минут движения, своих оставшихся провожающих, пьяной толпой вырвались на перрон вокзала и сразу же сцепились с местной шпаной. Мигом организовалась грандиозная свалка, куда втянулись и провожающие. Причём дрались ни стенка на стенку, а каждый сам за себя. Но здесь хорошо сработали Березниковские милиционеры, которые быстро разрезали толпу дерущихся. В течение нескольких минут безошибочно разобрались и тех кто уезжал, жёстко загоняли в вагоны, а тем кто оставался повезло меньше. Им крутили руки и безжалостно закидывали в воронки. И звуки бессмертной «Славянки» опять покрыли кусочек провинциальной жизни.

Ночь в поезде была бурная: Соликамские и Березниковские призывники допивали водку, дрались между собой и успокоились лишь за два часа до областного центра. В Перми наш вагон дружно вышел на перрон, а вот остальные два вагона выдирались оттуда долго и мучительно. Загрузились в автобусы и поехали на сборный пункт. Здесь всё сразу же закрутилось и после обеда, пройдя медицинскую комиссию, снова в трусах я стоял перед комиссией областного военкомата.

Пролистали моё личное дело, ставшее несколько толще и председатель комиссии сходу задал вопрос, которого я боялся: – Товарищ, Цеханович, предлагаем вам отсрочку на год, для поступления в военное училище.

– Товарищ полковник, – я твёрдо смотрел на членов комиссии, – я принял решение идти в армию и оттуда поступать в военное училище.

Полковник посмотрел на майора Прокофьева, который представлял своих призывников, в том числе и меня: – Как у вас обстановка с кандидатами?

– Нормально, товарищ полковник, резерв есть. Рекомендую его в команду номер 752.

Я не знал что это за команда, поэтому молчал. Полковник наклонился к членам комиссии, те утвердительно кивнули головой и председатель, сделав пометку в списке, отложил в сторону личное дело.

– Хорошо, товарищ призывник, успехов вам в службе и в учёбе.

Слова об учёбе поставили меня в тупик и когда Прокофьев вышел из комнаты, я подошёл к нему: – Товарищ майор, чего-то я не понял – Куда всё-таки попал?

Майор доброжелательно похлопал меня по плечу: – Не дрейф, Цеханович, всё нормально. Сегодня формируется команда и вечером вас отправляют в Еланский учебный центр. Через полгода выйдешь оттуда сержантом и пойдёшь дальше служить куда-нибудь за границу. Но учиться будешь на командира отделения связи.

Через час всех построили и стали вызывать по списку, формируя команду. Выкликнули и меня. Сводили покушать и ещё через час колонной повели через весь город на вокзал Пермь II, где при посадке в поезд повторилось всё то, что было в Соликамске и в Березниках, но только в миниатюре. Хорошо и качественно сработала милиция, провожающие пили гораздо меньше, но было много других вывихов, которые проявлялись в более цивилизованных формах. Завтра вечером, как сказал сопровождающий нас офицер с Елани – будем на месте.

Часть первая

Учебка

Глава первая

– Приготовиться к высадке, – все оживлённо зашевелились, так как за три часа езды из Свердловска на электричке всем осточертело пялиться в окна вагона, за которыми ни черта не было видно от вечерней темноты. Наша, разношёрстная команда насчитывала двести человек, собранных с двух областей и как нам стало известно, предназначена для учебного батальона связи. Электричка на Еланском разъезде по расписанию стояла три минуты, вот и за них мы должны были организованно высадиться. Оделись, построились в проходах и замерли, а за окном тормозившей электрички замелькали тусклые, пристанционные огни освещения и всё те же ёлки, сосны, как и дома, откуда ушёл в армию.

– Ёлки-палки, – с горечью скаламурил про себя, – в тайге до армии жил и служить придётся опять в лесу.

Все стояли спокойно, ожидая, когда остановится электричка, но как всегда среди спокойных и умных находятся беспокойные и дураки. Компания из нескольких призывников, державшиеся несколько особняком от других, вдруг взбаламутилась, то ли от отходняка, то ли от деревенской несостоятельности и с дикими воплями: – Сейчас нас будут переодевать, – начали перочинными ножиками наносить удары друг другу по одежде, кромсая на лоскуты неплохие курточки, фуфайки и пальто. Разорвав до дыр верхнюю одежду, они начали остервенело рвать на ленточки штанины, разрывая их от самого низа до пояса. Остальные, со спокойным любопытством наблюдали за этим непосредственным дебилизмом. Покончив со своей одеждой, великовозрастные болваны стали с ножиками приставать к другим, но получили дружный отпор, после которого успокоившись, сели на сиденья, выставив голые и худые коленки на всеобщее обозрение.

На улице было морозно, градусов 15-20, а когда электричка отъехала, нашим разочарованным взорам представился обычный, унылый железнодорожный разъезд, окружённый заснеженными ёлками и огромными сугробами. Ну, может быть, путей было больше чем на обычном разъезде.

– Чёрт, – с ещё большей досадой подумал я и наверно не только я, – неужели всё-таки в лесу придётся служить? А где же тогда сама часть?

Пока нас проверяли, считали и строили в колонну, вокруг которой бегал толстый майор, как оказалось встречающий представитель нашего учебного батальона связи, мы изрядно продрогли и с радостью восприняли команду на начало движения. Пройдя метров двести, согрелись и теперь с немалой долей злорадной ехидности наблюдали за безмозглыми ухарями, которые страдали от холода всё больше и больше. Они изо всех сил кутались в свою изорванную одежку, а ленты штанин связали узлами внизу. Но это совсем им не помогло и теперь голые, сизые от холода ноги с каждым шагом выглядывали среди длинных и рваных лент.

Я шёл недалеко от них и слышал, как толстый майор, преодолевая одышку, сказал им: – Ну что, дурачье, теперь крепитесь. Вам повезло, что батальон находится недалеко от КПП....

Перевалив железнодорожные пути, наша колонна по снежной, наезженной дороге углубилась в лес из высоких, заснеженных ёлок и редких сосен, прошла метров триста и неожиданно вышла на чистое огромное пространство, на котором нашему изумлённому взору предстал большой, залитый огнями город.

– Ничего себе – ПОВЕЗЛО! Всё-таки будем служить в городе, – такая шальная мысль наверно мелькнула у многих, но уже через минуту впечатление от большого города пропало. Слева от дороги, на краю ровного пространства лежало большое село, как мы потом узнали – Калиновка. Ещё левее, уже на дальнем краю большого поля помаргивали редкие и неяркие огоньки крохотной деревни Порошино, нашего почтового адреса на последующие полгода. А прямо перед нами переливался огнями учебный центр Елань, а по военному – 44-я учебная танковая Лисичанская, Краснознаменная дивизия.

Дивизия, как мы узнаем в последующие несколько дней, насчитывала переменного и постоянного состава около 15 тысяч человек. В переменный состав входили мы – новобранцы, из которых в течение шести месяцев готовили младших командиров и специалистов всех родов войск. И каждый полгода, отсюда, эшелонами уходили в основном в Группу советских войск в Германии около 13 тысяч готовых сержантов. В постоянный состав входили сержанты и офицеры, которые и готовили, обучали, превращая молодых, безусых людей в младших командиров. Казармы пяти учебных полков, линейной ракетной бригады и десятка отдельных учебных батальонов, жилого офицерского городка, склады различных видов – всё это раскинулось на огромной площади и создавали в вечерней темноте панораму большого города.

Через десять минут движения прогрохотали по железному мосту и втянулись в каменную арку ворот. Ещё десять минут и впереди замаячили первые казармы. Толстый майор пытался вести нас в ногу, но у него это не получалось и колонна, шаркая ногами по замерзшему асфальту, брела по дороге с настороженным любопытством оглядывая окрестности, понимая, что на ближайшие месяцы это будет нашим домом. С особым любопытством мы оглядывали попадавшихся нам военнослужащих, которые делились как бы на две категории, разительно отличавшиеся друг от друга. Первая часть, в подавляющем большинстве, передвигалась строем и строевым шагом, в длиннющих новеньких, ещё не совсем обмятых, в туго перетянутых ремнями шинелях. Это были молодые солдаты, которые кто неделю назад, а кто и больше прибыл в учебку – то есть переменный состав. Старослужащие солдаты и сержанты – постоянный состав, наоборот свободно перемещались по территории учебного центра в одиночку и группами. Хорошо подогнанная форма, щеголевато и ладно сидела на них, выдавая уже опытных военнослужащих, знающих себе цену. В основном они то и стояли вдоль дороги, спокойно покуривая и поглядывая на будущих своих подчинённых.

Я уже внутренне смирился с тем, что служить буду связистом и мне было здорово любопытно, куда за границу попаду после учебки.

Приблизилась к казарме – Батальон связи – прошелестело по шеренгам и тут, стоявший на обочине сверхсрочник с погонами старшины, вдруг крикнул в нашу колонну: – Парни, кто хочет служить в артиллерии и у кого документы на руках... Нам надо десять человек – Ко мне! И за мной...

– Вот оно..., к чёрту связь..., если что, мне ничего не будет, а это шанс, может быть единственный послужить в нормальных войсках, – горячо толкнуло сердце в груди. Ещё в Перми, на сборном пункте, у нас собрали все документы и они хранились у нашего старшего команды высокого старшего лейтенанта. Но в электричке, он все документы почему-то выдал на руки.

Не раздумывая над последствиями, я выскочил из строя, за мной выбежало ещё несколько человек и сгрудились вокруг старшины, тот мгновенно пересчитал нас, радостно вскрикнул: – Десять.... За мной...., – и побежал по расчищенной дорожке за казарму, а следом за ним ринулись мы. Сзади слышались задыхливые крики кинувшегося за нами в погоню толстого майора, требующего немедленно остановиться, вернуться, но он сразу же безнадежно отстал.

Дальше всё слилось в одну стремительную ленту состоявших из мелких, быстро меняющихся событий – штаб полка через пятнадцать минут бега, полковая санчасть и такой же стремительно-беглый мед. осмотр дежурным врачом, рывок на вещевой склад, где хорошо подда-

тый прапорщик выдал нам новенькое обмундирование. В кочегарке, в душе, мы помылись, переоделись в форму, а гражданку сложили в выданные на складе наволочки, которые тут же утащили на склад. А в одиннадцать часов, в полутёмной казарме, хмурый сержант с красной повязкой дежурного по батарее хлопнул рукой по кровати второго яруса и буркнул: – Вот твоя кровать, товарищ курсант. Отбой...

Забравшись под чистые простыни и прислушиваясь к звукам ночной казармы, я попытался пройтись по впечатлениям прошедшего дня, но тут же стремительно провалился в глубокий и здоровый сон.

– ..... «Батарея...., Подъём!!! – Громкая команда пробилась в затуманенное сном сознание и вопреки утверждениям отца, что в армии не буду вылезать из нарядов на работу из-за того, что я соня, мгновенно проснулся и через минуту, застёгивая рукава гимнастёрки, вместе со всеми стоял в строю взвода. Перед строем с деловым видом метался высокий, худощавый младший сержант, активно делая замечания по форме некоторым из солдат. Точно также суется, строились вокруг нас на центральном проходе остальные подразделения и многолюдство ошеломило меня.

– Взвод..., Равняйся. Смирно! Равнение На Лево! – Громко печатая сапогами, младший сержант повернулся и, приложив руку к головному убору, направился к крепкому, невысокого роста, невозмутимому старшему сержанту, появившемуся из глубины казармы. – Товарищ старший сержант, четвёртый взвод для проведения утренней физической зарядке построен. Командир отделения младший сержант Тетенов.

– Вольно. – Поставив задачу Тетенову на проведение зарядки, старший сержант вывел меня из строя и завёл в Ленинскую комнату. Достав из кармана разлинованный лист ватмана, сложенный в виде гармошки размером с военный билет и обстоятельно опросив, не спеша записал полученные мои личные данные в список взвода. Аккуратно, скупыми, но чёткими движениями сложил лист и положил его во внутренний карман гимнастёрки. После вновь внимательно осмотрел меня, стоявшего перед столом по стойке «Смирно» с головы до ног.

– Товарищ курсант, вы зачислены для прохождения службы в состав четвёртой учебной батареи, в четвёртый взвод, в третье отделение. Там, где вы спали ночью и есть ваш взвод и ваше отделение. Я – заместитель командира взвода и одновременно командир первого отделения. Во втором отделении сержанта нет, а командир вашего отделения младший сержант Тетенов. Ну..., на построении вы его видели. Командира взвода лейтенанта Князева вы увидите на полковом построении после завтрака. Как взвод вернётся с утренней зарядки, вы начинаете жить жизнью подразделения. Вопросы есть? Нет, ну и отлично.

Я вышел за сержантом из Ленинской комнаты и впервые внимательно оглядел казарменное помещение. Наша четвёртая батарея располагалась на втором этаже казармы и занимала половину этажа. Вторую часть этажа занимала пятая батарея и соединялась с нашей большим, широким проёмом, делая широкий центральный проход, который проходил через весь этаж, общим на две батареи. Прошёл и встал на границу между нашей батареей и пятой. Посмотрел направо, потом налево и весело присвистнул, от того что в обеих батареях всё до мельчайшей детали было одинаково: – Ну, надо ж. Если ночью проснусь поссать, то спросонья можно и попутать где твоя батарея, а где соседей.... А у меня ведь кровать как раз на границе батарей.

Внимательно посчитал, тесно стоявшие кровати в два яруса нашего взвода – тридцать одна. В одной паре второго яруса нет. И таких кроватей пять во всём расположении. Ага, это наверно кровати замкомвзводов. А пятая? В батарее четыре взвода – значит, всего 125 человек. Да в пятой батарее столько же – значит, на этаже проживало 250 человек.

Прошёлся по расположению и остановился напротив неподвижно стоящего дневального по батарее со штык-ножом на ремне, который подмигнул и добродушно спросил: – Ну, как первая ночь в армии?

Весело подмигнул ему в ответ: – Да также, как и у тебя была. Меня Борис зовут. Давно сюда прибыл?

– Юрка, Комиссаров. Я с третьего взвода и только неделю назад прибыл. – Дневальный протянул руку и я с удовольствием пожал её, так как он мне понравился, а Юрка добавил, – давай, Боря, наслаждайся последними минутами свободы. Скоро ты будешь принадлежать только армии...

Экскурсия моя закончилась довольно быстро – туалет на шесть кабинок, столько же писсуаров. Большой и светлый умывальник на двадцать кранов, тут же за стенкой небольшая и чистая курилка с каменным мозаичным полом. Напротив туалета, умывальника и курилки дверь в небольшую, хорошо оборудованную бытовую комнату, где присутствовало одно большое зеркало и ряд уже поясных зеркал на одной из стен, три доски для глаженья, три утюга, уголок сапожника с сапожными причиндалами с синим фартуком и железной пятой для прибивания каблучков. Ещё под большим зеркалом лежали инструменты для подстригания. В общем, всё присутствовало и было уютно. В комнате были ещё две двери. Слева – сушилка, жаркий и сухой воздух, но запахан от сушившихся там валенок, бушлатов был довольно специфичный, но к удивлению не неприятный. Правая дверь вела в батарейную каптёрку. В распоряжение были ещё два помещения, куда я смог зайти: небольшой учебный класс на шесть классных столов, где ещё стоял в углу хорошо выполненный макет местности с окопами, колючей проволокой и другими элементами переднего края. За стеной была душевая, но судя по тому, что она была набита лыжами – душ тут не принимали. В Ленинской комнате уже был, а в канцелярии батареи меня ещё пока никто не приглашал.

Я успел ещё посидеть пару минут в одиночестве, как распахнулись двери и в расположение с шумом и гамом ввалились толпа разгорячённых зарядкой курсантов.

После построения, меня представили взводу и теперь, наблюдая за сослуживцами, заправлял кровать, в точности повторяя их движения. Но у меня получалось плохо и медленно. Я отошёл на середину центрального прохода и критически посмотрел на свою кровать, которая по качеству заправки резко отличалась от остальных в худшую сторону. Не успел огорчиться, как меня кто-то сзади сильно хлопнул по плечу.

Обернувшись, застыл в изумлении, увидев перед собой одноклассника Володю Дуняшина.

– Володя, ты это или не ты? Или мне всё это кажется? – Радостно воскликнул я, обрадовавшись, что тут не один.

Дуняшин жизнерадостно рассмеялся: – Не..., Боря, это не я. Это физическая оболочка, а душа моя дома – на Бубыле.

Я тут же засыпал товарища вопросами, но он, критически осмотрев мою кровать, сказал: – Давай сначала заправлю правильно твою кровать, а потом пообщаемся. А то тебе влетит от сержанта.

Володя расправил кровать, а потом стал её заправлять, комментируя каждую операцию. Заправив, достал ровную дощечку, приложил её к краю матраца и стал на верхний край начёсывать ворс одеяла. Через три минуты матрац, обёрнутый одеялом, превратился в параллелограмм с чёткими и ровными краями. Сверху Володя уложил такой же кирпичик подушки.

– Ничего, через пару дней сам также будешь отбивать кровать, – увидев моё удивление, покровительственно произнёс Дуняшин, – а пока у нас есть пять минут, я тебя введу в курс дела.

– Я тоже в четвёртом взводе, только в первом отделении и прибыл сюда неделю назад. Замкомвзвод, старший сержант Бушмелев, нормальный мужик – хоть и дедушка. На дембель весной уходит. Спокойный, справедливый, бестолку не гоняет. В батарее рулят он и старшина батареи старший сержант Николаев. Ну, ты его ещё увидишь. А так, он мастер спорта по боксу, правда шубутной и любит, чтобы все вокруг него носились, как ужаленные в жопу. Остальные

сержанты, даже старослужащие на вторых ролях. Младший сержант Тетенов – ещё та сука. Вот его опасайся. Он прослужил всего полгода и только две недели назад прибыл сюда из Рижской учебки, а ставит себя перед нами как-будто он дедушка. Сам месяц назад такой же как мы был, а сейчас перед нами выёживается. Смотри, будь с ним осторожней, а то из нарядов не вылезешь. Командир взвода, лейтенант Князев, тоже молодой офицер, но нормальный. В принципе, как я успел заметить, офицеры занимаются своими делами, а нами сержанты. И сержанты здесь самые главные по нашей курсантской жизни. Пацаны во взводе ничего, но тут есть свои особенности. Сам потом разберёшься... Да, готовить нас будут на командиров орудий Д-30. Что это такое я ещё сам не знаю. А потом в Германию...

А так – ничего, жить можно. Только свободного времени совсем нету. Вот ни минуты, – закончил свой рассказ товарищ.

... На полковом разводе, я увидел остальных офицеров батареи и своего командира взвода. Высокий, с открытым, русским лицом, улыбчивый лейтенант понравился мне. После развода нас завели в расположение, всему взводу выдали погоны, петлицы, шевроны и до обеда, исколов себе все пальцы, мы усердно пришивали, отпарывали и вновь пришивали все эти причуды, пока всё не было пришито правильно. Было много смеха так и ругани сержантов, особенно со стороны Тетенова. Погоны надо было пришивать так, чтобы они на один сантиметр заходили за шов на плече, но не все, в том числе и я, сразу сообразили про это, хотя сержанты и подсказывали нам. Вот у многих и получалось, что когда одеваешь шинель, то погоны у них «сползали» на спину. Такая же ерунда получалось у некоторых с петлицами: после долгого пыхания и тихих матюков они их пришивали на обратных сторонах отворот шинели. Во время этого занятия сумел перезнакомиться практически со всеми курсантами взвода. Я оказался последним, кто пришёл в батарею и взвод, и как бы моё прибытие окончательно завершило комплектование батареи. Вызвали меня и в канцелярию к командиру батареи капитану Климович, который оглядев меня, шутливо спросил.

– Земляки мы с тобой наверно, Цеханович?

Я нерешительно пожал плечами: – Да я не знаю, товарищ капитан. А вы что тоже с Ныроба? А то во взводе ещё курсант Дуняшин оттуда...

– А причём тут Дуняшин...? Я Климович, ты Цеханович. Вот и получается, что мы оба белоруса.

– Да нет, товарищ капитан, я русский. Хотя отец, дед, брат и много родственников по отцовской линии белорусы. Да и лет восемь я жил в Белоруссии – в Минске, Молодечно и в Орше.

– Хорошо, хорошо... Вижу, что парень ты бойкий.

Комбат мне тоже понравился, записавшись в штатную книгу батареи, я вновь присоединился ко взводу.

После обеда на середину центрального прохода вытащили койку и на ней провели ещё раз, как выразился младший сержант – «Для бестолковых и вновь прибывших» – занятие по правильной заправке койки. Было довольно нудно стоять и смотреть, как курсанты по очереди выходили из строя и под бдительным оком Тетенова расправляли и заправляли кровать. Отбивали её, превращая в кирпичик. Многие, стоя в строю, дремали и шатались из стороны в сторону, а иногда под общий смех присутствующих выпадали из шеренги. После чего младший сержант заставлял провинившихся отжиматься или приседать. Взбодрившись, курсант занимал своё место в строю, но через несколько минут следующий курсант, потеряв в дрёме равновесие, вылетал из строя на несколько шагов. А очнувшись, ошалело, под смех товарищей, крутил головой и оправдывался перед Тетеновым. Закончив занятие по заправке, младший сержант остервенело стал нас тренировать в выполнение команд – «Отбой» и «Подъём». Тут мне в отличие от многих повезло в том, что моя кровать стояла самой крайней у центрального прохода. И мне только и оставалось быстро раздеться и заскочить на второй ярус прямо

с центрального прохода. Также легко было и другим, кто имел свои койки неглубоко в нашем взводном отсеке. А вот Дуняшину и остальным, у которых кровати были в глубине тесного расположения, приходилось в толчее мчаться по узкому проходу, при этом ещё и раздеваться. Тоже самое получалось и при команде «Подъём». Тетенев злился, оттого что взвод не укладывался в норматив – 45 секунд. Он пытался регулировать этот процесс: сначала забежали в проход дальние и на ходу расстёгивали пуговицы. В это время ближние раздевались в центральном проходе, а потом схватив в охапку обмундирование, очумело мчались к своим кроватям. Если по команде «Отбой» мы после этого стали укладываться в норматив, то при команде «Подъём», вот этого уже не получалось. Было много и другой суеты и мелких каких-то дел. Потом... потом, было столько всего и так много, что вечером после команды «Отбой!», я уснул практически мгновенно.

До Германии осталось 171 дней.

Глава вторая

– ... Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооружённых сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым и дисциплинированным, бдительным воином.... – Слова Военной Присяги лились из меня торжественно и чётко и я был гордый от того, что сейчас в этот момент становлюсь частью мощной организации – Советской Армии. Сегодня, 5го декабря, был праздник – День Конституции и день принятия Военной Присяги. На улице было около тридцати градусов мороза и все подразделения принимали Присягу в тёплых помещениях. Наш взвод был выстроен в учебном классе, где и стояла 122 мм гаубица Д-30. Правда, изучать её мы будем, после занятий по боевой готовности. А сейчас взвод был выстроен на освобождённом от столов и стульев пространстве и мы по очереди выходили на середину строя, брали в руку красную папку с текстом Присяги, поворачивались к строю и торжественно произносили слова Присяги. В текст я не смотрел, а знал его наизусть, как и каждый из нас. Произнеся последние слова, повернулся к столу, наклонился и расписался под текстом Присяги.

Всё – Я Солдат. Солдат Советской Армии. Пусть хоть и пока и молодой, и не обученный, но уже Полноправный её член. Встал в строй и теперь ревниво смотрел на своих товарищей, которые тоже принимали присягу – Как выходили из строя, как произносили текст Присяги, следил за накалом их эмоций. Пытаясь понять – Так ли они переживают, как и я этот торжественный момент жизни? Но нет, я успокоился, мои товарищи были также наполнены тем же праздничным подъёмом что и я.

После приёма Присяги все вновь построились на плацу и командиры подразделений доложили командиру полка полковнику Львову о принятии Присяги. Короткий митинг и по команде командира, подразделения полка прошли торжественным маршем перед трибуной. Было очень холодно, но никто из-за праздничного, приподнятого настроения не замечал мороза.

Сегодня был праздничный день и впервые за две недели моего пребывания в армии у нас появилось свободное время. Даже было как-то необычно, что не надо никуда мчаться сломя голову, ежеминутно что-то делать, ожидая следующей команды сержантов...

Я сел на табуретку у своей кровати и закрыл глаза.

Прошло больше десяти дней. Дней, насыщенной до предела жизни. Завтра начало учебного процесса и эти две недели помогли мне влиться в коллектив взвода, да и батареи. Разобрался во взаимоотношениях внутри взвода и они мне не понравились. Так уж получилось, что во взводе из двадцати восьми человек переменного состава тринадцать были призванными из Удмуртии и все они оказались друг для друга родственниками: братья, двоюродные братья, дяди и племянники. Лидером у них был нагловатый курсант Фокин с золотой фиксой во рту, чем он очень гордился, считая себя несколько приклатнённым. Естественно, они то теперь и держали фишку во взводе. Остальные держались поодиночке или мелкими группами и не могли эффективно противостоять удмуртам. Обрадовавшись Дуняшину, думал что при каких-то трудностях смогу положиться на него. Но Володя в этом вопросе ушёл в сторону, посчитав, что так для него будет проще. Поэтому я сошёлся с двумя воркутинскими парнями. Оба они были старше меня: оба имели незаконченное высшее образование и за некие свои проделки в институте были отправлены в армию с автоматическим восстановлением после дембеля. Парни решительные и смелые, поэтому удмуртские особо к нам не лезли. Впрочем, отношения внутри взвода были обычными, как и в любом чисто мужском коллективе в экстремальных условиях, где из масс выдвигаются лидеры, формируются группки и группы, между которыми идёт борьба за главенство над остальными. Такие же отношения формировались и в других взводах батареи. В третьем взводе лидером был первый мой знакомый Юрка Комис-

саров. Может быть, эти отношения внутри взводных коллективах и могли перерасти в более острое противостояние, но тут решающую роль играли сержанты, которые твёрдой рукой, круглосуточно руководили нашей жизнью, держа всё под неусыпным контролем и не давая нам особо конфликтовать друг с другом.

На уборке территории, занятиях по строевой и физической подготовке, различных передвижениях по территории городка, немного разобрался и в том, где я служил. Наш учебный артиллерийский полк был самым крайним по расположению в учебном центре и служило здесь около полутора тысяч человек. Рядом с нами были ещё две казармы: двухэтажная, крашенная ярко-жёлтой охрой, где располагался отдельный, учебный мотострелковый батальон. А за ней, чуть дальше, казарма учебного тяжёлого, танкового полка «Даурия». Ещё две тысячи человек. Все три казармы объединены одним общим, большим строевым плацем, где проходит построение дивизии: всех пятнадцати тысяч человек. Один раз, уже при мне, было построение дивизии и оно впечатлило меня своим многолюдством, а когда я подпрыгивал на месте, пытаюсь охватить взглядом весь плац, то видел лишь сплошной пар в виде густого тумана над людским скопищем. Наша казарма, и казармы мотострелков и танкистов стояли на высокой, с крутыми склонами возвышенности, высотой от пятидесяти до шестидесяти метров. Эти склоны романтически назывались «Турецким валом». А внизу располагались учебные поля в основном для занятий мотострелков, которые носили гордое и зловещее название – «Долина смерти».

И самое основное – питание. Столовая была на три казармы одна, то есть на четыре тысячи человек. Большая, сумрачная в несколько больших и таких же полутёмных залов и питаться приходилось в две смены. Кормили нас сытно, но однообразно. Да и качество пищи было далеким от домашней. Нас приводили в столовую строем, первыми заходили сержанты – старшие столов, потом забегали мы и рассаживались по десять человек за столом. Старшим за нашим столом был младший сержант Тетенев. Старослужащие сержанты садились за отдельный стол, который был накрыт гораздо лучше, чем у нас. Усевшись, по команде – «Внимание», мы хватали в правую руку ложку и замирали, а по команде «К бою» раздатчики пищи вскакивали и начинался приём пищи. Сержанты, старшие столов, имели приоритет. То есть: Тетенев пододвигал к себе тарелку с мясом и щедро накладывал в свою тарелку лучшие куски мяса, а остальное делилось между нами. Если это было на завтраке, то на прямоугольный кусок масла ложился кусок хлеба младшего сержанта и по контору он обрезал себе масло, остальное, вместо двадцати грамм по пять-семь, доставалось нам. То же самое происходило с рыбой на ужине и с другими солдатскими деликатесами. Процесс принятия пищи длился недолго, как раз столько, сколько нужно было старослужащим сержантам нехотя поковыряться в надоевшей за полтора года солдатской еде и выпить чаю или компота. И как всегда команда «Отбой» звучала в самый разгар приёма пищи. Не сказать, чтобы мы были голодными, но молодые организмы требовали своего, а интенсивность курсантской жизни, активность и свежий воздух только усиливали зверский аппетит – Кушать хотелось всегда. И спать. Вот уж не думал, что заснуть и спать можно в любом положении и в любом месте. Даже тогда, когда мы строем шли на занятия или работы.

Из занятий в это время были в основном строевая подготовка, где нас усиленно обучали строевым приёмам, так чтобы во время торжественных мероприятий по случаю принятия Военной Присяги мы могли хоть чем-нибудь блеснуть. Были занятия по изучению общевойсковых уставов – это обязанности солдата, дневального по батарее и других особенностей службы. Сержанты требовали, чтобы многие положения и статьи уставов мы знали наизусть. А вот это моим сослуживцам в большинстве давалось с трудом. Особенно удмуртам и их Тетенев частенько за это гонял. Хотя сам он знанием Уставов не особо блистал. А мне повезло. Был я в школе твёрдым троечником, ленился и поэтому нелюбимые предметы, а их было много, брал зубрёжкой. И богатый опыт в этом деле здесь очень мне пригодился: на удивление легко запоминал целые разделы и главы Уставов и потом запросто их цитировал, вводя в глухую

тоску своих товарищей. Были занятия по политической подготовке. Но особой моей тревогой и болью были занятия по физ. подготовке. Я просто не ожидал, что окажусь в такой заднице. Крепкий парень – бегал, прыгал. Мог запросто подрататься. И оказалось, что в армии могу выполнить только один норматив – подтягивание на перекладине. Двенадцать раз. А вот «Выход силой», «Подъём переворотом», «Прыжок через коня», а самое, интересное бег на любую дистанцию – я просто не мог выполнять. На перекладине болтался, как сосиска. Прыгая через коня, чуть ли не сносил его. Вроде бы бегал дома нормально, а здесь рвану и через двести, триста метров «сдыхал», а бежать ещё ой-ёё-ёй... И таких по физо во взводе оказалось лишь трое: я, курсант Паничкин и Сорокин. Остальные хоть что-то, но делали или бегали как лоси. Но, а судя по тому, как нас гоняли на физ. подготовке, думаю, что месяца через три я плавно, но выйду на общий уровень. А пока очень сильно болит брюшной пресс.

Ну..., а самое яркое впечатление – это показ всей боевой техники, что есть в дивизии. И не просто показ, а показ в действие. За несколько дней до Присяги, нас построили и повели всем полком на правое стрельбище, где и были выставлены образцы вооружения. Сюда же привели и другие полки. Погода была мягкая и нас не спеша сначала провели по всем учебным точкам и познакомили с тактико-техническими данными основных единиц техники учебной дивизии.

Через полтора часа все части выстроили вдоль дороги, лицом в поле. Я оказался в первой шеренге и с возрастающим интересом ожидал действия. На поле, в одиноком орудийном окопе, вокруг гаубицы Д-30, копошился расчёт, где командиром орудия был наш замкомвзвод старший сержант Бушмелев. Через некоторое время в воздух взлетела красная ракета и в полутора километрах от нас на поле появились три танка. Конечно, это были не танки, а мишени, которые двигались на тележках по рельсам. Но всё равно. Я представлял, что это три фашистских танка надвигаются на позиции артиллеристов и с замиранием сердца наблюдал за действиями наших. Танки приближались, а артиллеристы замерли у гаубицы, наблюдая за грозной техникой. Вот послышалась команда Бушмелева и все зашевелились, послышался стук отрываемых крышек ящиков со снарядами. Полусогнувшись к орудию побежали два сержанта – один со снарядом, другой с гильзой. А Бушмелев от прицела вёл команду – По центральному Тааанкуу... Осколочно-фугасным, взрыватель фугасный...

Сверкнуло бледное пламя выстрела и через полторы секунды на месте центрального танка вздыбилась земля, смешанная с обломками мишени.

– УРААААА! – Завопила в азарте курсантская масса.

Ещё один выстрел, ещё... и остальные танки, под яростный рёв курсантов, исчезли в багровых вспышках разрывов. Только когда опала земля на месте разрывов снарядов, мы услышали нарастающий гул и рёв двигателей и из-за кустарника вынырнула колонна из трёх БМП и трёх танков. С оглушительным рёвом подлетев к нам, машины одновременно развернулись вправо и уже цепью – танки впереди, БМП между ними на небольшой скорости пошли вперёд. Вдалеке поднялись ещё мишени танков и наши танки, не останавливаясь, открыли огонь. Полторы минуты и мишеней как не бывало. Теперь вперёд выдвинулись БМП, а из открывшихся задних дверей вдруг посыпалась пехота, которая мигом рассыпалась в цепь. А впереди уже поднялось несколько десятков целей – ростовые, грудные, групповые. Одни просто стояли на месте, другие поднимались и опускались, третьи были в движение и смещались в сторону. Ещё пару групп целей просто приближались. За этой группой целей, но дальше вдруг поднялись большие цели имитирующие БТР и помчались вбок. В довершение всего откуда-то из середины поля в небо взмыли большие разноцветные шары.

И тут атакующая пехота открыла огонь. Кино – это кино, но я впервые, да и все остальные, увидели бой своими глазами. Вот так – наяву. Тринадцать тысяч молодых глоток азартно заревели и этот рёв подстегнул бегущую цепь. Сотни и сотни светлячков трассирующих пуль и трасс потянулись к фанерным целям, пронзая их. А ещё, из замаскированного окопа, по

шарам открыла огонь автоматическая зенитная установка и теперь на небе творилась огненная свистопляска, в которой бесследно исчезли все шары.

Бой длился пять минут, пехота быстро и послушно заскочила во внутрь машин и ещё через пару минут только сизые дымки солярки напоминали о грозных машинах и людях, которые всё это разнесли. Вот это да!!! Вот это сила!!! Адреналин гордости и радости распирал всех нас и сержантам пришлось повысить тональность голоса до грозного рыка, чтобы построить нас в колонны. Мы до самого вечера обменивались впечатлениями от увиденного. А я воочию увидел, что такое Д-30 и мне ещё больше захотелось стать настоящим артиллеристом.

До Германии осталось 156 дней.

Глава третья

– Курсант Цеханович, выйти из строя, – я сделал два шага вперёд и чётко повернулся.

– На время приёма пищи остаётесь для охраны оружия. Пересчитать и принять, – младший сержант Тетенев отправил вниз взвод и принял от меня доклад о принятии оружия под охрану, после чего важно удалился из расположения.

Автоматы лежали на полу центрального прохода казармы двумя ровными рядами, а я со своим в положении «На Плечо», прохаживался вдоль рядов ни на секунду не выпуская оружие из виду.

Прошло три дня после принятия Военной Присяги и сегодня был последний день занятий по Боевой готовности. Наш взвод, согласно боевого расчёта, по «Тревоге» занимался установкой палаток пунктов приёма военнообязанных в случае объявления мобилизации. В первый день по сигналу «Тревога» мы экипировались и побежали в парк, где из дальнего бокса с трудом выкатили огромный прицеп и на специальной площадке начали расставлять на металлических каркасах семь малых и больших палаток, после чего потащили вовнутрь бесчисленную начинку: столы, табуретки, ящики с учётными картами, тюки с вещевым имуществом и много с чем другим. Развешивали всевозможные бирки, разных размеров. И на всё это отводилось три часа. Конечно, в три часа мы не уложились. Было много бестолковой суеты, ругани несмотря на то что нами руководил командир взвода и младший сержант Тетенев. Младший сержант в свою очередь назначил себе в помощники чересчур активного Фокина и теперь этот тандем добросовестно пытался разобраться в куче имущества и ящиков, сгруженных с прицепа. Фока, «оценив» доверие и проникнувшись ощущением хоть и маленькой, но всё-таки власти, решительно и особенно не задумываясь, активно внёс свою лепту в этот бедлам. Да и лейтенант Князев сам первый раз расставлял пункт приёма, поэтому всё ставилось долго и нудно, потом всё это бестолково передельвалось и снова ставилось и опять неправильно. Через два часа, такой бестолковщины, появился старший сержант Бушмелев, который по «Тревоге» в учебном корпусе разворачивал отделение выдачи и подгонки химического имущества. Развернув свой объект, Бушмелев прибежал в парк помочь командиру взвода. Он раньше отвечал за разворачивание пункта приёма, поэтому с прибытием опытного сержанта, дело сразу наладилось и хоть с опозданием, но мы выполнили поставленную задачу. Честно говоря, мне совсем не понравилось участие в этом мероприятии. Пока суетились, бегали, расставляли, вешали бирки, все вспотели. Растопили железные печки-буржуйки, которые жадно глотали дрова и пока горели и рдели малиновым жаром раскалённые бока – было жарко и горячо сидеть вокруг них. Но только огонь убывал, холодный воздух предательски заползал в палатки, заставляя зябко поёживаться, ощущая влажное от пота нательное бельё. И вроде бы вся суматоха прекратилась, в ожидание проверки командиром полка, но мелочная суета бесконечно долго продолжалась, не давая расслабиться ни на секунду. Поэтому, когда замкомвзвод Бушмелев забрал меня в свою команду в учебный корпус, я обрадовался. Сухо, тепло, светло, всё разложено и расставлено в широком коридоре учебного корпуса. Семь курсантов, в том числе и мои новые друзья-воркутинцы Сергей и Николай, спокойно дремали на ящиках с хим. имуществом и Бушмелев не препятствовал этому кайфу. Раздевшись, я присоединился к кайфующим, и с удовольствием окунулся в приятную дрему. Через два часа, после обхода комиссии и устранения мелких недостатков, мы быстро и споро собрали разложенное имущество в ящики и через час были в батарее. Я спокойно сидел на табуретке у своей кровати, довольный прошедшим мероприятием, когда заявился остальной взвод. Им, после проверки, пришлось всё сворачивать и грузить на прицеп. С первого раза не получилось сложить как положено, поэтому пришлось опять всё разгружать и заново укладывать. Все были, в отличие от нашей команды, страшно уставшие, раздражённые и злые. Они толпились и переругивались у вешалки, направ-

ляя шинели в общий ряд, кидая отнюдь не дружелюбные взгляды в мою сторону. В принципе, неудовольствие в основном проявляли братья Крохины, а также остальные удмурты и Фокин, который стоял рядом с Тетеновым и слушал его, хмурая жидкие, рыжие брови. То, что Тетенев настраивал Фокина и остальных против меня, сомнений не вызывало. Он, как только узнал, что я собираюсь из армии поступать в военное училище, открыто невзлюбил меня.

– Цеханович, я сделаю так, что ты при слове военное училище блевать будешь... Я тебе устрою такую службу и жизнь в эти полгода...

После такого громкого заявления перед строем взвода, Тетенев, прикрываясь своим положением командира отделения, Уставом стал мне пакостить при каждой возможности, назначая на самые неприятные и трудные работы, мелочно придираясь к упущениям, которые я допускал по своей неопытности. Но он не на того попал. Я был Тельцом, а Тельцы были упрямые в достижение своих целей. И был не просто упрямым Тельцом – я был Упёртым Тельцом. И такое противостояние только раззадорило меня: – Товарищ младший сержант, я всё равно буду поступать...

Вот и сейчас Тетенев удовлетворённо ухмыльнулся, увидев, как Фокин и братья Крохины с угрожающим видом направились в мою сторону. За ними потянулись и остальные удмурты, а оставшиеся у вешалки сделали вид, что ничего не замечают. Я внутренне сжался, хотя понимал, что морду здесь, на виду у всех, мне бить не будут, но... чёрт его знает.

– Цех, ты чего тут балдеешь? Мы там трахаемся с этими палатками, а ты тут в тепле задницу греешь... Чего не пришёл нам помогать? – Сжав кулаки и пытаясь сразу своей агрессивностью сломить меня, надвинулся Фокин.

Я резко вскочил с табуретки и руками с силой оттолкнул сослуживца на стоявших за ним братьев: – Спокуха..., спокуха..., Фока. Ты чё? Приказали бы – пошёл. А так я что дурак что ли? На хрен мне это нужно... Ты сам, что побежал бы?

– Да ты оборзел, Цех... Ты что по морде давно не получал?

– Да пошёл ты, Фока..., – дальше я смело послал Фокина и остальных, куда и удмуртов посылают тоже, так как увидел подходящих к расположению взвода друзей-воркутинцев и остальных из нашей команды.

Фока сначала опешил от моей наглости, а когда решил перейти к более решительным действиям, послышался спокойный голос Николая Сычёва: – Фока, погоди... Ты чего на него наезжаешь? Сейчас остальные подойдут – вот тогда нам всем и предъявляй предъяву... А? А если хотите подраться – пошли в умывальник и там стенка на стенку. Пошли?

Сержантов, кроме Тетенова, который маячил около тумбочки дневального, в расположение больше не было, а разрастающийся конфликт начал собирать вокруг нас курсантов с других взводов. Из расположения третьего взвода вынырнул Юрка Комиссаров с друзьями и они сразу же приняли нашу сторону. С пятой батарее подтянулись до десятка человек, которые стали подзуживать наоборот удмуртскую команду на драку.

– Что, зассали...? Давай..., вас как раз поровну...

Наверно, групповая драка произошла бы прямо в расположение, слишком был высоким накал страстей, но в этот критический момент появился старший сержант Бушмелев, мгновенно оценивший ситуацию.

– Смирно!!! – Замкомвзвод обошёл замерших курсантов, в том числе и с пятой батарее и, погрозив кулаком, грозно предупредил, – пока я не скажу «Вольно», чтобы ни одна сволочь не пошевелилась... Тетенев – Ко мне!

Судя по тому, как с «убитым видом» оправдывался Тетенев, но Бушмелеву он не посмел соврать, а сказал правду о причине разборки, до минимума приуменьшив свою роль.

Смерив уничижительным взглядом младшего сержанта, Бушмелев направился к нам – «Вольно». Строиться... Всем строиться...

Бушмелев был немногословен. Вывел из строя Фокина, молча осмотрел его с ног до головы и слегка постучал ему по голове кулаком: – Товарищи курсанты, сейчас я до вас доведу два основных армейских закона. И если вы их будете выполнять, то служба и жизнь в армии у вас пройдёт спокойно и легко.

Первый – Сам не напрашивайся, а если прикажут выполняй.

Второй – Инициатива в армии трахает инициатора. Вам понятно – Балбесы?

– Так точно, товарищ старший сержант. – Слитно и громко выдохнул строй.

На этом конфликт был исчерпан. Бушмелев завёл Тетенова в учебный класс и дневальный, стоявший на тумбочке, слышал как старший сержант орал, ругая Тетенова: – Ты что салабон творишь? От тебя самого ещё кирзухой несёт, а ты вздумал в моём взводе курсантов стравливать? Если тебе скучно, то я тебе такую жизнь устрою....

На следующий день, учитывая вчерашний опыт, команда командира взвода вовремя развернула пункт приёма личного состава, чем заслужила похвалу начальника штаба полка. Вечером Тетенов и Фокин ходили гордые от успеха, а Фока, торжествуя сверкнув золотой фикусой, даже снизошёл до меня, снисходительно похлопав по плечу: – Ну что, пионеры, как вы там сопли в учебном корпусе вытирали, когда нормальные парни нормальным делом занимались?

– Да лучше сопли в тепле вытирать, чем с тобой на морозе....

Фока не обиделся, лишь осуждающе протянул: – Ну что ты, Цех, нарываешься? Мы же в одном взводе служим...

– Вот именно, Фока, в одном... Задумайся...

Сегодня расставлять ничего не надо, а сразу после завтрака идём на проверку подгонки противогазов. Судя по ехидным репликам старослужащих сержантов и многозначительным ухмылкам, данное мероприятие нас насторожило. Подговорив Фоку, правую руку Тетенова, мы его подослали к младшему сержанту, но тот загадочно улыбнулся – Сами увидите...

Я уже пять минут важно расхаживал вдоль рядов с автоматами, как входная дверь, взвизгнув пружинами, широко распахнулась и в расположение батареи ввалились командиры взводов – лейтенант Князев, старший лейтенант Метелёв и лейтенант Гусев. Вместо того чтобы зайти в канцелярию, они прошли в само расположение и удобно расположились на табуретках, молча стали наблюдать за моими действиями.

Помолчав, лейтенант Гусев повернулся к офицерам: – Вот сразу видно, что это молодой, необученный солдат. Князь, чего твои сержанты бойцов не обучают? У тебя один только Бушмелев, чего стоит...

Я ещё больше приосанился и напыжился, считая, что это придаёт мне большей ответственности. Ну и чтобы не подвести своего командира взвода. Лейтенант Князев молча сверкнул на меня глазами, но промолчал.

Не дождавшись реакции Князева, Гусев переключился на меня: – Товарищ курсант...

Остановившись, повернулся лицом к офицерам и принял строевую стойку.

– Товарищ курсант, вы сейчас находитесь на боевом посту по охране оружия. И почему вы так держите автомат?

Мы ещё не изучали положение Устава Гарнизонной и Караульной службы, поэтому я помолчал и лишь нерешительно пожал плечами.

– Всё понятно. Слушай меня, курсант. Снимай автомат с плеча и наполовину отпусти ремень, – я вопросительно посмотрел на командира взвода, но тот с непроницаемым лицом смотрел на меня. Отпустил ремень автомата и посмотрел на Гусева, а тот удовлетворённо кивнув головой, продолжил, – а теперь автомат вешай на шею и берись за него обеими руками. Ну, ты же в кино видел, как немцы автоматы носили!?

Я снова кивнул головой, накинул ремень автомата на шею и взялся правой рукой за рукоять автомата, а левой за магазин.

– Ну что, удобно? – Мне только и оставалось кивнуть головой, – вот так и ходи.

Опять посмотрев на Князева и не увидев какой-либо реакции, я начал мерно, как фашист, прохаживаться вдоль автоматов, лежащих на полу.

Через минуту молчания старший лейтенант Метелёв, авторитетно заявил, одновременно обращаясь к Гусеву и Князеву: – Неее парни – так уже нельзя охранять. Это было в старом Уставе, а сейчас идёт обсуждение новых Уставов и неделю назад, я в штабе полка читал новые изменения. Теперь охранять будут по-другому.

– Товарищ курсант, – я опять повернулся к офицерам и, чувствуя себя совершенно глупо, принял строевую стойку, выпятив живот вперёд, чем вызвал весёлый смех командиров взводов. А Метелёв оживлённо хлопнул ладонями и энергично потёр их друг об друга.

– Делай следующим образом. Ремень автомата укороти, как он был у тебя раньше.... Так укоротил? Молодец. Ноги ставь на ширину плеч. Так.... Так... Ещё чуть по шире. Теперь прямым хватом берёшь автомат. Да не так. Правой рукой вот тут..., за цевьё, – Метелёв сорвался с табуретки и теперь показывал, как надо брать автомат, – во..., вот так. Теперь опускай руки с автоматом вниз. Оооо.... Жалко каски нету. Там, в новом положении, говорится, что у часового каска должна быть. Так челюсть чуть-чуть вперёд. Вот теперь смотри: ты стоишь – автоматы все перед тобой. Ты не мотаешься взад-вперёд и всё видишь сразу. Вот это и есть новая стойка часового.

Метелёв довольный уселся на табуретку, а я, ощущая себя американским солдатом, чувствовал себя довольно глупо. Но командир взвода молчал и Метелёв был старшим лейтенантом – наверно знает больше чем мой взводник?

Выдержав долгую паузу, командир взвода наконец-то проявил себя. Встал и подошёл ко мне: – Цеханович, отставить. Слушай командира взвода.

Князев повернулся к своим товарищам: – Давайте не будем забивать всем этим голову курсанту. Тем более, что через неделю мы сдаём на склад автоматы, а взамен получаем карабины СКС. А там стойка часового совершенно другая. Цеханович, в Москве был? Был. Видел, как у мавзолея Ленина почётный караул меняется?

Я кивнул головой.

Вот. Давай, приклад автомата ставишь в правую ладонь, а сам автомат прислоняешь к плечу. Вот так. И теперь строевым шагом, ну не надо так как у мавзолея, лишь лёгким строевым шагом прохаживаешься. Вот так..., вот так...

Я начал неуклюже вышагивать по центральному проходу, чувствуя себя нелепо и ещё оттого, что никак не мог приноровить к шагу отмашку левой руки, потому что автомат в неустойчивом положении активно шатался и мне приходилось принимать много усилий чтобы не уронить его. А лейтенант Князев вернулся к табуретке и тут выдержка изменила офицерам и они захохотали во весь голос. Я было остановился, поняв, что надо мной просто шутят, но Князев вытирая слёзы махнул мне рукой, – давай продолжай курсант, в том же духе. У тебя хорошо получается, – и офицеры вновь залились смехом, увидев, как я начал шагать, причём отмашка левой рукой пошла под другую ногу.

– Батарея – Смирно! – Прозвучала громкая команда дневального от входа и в расположении появился командир батареи капитан Климович. Был он явно не в духе и от дверей сразу же направился к командирам взводов, которые встали с табуреток.

– Вольно! – Комбат с тяжёлым вздохом опустился на табуретку и, метнув огненный взгляд на командиров взводов, начал раздражённо выговаривать им: – Чего вы тут хернёй занимаетесь? Курсант и так ничего не знает.... Ты чего, Цеханович, как идиот ходишь? Князев, вместо того чтобы нормально научить курсанта, ты издеваешься над ним. А вы чего, старший лейтенант, лыбьтесь?

– Цеханович, иди сюда.

Я приблизился к командиру батареи, не ожидая ничего хорошего.

– Кто тебе сказал так охранять оружие? – Я пожал плечами и промолчал.

– Понятно. Так. Возьми автомат так, как будто ты хочешь уколоть штыком. Ну? Правильно. Теперь сделай укол... Да сильнее, сильнее... Чего ты только руками машешь? Дай автомат сюда.

Комбат взял у меня автомат, встал и сделал быстрый и красивый штыковой приём: – Понял? Не руками колоть, а всем телом... вот так..., – комбат опять сделал в воздухе несколько уколов и это у него получилось красиво и даже изящно.

– На, – Климович отдал мне автомат, – повтори.... Ещё раз..., ещё. Ну, потянет на первый раз. Теперь бери автомат на изготовку, как-будто перед уколом штыком и... Самое главное, Цеханович, при этом передвигаешься, шагами чуть шире, чем обычно. Пошёл, пошёл. Нормально...

Я неуклюже зашагал в таком положении по центральному проходу и офицеры так и грохнули от смеха, в том числе и Климович. А отсмеявшись, комбат махнул рукой: – Ладно, Цеханович..., посмеялись, пошутили, повеселились. Давай, продолжай охранять.

Офицеры пересмеиваясь, удалились в канцелярию на совещание, а я сам засмеялся, представляя, как выглядел в каждом из положений. Так посмеиваясь и дождался прихода батареи.

Караульный городок, рядом с которым была расставлена палатка для проверки противогозов, был пустынным и наша батарея согласно графика начинала первой, а так как Тетенев с несколькими курсантами расставлял палатку и помогал в этом мероприятию полковому химику, то наш взвод пропускался в первую очередь. Мы построились и начальник химической службы полка провёл краткий инструктаж и сразу же отсчитал первые десять человек.

– Тетенев, ну что готов ты там? – Нетерпеливо и раздражённо прокричал капитан, – Ты там заснул что ли?

Полы палатки распахнулись и оттуда высунулся младший сержант в противогазе и глухим голосом проорал в ответ – Готово! И нырнул в палатку.

Капитан удовлетворённо вытащил из кармана блестящий секундомер и, щёлкнув кнопкой, воодушевлённо заорал – ГАЗЫ!!!

Мы были готовы, поэтому команда была выполнена быстро, но всё равно не уложились в норматив, чем явно разозлили химика, сразу кинувшегося в крик: – Бушмелев, это что за выполнение норматива? – Капитан разъярённо сунул секундомер под нос побагровевшему сержанту.

– Товарищ старший сержант, впредь попрошу вас обратить серьёзное внимание на отработку всех нормативов. А то следующий раз вместе с ними в палатку полезешь.

– Направо! В палатку бегом марш. Бушмелев на вход и не выпускать. – Уже интригующе весело скомандовал полковой химик.

Толкаясь на входе, подталкивая друг-друга, заскочили в палатку и живо построились вокруг раскалённой жаровни, рядом с которой стоял Тетенев с коричневой пузатой склянкой в руке. Оглядев нас через стёкла противогаза, он плеснул немного жидкости на жаровню, где она мгновенно вскипел, запарила. И тут до нас дошло, почему так противно и ехидно ухмылялись старослужащие и так весело командовал капитан. Через секунду, как младший сержант плеснул, дыхание резко перехватило и на меня накатила судорожный кашель. Из носа мгновенно потекли сопля, а из глаз слёзы. Мигом сообразив, что раскалённые пары поднимаются вверх, а внизу чистый воздух, я рухнул на землю и тут же, откатившись в угол, смог видеть, что происходило в палатке. А там, потеряв от слёз, соплей и кашля ориентацию в ограниченном пространстве, металось в поисках выхода из палатки безумное стадо курсантов, завалив на землю жаровню и заодно Тетенева. Четверо из них нащупали выход и пытались вырваться в наружу, но Бушмелев не давал им выскочить и закидывал их обратно, а они вновь и вновь безуспешно атаквали выход. Мой манёвр оказался правильным и своевременным и я буквально за пятнадцать-двадцать секунд пришёл в себя – прокашлялся, проперделся и проморгал глаза от слёз. А ещё через двадцать секунд, сообразив, что через выход на улицу не прорваться,

толпа курсантов дружно ломанулась на стенку палатки, заново завалив на землю Тетенова и палатку от мощного рывка сорвало с кольев на начхима. Капитан потерял равновесие и упал на снег, а через него и по нему, на карачках, к свежему воздуху ползли кашляющие, ничего не видящие курсанты. Все, в том числе и я, сорвали противогазы, радостно дышали часто-часто, вдыхая в себя чистый и морозный воздух. Весь помятый и истоптанный капитан химической службы, наконец-то выбрался из-под палатки и сразу же накинулся с руганью на замкомзвода. Но ругался недолго, так как палатка вдруг зашевелилась, вздыбилась и оттуда вылез растерзанный Тетенов с хорошей ссадиной на лбу. Помимо ссадины в правой руке он держал горлышко от разбитой склянки с учебным отравляющим веществом хлорпикрин, остатки которого прочно пропитали шинельное сукно сержанта. Капитан с Бушмелевым смеялись во всё горло, над Тетеновым, мы же вынуждены были лишь хихикать, чтобы своим смехом не обидеть младшего сержанта. Но тому было не до нас: от пропитанной химическим веществом шинели так несло, что через две минуты он согнулся и стал бурно блевать на снег. Химик с Бушмелевым подскочили к командиру отделения, сорвали с него шинель и стали умыть того снегом и через две минуты Тетенова увели в санчасть, а мы начали устанавливать поваленную палатку. И к приходу остальной батарее всё было в норме. Нас опять построили и проверили противогазы. Всё оказалось просто: нас уже пару раз гоняли в противогазах на марш-бросках и чтобы нормально дышалось, мы повывёртывали клапана и на этом погорели. Бушмелев за это одел на нас противогазы и мы ХОРОШО побегали. Под конец марш-броска старший сержант специально загнал нас на караульный городок, где по кругу плотно стояли большие металлические плакаты с выдержками из Устава Гарнизонной и Караульной службы. Стёкла в противогазах к этому времени замёрзли напрочь и мы ничего не видели. Метались по площадке, пытаясь найти выход, но постоянно натывались на препятствие и отовсюду неслись вскрики и звонкие удары о металл. В конце-концов Бушмелев сжалился над нами и мы сняли противогазы. Из запасов начхима поставили в клапанные коробки клапана и снова, но уже благополучно прошли обкуривание хлорпикрином.

До Группы Советских войск в Германии осталось 153 дня.

Глава четвёртая

Наконец-то начались настоящие занятия. Нет... конечно, строевые и политические занятия и занятия по Физо и Уставам, которые были основными до принятия Присяги, продолжались, но теперь появились и другие – техническая под-ка, специальная, тактическая, занятия по оружию массового поражения, разведывательная, медицинская, военная топография, инженерно-сапёрная и другие.

А на улице в это время установилась настоящая Уральская зима. Блин... – 40 градусов. Да ещё как рассказывали наши старослужащие сержанты – Елань с перевода с челдонского (местного языка) обозначала – Впадина. Вот и получалось, если в окрестностях температура была минус 30-35 градусов, то весь холод сползал в нашу огромную впадину и здесь уже было минус 40 градусов. И ещё из-за этого не было ветров, поэтому и стоял стойко у нас мороз – 40. Чёрт побери, ни градусом меньше, ни градусом больше. Минус 40 и всё.

За нашей батареей было закреплено в учебном корпусе, на первом этаже два класса и чтобы совсем не заморозить курсантов, занятия чередовались. Два взвода с утра и до обеда, несмотря на морозную погоду, уходили на тактические занятия в поля, на прямую наводку. А остальные два взвода в это время занимались в тёплых классах в учебном корпусе. После обеда, те кто занимался в поле, уходили на занятия в тёплые классы, а остальные шли на территорию и убирали её, что порой, особенно во время снегопада или метелей, затягивалось до отбоя. И со следующего утра, они же уходили на занятия в поля. А это было ещё то испытание. Не сказать, что мы были одеты плохо. Двойное нательное бельё, одно из которых было простые кальсоны и нательная рубашка, а второе тёплое, фланелевое бельё. Так и портянки в кирзовых сапогах были тоже двойные – обычные фланелевые и тёплые из шинельного сукна. Плюс хлопчатобумажное обмундирование, шинель, шапка и двухпалые рукавицы. Вот рукавицы были самым слабым местом, где руки промерзали мигом, как только ты выходил на мороз. А так мы одевались достаточно тепло, но конечно не для сороковника. Тут нужен был хороший бушлат, тёплые ватные штаны и валенки. Вместо рукавиц – шубенки. Но... нам почему-то это не выдавали. И на занятия разрешали укутывать нижнюю часть лица простым вафельным полотенцем и вместо кирзовых сапог одевали валенки.

Перед выходом на занятия мы строились внутри расположения и получали материально-учебную базу: оптические прицелы, панорамы, учебные плакаты по теме занятия, большие металлические ящики ЗИПов (Запасные Инструменты и Принадлежности). А это четыре ящика: одиночный ЗИП на каждое орудие и групповой на батарею из трёх ящиков. Три ящика были довольно лёгкие, а вот четвёртый ящик из группового ЗИПа, где находился воздушно-гидравлический насос, был тяжеленный. Всё это надо было тащить на прямую наводку за полтора километра и при распределении ЗИПов зачастую происходили быстрые жаркие схватки, на потеху сержантов. Никто не хотел тащить четвёртый ящик ни туда, ни обратно. Но тут была своя фишка, которую мы с одноклассником Володей Дуняшиным мигом просекли. Те, кто тащил этот ящик, двигались самостоятельно, без строя, отставали, таща тяжеленную железяку, и на занятия приходили с опозданием на 20-30 минут. И уже со второго занятия мы не лезли в нешуточную борьбу за лёгкие ЗИПы и с фальшивой кислой миной брались за металлические ручки четвёртого ящика, с видимым усилием и пыхтением выходили вместе со взводом на мороз и шли к месту занятия, постепенно отставая, демонстративно через каждые десять-пятнадцать метров меняясь местами. Тоже происходило, когда мы возвращались обратно с занятий, только наоборот – нас отпускали пораньше.

На нашу нездоровую добросовестность быстро обратили внимание удмурты и по первому времени часто после обеда подходили к нам, выказывая претензии: – Чё ты, Цех, с Дуняшиным выслуживаетесь что ли? Чё вы хотите доказать и кому?

Я принимал смиренный вид, но подпусти некую долю возмущения, гневливо отвечал: – Ты чё, Фока...!? Попутная физическая тренировка... Я ж подъём переворотом ни хрена сделать не могу, вот и тренируюсь, и качаю мышцы.

Что-то подобное бухтел в ответ Володя и с недовольным ворчанием, типа: другую мышцу надо качать, те уходили. А потом они совсем перестали обращать на это внимание – раз, долб...бы, ну пусть таскают... Нам меньше достанется. И невдомёк им было, что как только взвод скрывался за углом столовой, так мы с Дуняшеным тут же меняли направление и мчались к солдатскому чипку (магазину). Бросали там ЗИП (кому он на хрен нужен такой тяжёлый), стучались в дверь и нам быстро открывала Евдокия Дмитриевна, заведующая и одновременно продавец чипка, которая к этому времени приходила на работу. На плитке уже пыхтел чайник, испуская из носика струйки белого пара, на столе стояла тарелка с свежеспечёнными пирожками, либо печеньем. Мы только скидывали шапку и рукавицы и садились за стол пить крепко заваренный, сладкий чай. А Евдокия Дмитриевна сидела напротив нас и со слезинками в уголках глаз смотрела, как мы торопливо, обжигаясь пили чай и глотали испечённые ей пирожки. У неё сын тоже служил, но очень-очень далеко – на Камчатке и свою материнскую любовь, хотя бы таким способом она изливала на нас. Эти благостные пятнадцать-двадцать минут в тепле пролетали мигом, мы хватали шапки, рукавицы, бурей вылетали на улицу, хватали не украденный ЗИП и мчались в сторону прямой наводки. Только перед тем как мчаться, мы у крыльца чипка доставали из кармана крепкую верёвку, привязывали к металлической ручке и с гиканьем мчались по мёрзлой дороге, легко волоча ящик. Иной раз на него прыгал я или Володя и как на санках мчались на занятия. За сто пятьдесят метров, за бугром, останавливались, отвязывали верёвку и выходили к месту занятия, где все уже замёрзли и приняли зимнюю стойку, розовощёкие, разогретые, сытые, но артистически изображающие из себя убитыми таким тяжким трудом.

А когда мы вдоволь наморозимся на занятиях, нас с Дуняшиным отпускали в казарму за двадцать минут до конца занятия. Типа – пока они дотащатся с грузом, то взвод их догонит и все одновременно придут в казарму. С тяжёлым и показательным громким оханьем, под подколки замёрзших сослуживцев, мы с Дуняшиным тащимся вверх по дороге, изо всех сил изображая как нам тяжело. Но как только перевалим за бугор, из кармана мигом появлялась верёвка и мы с азартом неслись все полтора километра, гремя промёрзшим ящиком по обледенелой дороге. За углом столовой, хватали ящик за металлические ручки и трудолюбиво, лёгким галопом, бежали через плац в подъезд родной казармы. И теперь у нас есть пару десятков ценных минут свободы и балдежа до прихода взвода.

А после обеда балдёж в тёплом классе учебного корпуса. Мы всегда занимались в классе, где стояла в боевом положении наша красавица 122 мм гаубица Д-30. На трёх станинах, с поднятыми в боевом положении колёсами, она смотрелась хищно и красиво именно той военной красотой, где ничего не убавить и не прибавить.

Разрабатывалась она больше десяти лет тому назад для десантников, чтобы была она лёгкая, быстро, за полторы минуты, приводилась в боевое положение, удобная в обращении и в тоже время мощная. Но получилась до того удачная, что она пошла во все войска. Дальность стрельбы 15 300 метров, весом 3200 кг, колёса, которым не страшны ни пули, ни осколки, с наполнением каучуком. Можно стрелять хоть прямой наводкой по танкам, хоть с закрытой огневой позиции или как миномёты, мортирной. И вот в классе мы изучали все её технические достоинства, в том числе и как применять вот этот тяжёлый воздушно-гидравлический насос, который мы таскали. Занятия по технической подготовке обычно проводил замкомвзвод Бушмелев и когда мы более-менее усвоили материал, то дальше нами занимался уже Тетенев, который должен был закреплять в наших головах полученный материал. Но его хватало только на первый час занятий и, разморившись в тепле, он утыкался лицом в лежащую на столе шапку и засыпал. А уж мы, глядя на сержанта, засыпали ровно через десять секунд после него. Пару

раз неожиданно приходил с проверкой Бушмелев и, застав сонное царство, выводил в коридор Тетенова и драл его там как «сидорову козу». После чего, вздрюченный сержант начинал гонять уже нас. И вроде бы нам в этом случае было не до сна, но всё равно то один, то другой, сидя за столом уходил в глубокую дрему. И тогда Тетенов становился в охотничью стойку и тихо командовал – «Кто спииииит...», а потом громко – «Встать! Смирно!». И все кто дремал, слыша последнюю команду, под дружный смех остальных, дико вскакивали и вытягивались в струнку, пуча ещё не проснувшиеся глаза, а иной раз и заваливаясь в сторону от потери равновесия. Вот уж смеха было.

– Так..., выходи сюда, – торжествовал сержант и провинившиеся выходили к его столу, разбирали со стенда учебные осколочно-фугасные снаряды и по команде начинали с ними приседать. 50 раз, при этом они должны рассказывать тактико-технические данные снаряда: – Осколочно-фугасный снаряд, вес 21,76 килограмм, начальная скорость полёта на полном заряде 690 метров в секунду, вес взрывчатого вещества внутри снаряда 4 килограмма... И так далее и тому подобное.

Присев таким образом 50 раз, раскрасневшиеся нарушители садились за свои столы и через десять минут смеялись над другими уснувшими и теперь точно также приседающие перед всем взводом. Но как бы от этого не взбадривался, но через какое-то время тебя вновь тянуло в сон и ты снова влетал. Но теперь ты уже должен не приседать, а произвести пятьдесят заряданий снаряда на учебном тренажёре. Вот тут ты взбадривался гораздо больше. Потому что надо было хватануть из ящика осколочно-фугасный снаряд и с рёвом: – Осколочно-фугасный..., – пробежать через весь класс, положить снаряд в зарядную камеру станка, схватить досыльник и с силой дослать снаряд в нарезку ствола, после чего снаряд на учебном станке выпадал в специальный приёмник, ты его оттуда хватаешь и галопом, через класс несёшь его обратно в ящик. Теперь хватаешь гильзу и с новым рёвом: – Заряд четвёртый..., – бежишь снова к станку, кладёшь его в зарядную камеру и уже ладонью, сильным тычком досылаешь его, клин затвора подымается, закрывая канал ствола. После чего кричишь «Готово!» и с большим усилием, с одного рывка рукояткой опускаешь клин затвора. Выхватываешь гильзу и бежишь обратно к ящику, кладёшь её туда и снова хватаешь снаряд и бежишь его заряжать. После такой гонки, на ближайший час ты хрен заснёшь, но зато получаешь дополнительные физические нагрузки и совершенствуешь навыки в обращении со снарядом. Но учили и готовили нас хорошо. Хотя иной раз делали это варварски. Но опять же как на это смотреть.

Уж чего там говорить, но приходили мы армию ещё детьми. Да, нам было по 18 лет и наши сержанты, старше нас всего на два года, но которые уже прошли все тяготы и лишения военной службы, смотрелись в наших глазах взрослыми парнями. А мы имели всё ещё детскую конституцию тела, худенькие, тощие шейки, детские, ещё не оформившиеся голоса. Физическими нагрузками, правильным и калорийным питанием армия лепила из наших детских тел взрослую статью. А вот именно в учебках, в линейных подразделениях этого не было, помимо наших тел, нам ломали голоса. Варварски, но быстро и эффективно. На всех передвижениях строем, на строевых занятиях на заставляли не петь песни, а орать их, перенапрягая голосовые связки. Что называлось – отработкой или постановкой командирского голоса.

– Вы должны орать команду так, – поучали сержанты, – чтобы вас во время боя даже противник слышал, тем более когда кругом рвутся снаряды... вы должны во время команды рот открывать на ширину приклада, – требовали они. И мы орали песни, мы орали на занятиях по строевой подготовке. А потом страдали от боли в горле, от застуженных глоток, хрипели в разговорах. Ночью проснёшься, идёшь в туалет и из 250 курсантов спящих на всём этаже, как минимум 150 сильно и надсадно кашляли. Кто тяжело заходился в кашле, кто легче... Меня бог миловал и этот период для меня прошёл легко, но зато через два месяца любой из нас мог рывкнуть команду так, что она могла докатиться до штаба дивизии, заставив там

вздрыгнуть всех, а ты сам зачарованно вслушиваешься в свой новый, мужской голос... И опять с удовольствием рявкнешь, чтобы снова получить удовольствие.

Сегодня идём первый раз в караул. Не весь взвод, а только пятнадцать человек из самых подготовленных. 15 караульных, пять постов по три человека. Тетенев разводящим, Бушмелев помощник начальника караула и командир взвода начальником караула. Поэтому после политзанятий нас посадили в класс подготовки к караулу и целый час Тетенев терзал заступающих на предмет знания положений Устава Караульной и Гарнизонной службы. Все какие положено было знать статьи Устава наизусть я знал, а остальное хорошо помнил. Поэтому этот час я просто балдел в тепле и Тетенев сосредоточил свои усилия в основном на удмуртах, на которых он ругался и обещал не давать спать в отдыхающей смене, пока они не заучат нужные статьи, что для деревенских парней было тяжело переносимой мукой. Потом минут тридцать уделили Табелю постам и практической части, когда старший сержант Бушмелев провёл нас по всем постам. А это были: пост у знамени полка в штабе полка, пост в парке с боевой и учебной техникой, пост по охране складов продовольствия и вещевого имущества, пост на прямой наводке, где у нас проходили занятия и где в окопах стояли гаубицы в боевом положении, и пост посередине поля, склад с хим. имуществом, где Бушмелев махнув в нашу сторону рукой оповестил.

– Пост № 5. Курсанты Цеханович, Дуняшин и Панков, это ваш пост. Вопросы какие-то есть? – Мы огляделись. Голое поле. С одной стороны болотистая местность полигона, это сейчас она скрыта ровной пеленой снега, искрящейся на солнце миллионами разноцветных искорок, но если пойти по снегу в глубь полигона, то уже через метров двести промочишь насквозь валенки, потому что, болото прикрытое слоем снега ещё местами не промёрзло и следы быстро темнели от болотной влаги. В полутора километрах справа виднелась куца улица из четырёх домов деревни Порошино, почтовый адрес нашей дивизии, а в трёх километрах впереди, за Долиной Смерти, большая деревня Калиновка. Ну и слева, в пятистах метрах, на высоком пригорке парк ракетного дивизиона, столовая и дальше уже наш арт. полк с казармой танкового полка Даурия.

– Да нет, товарищ старший сержант... – вразнойбой ответили мы, а Бушмелев усмехнулся.

– А надо, хотя бы спросить – А чего этот пост Мандавошкой называется?

Мы более внимательно посмотрели на одиночное здание склада, стоявшего в голом поле, на худую ограду из ржавой колючей проволоки, на часового, бредущего в тяжёлом тулупе, с автоматом в обнимку по снежной тропе вдоль колючки и в недоумение пожали плечами.

Бушмелев рассмеялся и кивнул на часового: – Вот так и вы будете, как мандавошка бегать вокруг склада, – и все засмеялись, представив на мгновение такую яркую картинку.

Потом были практические занятия на караульном городке. После обеда снова занятия и к разводу, все уже были задёрганы. Но на укороченном из-за сильного мороза разводе отвечали на все вопросы чётко и с радостью отправились в тёплую караулку, которая находилась буквально в двухстах метрах от плаца, между кочегаркой и столовой.

Фууу..., наконец-то мы в тепле. Быстро приняли караульное помещение, Тетенев отвёл первую смену и принял посты. Ужин, моя смена третья..., то есть через четыре часа, которые пролетели в какой-то мелочной суете. Я надеялся, будучи в отдыхающей смене, хоть немного поспать, но не получилось и в одиннадцать часов выходил из караульного помещения на смену постов.

Чёрт побери, на разводе температура была около сорока градусов, а сейчас не меньше сорока пяти. Лица у нас были закрыты до глаз полотенцами, на ногах валенки, а на постах на голову, под шапку, должны одеть утеплённые маски с прорезью для глаз, одевали тулуп и на солдатские двух палье рукавицы меховые шубенки. Быстро пробежались по всем постам, сменили и Тетенев, который был одет в шинелку и уже замёрз, чуть ли не бегом погнав нас на мой пост. Дуняшин уже ждал, переминаясь с ноги на ногу у хлипких ворот, опять же из

колючей проволоки. Я метнулся к единственным воротам, в ярком свете полной луны отчётливо рассмотрел заиндевевшую целую печать и быстро, насколько это было возможно снял с Володи тулуп, он помог мне его одеть и я чуть не упал от тяжести тёплого одеяния, натянул на лицо маску и надел на руки шубенки.

– Товарищ младший сержант, курсант Дуняшин пост сдал. Товарищ младший сержант, курсант Цеханович, пост принял... – глухо доложил из-под полотенца и маски.

И Тетенов, еле дождавшись нашего доклада, галопом, во главе короткой цепочки караульных, помчался в караульное помещение, а я впервые за месяц остался один. Даже было странно. Как так...!? То всегда, вокруг меня было суетившиеся куча людей, где я сам активно суетился, гоношился, что-то делал, куда-то бежал... И вдруг я один... И никуда не надо бежать и быть в готовности выполнить любой приказ или услышать грозный рык сержанта. Какое это оказывается благо – быть одному. Даже, чёрт с ним с постом... Ты один. И я блаженно вздохнул и побрёл по тропе вокруг деревянного склада. В таком одеяние быстро согрелся и наслаждался покоем. Единственно, что было неудобно – это держать автомат. Из-за многочисленных слоёв громоздкой одежды я был вынужден держать автомат в охапке и другой раздражающий, но смешной момент, с чем неожиданно столкнулся. Согрелся и меня стало морить сонливость и одолела зевота. И по первости не стеснялся и зевал во весь рот, из-за чего струйка пара из-под полотенца на лице, пробивались сначала под маску, а оттуда в прорезь для глаз. Влажный пар попадал на ресницы закрытых глаз в сладостном зевке и тут же замерзал, плотно склеивая льдинками ресницы.

Ёкарный бабай. Усиленное моргание, глубокое морщенье мышц лица не приносили успеха и ресницы оставались смёрзшими. Тогда приходилось доставать руку из солдатской рукавицы, из обширной шубенки и голой рукой раздирать склеенные морозом ресницы, а потом ещё оттаивать остатки ледышек на кончиках, оставшихся на глазах ресниц, а зверски выдранные ресницы убирать, чтобы они не попадали в глаза. Рука за это время успевала здорово замёрзнуть и быстро ныряла в шубенки, чтобы через пару минут всё повторилось, когда я вновь зевал. Сонливость в этой борьбе быстро пропала и теперь если хотел зевать, то приходилось большим усилием лицевых мышц задавливать зевок, но уже теперь рискуя вывихнуть челюсть... И смех и грех....

Я уже больше часа бодренько выхаживал вокруг склада, как вдруг услышал невнятные голоса и хруст снега под приближающими шагами.

Не понял??? Я быстро обежал вокруг склада и удивлённо посмотрел на единственную дорогу идущую сюда. Там никого не было, а шаги были – Хрусть..., хрусть.... Хрусть..., хрусть... Что за чёрт? Окинув ещё раз внимательным взглядом дорогу, вплоть до ракетного дивизиона на горке, чистое поле – никого. И метнулся за склад и там тоже оглядел чистое поле полигона – Никого...!!! Но обратил внимание, что звук шагов стал глуше и доносился всё-таки с той стороны. Опять выскочил... Да..., что за чёрт? Шаги есть, а никого не видно... Причём, шаги явно по укатанной дороге, но на дороге никого нет. Я скинул с рук шубенки и щёлкнул предохранителем автомата, весь обратившись в слух и вдруг услышал голос: – Маша, завтра пойдём в кино в Калиновку? – Стукнула калитка, именно звук закрывающейся калитки, и голос невидимой Маши прощепетал.

– Посмотрим... Если завтра такая холодрыга будет, какой смысл переться туда?

– Хорошо, спокойной ночи..., – и снова хрусть-хрусть..., хрусть-хрусть. А я с облегчающим матерком, вернул предохранитель на место и стал натягивать шубенки на рукавицы. Как я мог повестись на такую банальщину? Ну..., понимаю там городские, но я то не городской и прекрасно знаю, как в сильные морозы звуки распространяются далеко и чётко. Вот и сейчас слышал шаги и разговор парочки с деревни Порошино. Я вновь мерно зашагал по тропе, а ещё через тридцать минут прискакал галопом Тетенов со сменой. Быстро была произведена смена часовых и мы бегом помчались в караулку, до которой было около километра.

Оказавшись в тёплом караульном помещении, разделись и Бушмелев произвёл боевой расчёт, после чего заглянул в комнату начкара и сказал туда: – Всё, товарищ лейтенант...

Лейтенант Князев оглядел коротенький строй и качнулся на ногах с пятки на носки и обратно: – Товарищи курсанты, согласно Устава, при таком морозе, мы должны менять вас каждый час. А смена занимает около сорока пяти минут. То есть, в данном случае младший сержант Тетенов, как разводящий за эти сутки проведёт на морозе 18 часов. И придя в караулку, через 15 минут он должен снова идти на мороз. А вы на посту простояте за сутки всего 8 часов. Вот я сейчас хочу спросить вас – не трудно вам стоять по два часа на морозе?

Общий ответ был бодрым и успокаивающим: – Никак нет, товарищ лейтенант...

– То есть, мы так и оставляем несение службы на постах по два часа!? – Испытующе спросил Князев.

– Хорошо..., – услышав положительный ответ, начкар распорядился, – Бушмелев, на сегодня тогда закроем вопрос со знанием Устава отдыхающей смены. Пусть спят. А бодрствующая, в твоём распоряжение.

В три часа ночи заступил на пост и снова два часа блаженствовал в одиночестве, когда можно было помечтать или спокойно подумать о чём-нибудь приятном. А в пять часов при разряжание оружия произошёл смешной казус. Я то менялся последним и в принципе не успевал замёрзнуть за время бега до караулки. А вот остальные, особенно те, кто менялся с постов 2, 3, 4 и Тетенов, пока менялись в течение сорока минут, промерзали так, что уже плохо соображали и мысль в голове была только одна – скорей бы тепло. В этой смене на 2ом посту стоял курсант Паничкин, из глубоко интеллигентской семьи и такого же воспитания. Хороший парень, но вот это всё наложило на него определённый отпечаток – был он несколько мешковатый и лоховатый во всём. Вот он наверно замёрз больше всех и когда шагнул к месту разряжания оружия, то вместо того чтобы сначала отстегнуть магазин, потом снять с предохранителя, передёрнуть затвор, произвести контрольный спуск, он ошибся и, замороженный, снял автомат с предохранителя, передёрнул затвор и нажал на спусковой крючок. Тетенов тоже был замороженный и тупыми, воловьими глазами смотрел на неправильные действия курсанта. Естественно, грянул громкий выстрел и пуля ушла в пуле улавливатель. Все вздрогнули от неожиданности, а Паничкин в испуге отскочил назад. Тетенов тоже очнулся от своих далёких мыслей о тёплой караулке и тут же заорал: – Паничкин, ДУРАККККккк! Ты чего делаешь? Блядьбьь!!! Теперь передёргивай затвор и выкидывай патрон из ствола...

Паничкин сделал шаг вперёд, передёрнул затвор и зелёный патрон вылетел на мёрзлый асфальт, а Тетенов и все мы остальные продолжали тупить. Младший сержант продолжал менторским тоном дальше учить: – А теперь делаешь контрольный спуск..., – Паничкин нажимает на курок и вновь гремит неожиданный выстрел, на который из караульного помещения выскакивают сонные Бушмелев и Князев.

– Тетенов..., – возмущённо закричал лейтенант Князев, – Чему ты учишь курсантов?

А курсанты были сами в ступоре, Паничкин больше всех.

– Паничкин, вот теперь отстёгивай магазин и укладывай его в подсумок, – Паничкин заторможено сделал, что ему велели и замер у автомата, а Князев продолжал, – чего стоишь? Делай теперь контрольный спуск и ставь на предохранитель.

Тупанули все и Бушмелев тоже, забыв, что при выстреле в стволе опять был патрон, поэтому для всех присутствующих при разряжании, новый, громкий выстрел был встречен в изрядном изумлении, а через несколько секунд досадным матом и таким же смехом старших начальников.

– Бушмелев, а ты что стоял и молчал? Видел ведь, что я вразнос пошёл... – Сквозь смех возмутился Князев.

– Да я в таком же разное был... – засмеялся Бушмелев, а ещё через несколько мгновений новый взрыв смеха, когда смеялись все. Князев сказал Паничкину, чтобы тот забирал автомат, а тот в ответ тихо сказал.

– А я боюсь – вдруг снова выстрелит...

На выстрелы прибежал дежурный по полку, которым стоял наш командир батареи и отругал всех, но сам через пять минут смеялся в комнате начальника караула и оттуда весело доносило: – Ну, Князь... Всякое видал и стрельбу в карауле при разряжение... Но вот так, чтобы три раза подряд... Никогда... Паничкин..., – дверь открылась и оттуда показалась голова комбата, глазами нашёл Паничкина и весело прокричала, – Паничкин, не горюй. Больше ты в караул не пойдёшь, будешь у меня писарем. Почерк у тебя красивый.

Так что первый караул прошёл под знаком весёлого приключения....

А на занятиях.... На строевой подготовке нас гоняли и муштровали, заставляя отрабатывать все элементы до автоматизма, так что мы забывали о морозе в минус 40 и шагали, шагали и шагали... Оттачивая каждое движение в одиночной подготовке, в строю, в совместном прохождении в составе отделения, взвода и батареи.

– Раз-два..., раз-два..., раз-дваааа, – младший сержант Тетенев стоит посередине квадрата на плацу и мерным, медленным голосом подаёт команду, а мы шагаем по разлинованным квадратикам по кругу и также медленно поднимаем ноги, отрабатывая строевой шаг, – ножку..., ножку выше... Носочек оттянут... Раз-два..., раз-два... Фока не сачкуй! Раз-два..., раз-два...

И мы идём, чётко поворачиваясь на углу большого квадрата. Ножку тянем и поднимаем на 35 сантиметров, фиксируя её на верхней точке на одну секунду – Раз-два..., раз-два... И когда ноги от таких замедленных движений и фиксаций устают, слышится новая команда – Взвод ко мне! В колонну по три становись! И теперь мы отрабатываем движение строевым шагом в составе взвода. Сначала минут пять опять в медленном темпе, а потом мы переходим на нормальный шаг. И начинаются упражнения на внимательность, когда тридцать человек должны в едином движении выполнять любые команды. В быстром темпе начинают сыпаться команды – Взводдддд На-право! Взвод На-лево! Взводдддд Кругом Марш! Тут самое главное сержанту подать команду под верную ногу и нам остаётся только выполнить её. Первые десять-пятнадцать команд мы выполняем, как правило, отлично. Потом внимание притупляется и идут ошибки. Кто-то не услышал, или услышал, но опоздал с манёвром, или повернулся не в ту сторону, попутав Право-Лево от бесчисленных команд. В ходе выполнения команд солдаты сталкиваются друг с другом, кто-то падает, кого-то толкают, мешанина, а Тетенев заливается в смехе. Но и этот этап занятия проходит и мы переходим к следующему – Прохождение Торжественным маршем.

Мы идёт, стараемся, ноги поднимаем высоко, носочки тянем, а Тетенев огорчённо орёт: – Горох..., горох..., – что обозначает – ноги опускаются на асфальт не одновременно и идёт не слитный, единый удар, а короткая дробь. Новый заход, сержант бежит рядом со строем прислушиваясь, и довольный кричит: – Сейчас, нормально, нормально..., – потом стремительный рывок вперёд и сержант падает на асфальт, плотно к нему примыкает и голос снова огорчённый.

– Ногу..., ногу..., выше, выше... Низко идёте. По новой на исходную – Бегомммм Марш!

А мы уже в поту, но снова идём и с досадой слышим опять горох. Тетенев, со своим ещё маленьким опытом исчерпал все свои приёмы и злится, не зная, как быть дальше. И в это время, как всегда в трудный момент, появляется замкомвзвод.

– Так..., на исходную...

И теперь он смотрит своим опытным взглядом. Взвод Стой! Звучит команда.

– Парни, горох..., херня, а всё из-за того что у вас, когда идёте строевым шагом, нет поступательного движения. Вы топчетесь на месте, отсюда и все беды.

Но видя, что мы не понимаем – Как это мы топчемся на месте? Мы же идём...

– Да..., вы идёте, а не стоите на месте. Но..., вы поднимаете высоко ноги и тут же их опускаете и вместо шага в 60-70 сантиметров, у вас шаг 40-50 сантиметров. Вот смотрите...

Он выводит из строя одно отделение и запускает его вдоль строя взвода, толково показывая наши ошибки. И снова тренировка и дело идёт – гороха меньше и идём уже гораздо лучше. И последнее, завершающее занятие – прохождение с песней. Тут мы уже не орём, а поём как положено. И наконец-то желанный перекур, когда все закуривают и можно опытному и уважаемому сержанту задать интересующий всех или тебя вопрос, но как правило он общий.

– Товарищ старший сержант, зачем нам многократное выполнение таких команд, как «Разойдись», «Ложись», «Направо», «Налево», «Кругом марш»? Ведь вы же сами говорите, что мы уже на достаточно высоком уровне всё это выполняем. Зачем нам это?

Сержант, который прослужил уже два года, мудро усмехается: – Товарищи курсанты, этими командами вам в голову и в ваши мозги вбивается безусловный рефлекс на бездумное выполнения приказа командира. Почему мы требуем, чтобы по команде «Разойдись» вы через две секунды должны находиться как можно дальше от того места, где вас застала команда. Или команда «Ложись», мгновенно должны лечь, даже не раздумывая в грязь, в воду. Услышал команду командира – Лёг. А вдруг снаряд летит!? И командир вовремя подал команду – Ложись или Разойдись! И тут думать нечего – падаешь и всё. Приказал стрелять – Стреляй, не думай, что перед тобой человек. Перед тобой враг и ты должен убить его. Не думая. Занятие по строевой подготовке, это лишь кусочек той армейской системы, которая закрепляет и усиливает этот рефлекс. И вам на всех занятиях, ежечасно и ежеминутно будут его усиливать и развивать.

Занятия по строевой подготовке, как бы предваряли занятия в тепле и до обеда мы занимались в тёплых классах, где занятия проходили в борьбе со сном. А после обеда, уборка территории. Хорошо если день бесснежный, то тогда все уборочные мероприятия проходят в щадящем режиме и в ленивом выравнивании окружающих сугробов. А вот если идёт снег, вот тогда начинаются «пляски с волками...». Только закончишь убирать снег на одном конце плаца, а уже вычищенный прикрыт слоем снега. И не важно, что слой тоненький, но когда ты начинаешь убирать его с площади в почти в пять тысяч квадратных метров, снега получается ну очень много... Мы один раз убрали его непрерывно с обеда и до полуночи. Снег уже не умещался на окружающих плац сугробах и его мы таскали на плащ-палатках за двести метров и увлечённо скидывали с Турецкого вала в Долину смерти, пытаясь её засыпать. Работа под руководством сержантов шла азартно, весело и мы были в поту, несмотря на морозяку. В самый пиковый момент засыпать Долину смерти нам не дали, пришёл дежурный по полку и прекратил работу. Пока раздевались, пока отбивались было уже без двадцати час ночи. А ведь на утреннем осмотре курсант должен быть подшит свежим подворотничком, бляха на пояском ремне должна блестеть как у кота яйца, сапоги начищены... А ведь утром времени этим заниматься совершенно нет и алгоритм у курсантов в этом плане был следующий: завязываешь на дужке полотенце и уже дневальный по батарее, оценивает, когда тебя ночью поднять, чтобы не было толкучки в расположение. Все дела по подготовке себя к утреннему осмотру занимают около сорока минут и ты снова ложишься спать, предварительно развязывая и снимая полотенце с дужки, чтобы не путать дневальных. Также ночью пишешь и письма домой или любимой девушке. По идее после этих ночных шараханьях по расположению организм должен приходить в боевую готовность, но как только ты сделал свои дела и забрался в койку, тебя вновь вырубают практически сразу, даже не успев донести голову до подушки.

– .....Раз-два..., раз-два... Лево..., лево..., – командует сержант и строй батареи рубит асфальт чётким строевым шагом, поднимаясь в небольшую, но длинную горочку напротив плаца дивизии, за которым располагался штаб и Дом Офицеров, а ещё дальше улицы жилого офицерского городка.

Мы возвращаемся из бани, помытые, чистые и упаренные от ходьбы строевым шагом. Баня располагалась на другом конце учебного центра, в километрах трёх и дорога в ту сторону шла всё время под уклон, поэтому дорога туда проходила довольно буднично, легко и развлекательно, хотя бы от смены армейской декорации и мы вместо своего плаца, трёх казарм и столовой, могли посмотреть и на другие казармы, и других, таких же как и мы бедолаг. Обычно, туда и обратно, мы шли походным шагом, периодически переходя на строевой. А сегодня сержанты были отчего-то не в духе и решили на обратном пути, когда дорога всё время ведёт в небольшом подъёме, прогнать нас строевым шагом, отчего, пройдя полтора километра от бани, мы уже упарились, несмотря на сильный мороз.

Тот кто не служил в армии, наверно удивился бы – Ну подумаешь, полтора километра прошли строевым шагом!? И я бы несколько месяцев назад тоже удивился, но сейчас тихо матерился про себя, напряжённые ноги устали при постоянном движении вверх, да с каждым шагом ты ещё должен тянуть носочек, да так чтобы нога подымалась на 35 сантиметров над землёй, да ещё чтоб был единый удар, когда твоя нога опускается одновременно со всеми, да ещё надо держать равнение в шеренге, чтоб не получить наряд на работу за ненадлежащее усердие...

Вообще-то движение строевым шагом рассчитаны на короткие дистанции – это прохождение торжественным маршем, с целью тренировки и другие перемещения, а тут гонят уже хрен знает сколько... Вот и не выдержал кто-то в середине строя и на грозный вопль сержанта оттуда отчётливо и сочно донеслось: – Да пошёл ты на Х..., – и строй сломался, все перешли на походный шаг. Молодые сержанты, которые и вели нас из бани, заметались вдоль строя, пытаясь восстановить дисциплину, но всё было бесполезно. Если сержант подбегал к строю, то в этом месте все переходили на строевой шаг. Только он удалялся к другому месту, как все переходили на обычный шаг и ничего сержанты с этим поделать не могли до самой казармы, где они остановили нас перед подъездом, не разрешая заходить, а сами побежали жаловаться старшине и другим старослужащим сержантам.

Мы понимали, что возмездие со стороны старослужащих последует. Вот только в каком виде? Половина батареи, кто находился рядом с кричавшим, знали виновника и так однозначно нельзя было сказать – Сдадут его или нет?

Возмездие наступило быстро. Вышли сержанты со старшиной и тот сразу задал вопрос: – Кто кричал? Выходи..., – в ответ тишина.

– Хорошо, ставлю по-другому вопрос – Если не выйдешь, то пострадает вся батарея..., – вновь тишина и отсутствие даже малейшего шевеления.

– Что ж..., батарея выбрала себе наказание. Батарея..., На-лево! За казарму, Беееегом Марш! – И мы побежали, ещё не понимая, что задумал старшина. Впрочем, бежали недалеко, всего на край высокого и крутого Турецкого вала.

Сержанты помоложе за пять минут, цепляясь за ветки кустарника, за выступающие корни сосен, цеплявшихся за склон, спустились вниз и закричали оттуда – Готовы!!!

– А сейчас, – буднично начал старшина, – все бегом спускаются вниз. Не пять минут, как ваши командиры, а одна минута. Бегом марш!

И мы полетели вниз по крутому склону. Кто-то полетел кувырком вниз сразу, кто-то чуть позже... Мчались на заднице... Бились об стволы сосен, не успевая при спуске затормозить или уклониться от столкновения. Я закувыркался в самом низу и влетел с головой в здоровенный сугроб. Не успел вылезти, как сержанты пинками стали нас выстраивать у подножья Турецкого вала и, не дав передохнуть или отряхнуться, мигом разбили на тройки, где двоих назначили в санитары, а одного раненым: – Переноска раненых..., – заорали сержанты и мы схватив своих раненых, полезли вверх по крутому склону... Чёрт побери, вот это Даааааа... Цеплялись за ветви, стволы, использовали любую зацепку, но поднявшись метров на пятнадцать-двадцать соскальзывали и летели вниз вместе с раненым. Заново его хватили и снова тащили вверх. Те

немногочисленные санитары, которые без приключений всё-таки затаскивали своего раненого на верх и с облегчением считали, что на этом для них заканчивалось занятие или они получают временный передых, пока все залезут, глубоко ошибались. Их старослужащие сержанты ногами скидывали обратно и те летели вниз, сшибая, тех кто уже хоть на какую-то высоту сумел подняться. А внизу, другие сержанты, снова гнали наверх...

Блин..., такая чехарда длилась недолго и загнанные, уставшие, мокрые от пота и снега, злые мы в конце концов залегли на середине вала и совсем не реагировали на рёв сержантов как снизу, так и сверху. Попытались сержанты снизу забраться к нам и расшевелить, но неожиданно для них получили отпор и сами полетели вниз. Те, кто был наверху, прекрасно это рассмотрели и до них тоже дошло – батарея ошетибилась и если они ещё сунутся к нам, то точно также улетят вниз и сержантский авторитет будет подорван.

– Все на верх, – прозвучала команда старшины Николаева, батарея зашевелилась и толпой полезла вверх, – в расположение Бегом марш! Строиться в центральном проходе. – И мы без строя затрусили в казарму.

Строй стоял, напротив группки сержантов и угрюмо, источая угрозу, молчал. На границе между пятой и нашей батареей начали скапливать курсанты соседей, прослышавшие о нашем маленьком бунте и сказавшие – Если что, мы поддержим...

Сержанты пятой разогнали их с границы, но в глубине расположения пятой батарее, курсанты продолжали клубиться, готовые поддержать нас. Все прекрасно понимали, конфликт надо тушить, пока он не пыханул по горячему, потому что за первый месяц службы накопилась определённая доля злобы как раз к молодым сержантам, пришедшими только-только с учебок, почувствовавших волю и власть над бесправным, как они считали, курсантским стадом. К чести дедушек нашей батареи и пятой, имевших опыт и переросшие свои амбиции, те рулили в основном справедливо и если наказывали, то за дело.

Тишину нарушил старшина, просчитав всё по-умному: – Считаю, что на первый раз вы получили достаточный урок. Кто зачинщики или зачинщик – выяснять не будем, но не забывайте, хоть нас и мало – мы власть и сила. И за нами полтора года службы, а это ещё и опыт. Так что, как заломать вас всех одновременно – опыта хватит. А теперь всем приготовиться к ужину. Разойдись!

До ГСВГ осталось 140 дней.

Глава пятая

В батарее наконец-то стало тихо. Взвода разошлись на занятия: первый и второй, одевшись потеплее, ушли на учебные точки на прямую наводку в поле, а третий и четвёртый в учебные классы, где до обеда будут заниматься в тепле. Завтра всё будет наоборот – мы пойдём на занятия в поля до обеда, а первый и второй взвода будут заниматься до обеда в тепле.

Мне повезло – наступила моя очередь стоять на тумбочке следующие два часа и я с удовольствием занял место дневального у входа в расположение. Можно было немного расслабиться, а вот остальным двум дневальным придётся эти два часа побегать и попотеть, наводя порядок в помещении. Мне, после смены с тумбочки, придётся лишь натереть мастику центрального прохода до блеска и до обеда можно будет слегка побалдеть.

Через час мне уже надоело стоять на тумбочке и я с лёгкой завистью поглядывал на остальных дневальных, которые оперативно закончив наводить порядок, сидели на табуретках и «точили лясы». Тяжело вздохнув, сменил положение ног, расслабив теперь правую ногу в стойке «Вольно», и уставился на часы, висевшие над входом. Под моим взглядом минутная стрелка дёрнулась и перескочила на следующее деление.

– Медленно, медленно, чёрт побери, – тоскливо перевёл взгляд на дверь бытовой комнаты, из-за которой внезапно послышался шум. Дверь резко распахнулась и из неё заполошно выскочил старшина батареи старший сержант Николаев с пустым цинковым ведром в руке.

– Дневальный ко мне! – Громко заорал Николаев, как будто я находился на далёком расстоянии.

– Я, товарищ старший сержант, – мигом подскочил к старшине и схватил протянутое мне ведро.

– Цеханович, пулей летишь в столовую и ведро пару сюда. Пулей... Беееггоммм!!!

Бегом, так бегом. Грохнув входной дверью казармы, метнулся через плац и через минуту залетел в столовую, где тут же уткнулся в дежурного по столовой.

– Товарищ сержант, старший сержант Николаев приказал принести ведро пару. Кто мне его даст?

Сержант, с замызганной красной повязкой на рукаве – «Дежурный по столовой», загадочно ухмыльнулся: – Что, Николаев, опять зачудил?

– Так точно. Зачудил. Только старший сержант сказал – Мигом! Так, где мне взять?

Сержант, пряча весёлые искорки смеха в глазах, сдвинул шапку на лоб и задумчиво почесал затылок: – Слушай, курсант, я паром не распоряжаюсь, поэтому иди-ка ты к заведующему столовой прапорщику Елатунцеву и у него спроси.

Прапорщика Елатунцева только что отодрал зам по тылу и расстроенный начальник столовой, накатив стакан водки, нервно курил в своём захламленном кабинете, когда я постучал в дверь.

Зашёл, принял бравую строевую стойку и, не задумываясь над содержанием, отбарабанил: – Товарищ прапорщик, старший сержант Николаев приказал принести ведро пару. Где мне его взять?

– Чего? Чего? – Старый, худой, потрёпанный жизнью и службой прапорщик, медленно выбрался из-за стола и встал передо мной. То что он был разъярён было видно даже невооружённым взглядом, но невыполнение приказа Николаева меня страшило больше, чем заведующий столовой, который в юности был партизаном и мочил фашистов.

– Товарищ курсант, – зловещим тоном прошипел прапорщик, – КРуугоМММ!

Я чётко выполнил строевой приём и не видел, как старый партизан замахнулся ногой и со всего размаху дал мне под зад хорошего пендаля.

Гремя ведром, я вылетел в зал и с яростью потёр ушибленную задницу, слушая, как прапорщик орал за дверью грозные клятвы разобраться с моим старшиной.

– Так..., здесь не получилось..., пойду к варочным. С ними быстрее договорюсь, – примерно так размышляя, направился в варочное отделение. Подозвав к себе такого же курсанта, как и я, который сегодня был в наряде по столовой, но в варочном отделении, попросил его: – Слушай, братан, набери мне ведро пару, – и протянул ему посудину.

– Не понял! Тебе чего сюда наполнить? – Удивлённо протянул варочный.

– Да вы чего тут? Ведро пару. Понимаешь па....., блядь..., – я замолк, наконец-то поняв, за чем меня послал Николаев.

– Тьфу, ёкарный бабай..., – я с досады выматерился и уныло побрёл из столовой.

– Ну что, курсант, пару то набрал Николаеву, – встретили меня гоготом дежурный по столовой и его помощник.

– Набрал, да ещё по заднице получил, – пробурчал я и вышел из столовой.

А на подоконнике открытого окна сушилки, высунувшись в наружу чуть ли не до пояса, лежали старшина, Бушмелев и дежурный по батарее сержант Крамаренко, которые тоже встретили меня хохотом и подколками.

Долго они смеялись и потом, когда отдав ведро Николаеву, я в подробностях рассказал о своих метаньях в поисках пара, особенно над тем, как получил пендала от заведующего по столовой. Подкалывали меня и дневальные, особенно Курбанбеков: – Боря, а чего ты не врубился сразу, что тебя за паром посылают? Я вот никак не могу понять вот этого.

Он всё приставал и приставал ко мне с этим идиотским вопросом, пока я его не послал подальше: – Вот когда попадёшь в такую же ситуацию – тогда и поймёшь.

Впрочем, ждать долго не пришлось. Следующим влетел Курбанбеков. И влетел капитально. Было двенадцать часов дня. Старшина и дежурный по батарее засели в каптёрке, а Бушмелев ушёл в класс ко взводу. На тумбочке стоял Курбанбеков и повернувшись спиной ко входу, изо всех сил жал пальцем на очередную канцелярскую кнопку, пытаясь вогнать её в полированную доску с документацией наряда по батарее. Поверхность полировки была твёрдой и жало кнопки или ломалось, или же загибалось, но упорно не хотело входить в полировку. Дневальный злился, доставал из картонной коробочки следующую кнопку и всё повторялось заново. Входная дверь не спеша открылась и в расположение появился генерал и не просто генерал, а генерал-лейтенант. Я уже прослужил больше месяца, а так как по характеру был любознательным в отличие от сына глубоких степей Курбанбекова, который первых военных в своей жизни увидел здесь, поэтому уже знал – что это генерал-лейтенант Морозов, член Военного совета Уральского округа. Генерал был очень суровым и чересчур требовательным начальником и одно только его появление в любой части, приводило офицеров и командиров в трепет. Каким образом грозный начальник незамеченным проехал в дивизию и оказался без свиты и сопровождающих в арт. полку и в нашей батарее – я не знаю. А сейчас он стоял у тумбочки и медленно наливался малиновой яростью. Курбанбеков лишь мельком глянул на вошедшего через плечо и вновь погрузился в увлекательнейшую борьбу с кнопками.

– Товарищ курсант, а почему вы мне команду «Смирно» не подали? – Спросил генерал спину дневального.

У Курбанбекова сломалась очередная кнопка и он, шуруя пальцами в коробке, даже не глядя на генерал-лейтенанта, с досадой произнёс: – А мы прапорщикам команду «Смирно» не подаём, – вытащив кнопку, дневальный вновь попытался её вогнать в доску.

Генерал озадаченно молчал, переваривая то, что он услышал. Но учитывая, что перед ним стоит молодой солдат, он сдержал свой начальственный гнев, который отдалённо прорывался в интонациях.

– Товарищ курсант, хоть я и прапорщик, но старше вас по воинскому званию, да и по возрасту, чёрт побери. Так повернитесь ко мне.

Дневальный медленно повернулся и сверху вниз посмотрел на невысокого генерала с неммым вопросом: – Чего тебе надо?

– Товарищ курсант, вас инструктировали на разводе?

– Так точно, товарищ прапорщик – дежурный по полку.

– Вызовите его сюда.

Курбанбеков покрутил ручку телефона и, дождавшись ответа, стал докладывать: – Товарищ капитан, дневальный четвёртой батареи, курсант Курбанбеков. Товарищ капитан, вас сюда какой-то прапорщик вызывает.

– Курсант, ты дурак что ли? Это я могу прапора к себе вызвать, а не он меня... Кто он такой...?

– А кто вы, товарищ прапорщик? – Почуввав недоброе, почтительно спросил Курбанбеков, а генерал зловеще засмеялся.

– Скажи – прапорщик Морозов...

– Алло, товарищ капитан..., прапорщик Морозов, говорит...

– Не знаю такого, поэтому если ему надо – то пусть сам ко мне идёт... А так пошёл он на х...

Слышимость была хорошей и всё сказанное было отлично слышно не только дневальному, но и генералу и нам остальным. Генерал Морозов побагровел, развернулся и выскочил как ужаленный из расположения батареи.

Я подошёл к озадаченному товарищу: – Бек ну ты и дуракк! Какой прапорщик – это ж генерал-лейтенант был. Ну, ты и даёшь, заладил – прапорщик..., прапорщик... Ты хоть генерала когда-нибудь видел?

– Да ты чего, Боря, гонишь? Чего я генералов не видел? Да хотя бы командира дивизии, – Курбанбеков на секунду задумался и потом всё-таки нерешительно протянул, – видел, правда издалека, на трибуне и то только по пояс... Да ну, Боря, ерунда – прапорщик это. У него и погоны прапорщика и две звёздочки, правда шинель странная, наверно парадная..., да ну ерунда...

– Бек, да у него на погонах звёздочки – во..., с кулак...

Кончился наряд плохо. Генерал Морозов бурей спустился на первый этаж, где была дежурка и устроил там «пляски святого Витта», потом вызвал туда командира полка, поставил заслуженного полковника по стойке «Смирно» и отчитал его, как простого лейтенанта. Дальнейшее действие происходило в кабинете командира дивизии. Но об этом мы узнали позднее. А пока, мы стояли всем нарядом перед разъярённым дежурным по полку, но мы его не интересовали. Он стоял перед Курбанбековым и бессвязно, от сильного волнения, бормотал: – Ну..., нуууу..., курсаант, ну тебе конец... Курсант, ты понимаешь – Какая у тебя сейчас жизнь начнётся? Нууу..., – и так на протяжении пятнадцати минут, пока не пришёл наш командир батареи менять дежурного, которого генерал приказал отстранить от службы. Комбат сразу же отправил нас в расположение. Драли наряд целый день, а вечером пришёл командир батареи и приказал отцепиться от нас: – Чего вы хотите от молодняка? Учите молодёжь, чтобы впредь в глупые положения не попадать.

До малого дембеля осталось 135 дней.

Глава шестая

Сегодня мы заступили первый раз в наряд по столовой. Ладно бы..., хоть и в первый, но мы попали в наряд с 31 декабря на 1 января 74 года. Вот так выстрелило! Из 80 с чем-то взводов, что питались в столовой, именно нам привалило такое «счастье». А с другой стороны – какая разница где встречать свой первый Новый год в армии!? Тем более, когда ты ещё молодой, да в учебке.

Я и Володя Дуняшин попали варочными, это значит мы будем работать на самой кухне. И когда зашли туда и нас проинструктировали, мы в задумчивости зачесали затылки. Хотя везде есть свои плюсы и минусы и в ходе дежурства по столовой мы все эти плюсы и минусы осознали. Но в нашей суточной должности плюсы очень хорошо перевешивали минусы. Особенно когда мы дежурили с русской сменой поваров. Тогда дежурство проходило нормально и в спокойном режиме. И работали нормально, а покушать мяса и других вкусностей нам повара давали вдоволь. А вот когда на дежурство выходила смена поваров из азербайджанцев... Суки..., дикие... Пинки, щипки, матерные оскорбления, где «русские свиньи» звучало просто музыкой в наших ушах. Частенько распускали руки, слава богу, боялись бить по лицу, чтобы не было видно синяков.... Но и удары по корпусу тоже были довольно болезненны и обидны. Главное – ни за что или по мелочи. И дать им сдачи нельзя было, они были постоянным составом и старослужащими, да и если дать отпор или сдачи, так мигом слетится вся азербуттовская диаспора полка и кучей налетят. Этого у них не отнять. Но об этом всём я узнаю и хлебну позднее, а сейчас с Володей смотрели на то хозяйство, где мы должны поддерживать порядок. А это четыре здоровых котла в мой рост и куча поменьше. И ещё несколько куч поварского инструмента и инвентаря, разделочные столы, противни и много чего другого, что должно быть помыто. Я уж не говорю про огромную кухню площадью в 150м², покрытую кафелем, который должен быть всегда чистый и не дай бог жирным, чтоб повара не поскользнулись. Но зато всегда светло и тепло. В наряд по столовой заступил весь взвод за исключением Паничкина, который стал батарейным писарем и теперь постоянно сидел за своим столом в канцелярии и что-то писал. Наряд разбивался на несколько групп: варочные – 2 человека, посудомойка – 6 человек, картофелечистка – 4 человека и зальные 15 человек. Бушмелев дежурный по столовой, Тетенев помощник. Самое трудное это посудомойка, где нужно трудиться ударно, чтобы перемыть вручную всю посуду. Самое халявное – зальные, по два-три человека в зависимости от размера залов. Там меньше суеты и больше свободы, но с другой стороны их, когда они наведут порядок в залах, чаще привлекали к побочным работам в столовой. Например, кидали в картофелечистку помогать чистить картошку и другие овощи.

Мы заранее скинулись, чтобы закупить сладостей, лимонада и в 12 часов ночи тоже встретить Новый Год в столовой. А пока, как только закончился ужин, принялись наводить порядок на вверенных территориях. На кухне я отвечал за котлы и другую мелочь, Володя за общий порядок в варочной и за свою часть поварского инвентаря.

Я вымыл и привёл сначала в порядок мелочь, чтобы на неё не отвлекаться, а через час занялся котлами. Повара сидели в своём углу, пили крепкий чай, о чём-то разговаривали и наблюдали за нами. Один из них поманил меня пальцем.

– Первый раз что ли заступил?

– Так точно...

– Ну, оно сразу видно. Если ты так будешь мыть котлы, ты во-первых и до утра не вымоешь, а во-вторых хреново вымоешь.

Действительно, я уже запарился с этим делом и сам видел всю убогость своих потуг, но не знал что предпринять, чтобы ускорить этот процесс. Я лишь сумел вымыть верхние внутренние

части огромных котлов, но сколько не перегибался, даже до половины котла не мог достать рукой с тряпкой.

– У тебя ноги здоровые? Без мозолей...? Без там прыщей...?

– Здоровые, нормальные....

– Ну вот и хорошо. Снимай сапоги, вон туда ставь... Мой хорошо ноги с мылом, вон тазик стоит и залазь в котёл. А твой напарник будет подавать туда к тебе чистую воду, вот и будешь мыть котлы.

Я посмотрел на котлы, перевёл взгляд на сапоги, потом посмотрел на повара – не подкалывает ли он меня? Но нет, даже смешинок в глазах нет, но всё-таки выразил сомнение, на что повар спокойно отмахнулся.

– Не ссы, курсант, все так делают. По-другому не получается.

Ну..., а мне то что!? Сказали – сделал и через десять минут, скрывшись с головой в котле, я с энтузиазмом мыл стенки котла, а Володя периодически подавал мне туда тазики с чистой горячей водой. Я мыл последний огромный котёл, когда подавая очередной тазик, Володя предупредил: – Боря, уже без двадцати двенадцать, давай заканчивай и подтягивайся в зал. Там наши уже столы накрывают.

– Хорошо, я ещё минут десять и прибегу...

Настроение отличное, сейчас домою котёл и после встречи Нового года, в принципе, можно идти в казарму и лечь поспать до пяти утра. Я увлёкся и от работы меня вновь оторвал стук по краю котла и удивлённо-весёлый голос Володи Дуняшина: – Боря, чёрт тебя подери... Ты уснул там?

– Сейчас..., сейчас..., Володя, иду...

– Да уже можешь не идти... Уже пять минут, как Новый год наступил....

Я аж вздёрнулся над краем котла и уже по смеющимся глазам Друга понял, он не шутил. Ну надо ж – первый свой Новый год в армии встретил в солдатском котле. Ведь теперь, каждый год, подымая бокал шампанского, буду тут же вспоминать про Новый 1974 год.

Шустро выскочил из котла, прямо без портянок сунул ноги в сапоги и прибежал за Володей к нашим столам. Хоть и прошло всего несколько минут, но лимонад был уже выпит, конфеты расхвачаны, дешёвенькая колбаса сожрана, но на столе ещё оставалось до черта всего вкусного. А жаренную картошку с мясом уже никто не ел. Все сидели за столом сытые, удовлетворённые и сонно глядели, как я с удовольствием выбирал из противня аппетитные куски мяса, прожаренную до хруста картошку и ел. Бушмелева не было, он праздновал Новый год в батарее в компании старшины и других старослужащих сержантов. Туда мы тоже отослали картошку и жаренное мясо. За старшего в столовой остался Тетенев, но в новогоднюю ночь ему эта роль совершенно не нравилась и он, оглядев нас безразличным взглядом, скомандовал: – Все в казарму и до пяти утра можете спать, – и пошёл в сторону варочного отделения, чтобы присоединиться к поварам, сидевшими за своим столиком.

Все, выполнившие свои задачи, потянулись на выход, а я продолжал сидеть над противнем, уже не торопясь таская оттуда мясо.

– Пошли, помогу тебе котлы домывать и спать пошли, – предложил товарищ и мы пошли в варочную. Повара были уже хорошо поддавшие, сидели за хорошо накрытым столом, но почти и не закусывали, Тетенев тоже клюкнул и сидел, распутив мокрые губы и о чём-то жалуясь старшему повару.

На нас внимание никто не обращал и мы с Володей минут за пятнадцать домыли котёл и умчались в казарму.

В пять мы вместе со всеми пришли в столовую. Все обратно уселись за столы и стали доедать всё, что оставалось на столах от нашего угощения, в том числе и заледеневшую картошку с мясом. А мы с Володей схитрили и ушли в свою варочную и не прогадали. После нас повара видать совсем немного посидели ещё и тоже ушли, оставив закуску почти и не трону-

тую. Быстро сунули на горячую плиту мясо, ту же картошечку, только приготовленную гораздо качественней и вкуснее чем у нас, а пока она разогревалась, мы наяривали салатки. И тут Володя, в самом углу увидел ополовиненную трёхлитровую банку самогона: – Боря, давай по чуть-чуть...

Переглянулись, огляделись кругом. Можно. И накатили, весьма недурственный самогон... грамм по сто пятьдесят. Мигом захмелели... Японский городской и здорово испугались, когда к нам выбрел Тетенов, но с похмелюги ему видать было не до нас. Залез в угол и достал оттуда банку, щедро плеснул оттуда и тут же выдул. А когда свежий алкоголь, да на старые дрожжи и организм молодой и не стойкий... Тетенова через несколько минут вообще развезло и он, шатаясь из стороны в сторону, вышел из варочной. Мы ещё успели поесть со стола, когда появились полупьяные повара, но дело своё знали, с шутками, прибаутками приступили к приготовлению завтрака. А тут нарисовался начальник столовой прапорщик Елатунцев, прочно засев за стол поваров. Туда же сели и сами повара и новогоднее застолье потекло дальше. Вернее у прапорщика, повара всё-таки чувствовали ответственность и завтрак был приготовлен вовремя. После чего они умотали со столовой часика на два, оставив нас наводить порядок.

Вообще, наряд прошёл хорошо и спокойно. Мы особо не напрягались, наелись до отвала. После ужина быстро сдали наряд, а мы между делом с Володей ещё с разрешения поваров хорошо помылись в их душе.

С каким удовольствием мы ложились после вечерней поверки в койки, предвкушая сон до семи часов утра, даже не подозревая, какая тяжелая ночь нам предстоит через полтора часа.

– Батарея подъём! – Несмотря на крепкий сон, после нелёгкого наряда по столовой, я послушно вскинулся на постели и с высоты второго яруса мутным взглядом осмотрел расположение, где все суетливо копошились, одевая форму и готовясь к построению. Так то, конечно, можно было подумать, что это утренний подъём. Но вот пятая батарея продолжала спокойно спать, в отличие от нас, а по центральному проходу прохаживались все командиры взводов, недалеко от них крутились пятеро курсантов-стажёров со Свердловского политического училища. Около дверей канцелярии стоял командир батареи и что-то втолковывал старшине, на что тот кивал головой.

Поняв, что своим тупым сидением на постели я могу заработать замечание или же наряд на работу, орлом соскочил вниз и стал быстро одеваться.

– Что случилось? – Спросил пробежавшего мимо Паничкина. Тот остановился и быстро прошептал.

– Сейчас батарея пойдёт разгружать какой-то груз...

– Аааа..., нашего взвода это не касается. Мы ж только что с дежурства. Нас оставят..., – махнул облегчённо я рукой и спокойно встал в строй взвода, предвкушая, как через минут десять заберусь обратно в койку и дам храпака. Ещё полминуты шевеления, послышалась команда старшего лейтенанта Метелёва, строй замер, а тот пошёл докладывать командиру батареи.

– Вольно! Товарищи сержанты и курсанты. Сегодня наша батарея дежурное подразделение по гарнизону. На станцию Еланская прибыл состав с углём, который мы должны разгрузить. В течение 30 минут, заправляем койки, получаем тёплое обмундирование и выходим на станцию. Обращаю внимание, утеплиться по максимум. На улице минус 45 градусов. Командиры взводов, подразделения в вашем распоряжении.

Это был облом всем нашим мечтам после наряда спокойно поспать. Мы, оказывается, тоже шли на разгрузку угля и тоже активно подключились к получению тёплого обмундирования – ватных штанов, телогрейки под бушлаты и валенки. Получили быстро, оделись и пока батарея не экипировалась, мы употели, поэтому с удовольствием вывалили на улицу, в мороз. Быстро построились и пошли на станцию, до которой было почти 6 километров. Шли довольно бодро, не замечая холода, от ходьбы нам было тепло, а вот на курсантов-стажёров, которые

были одеты в тоненькие шинелки и хромовые сапоги, смотрели с любопытством. У них тоже клапана шапок были опущены и завязаны под подбородками, на руках фасонистые кожаные перчатки и на этом всё их утепление заканчивалось. А чтоб совсем не замёрзнуть, они чуть ли не бегали вдоль строя, подбадривая нас. Наши сержанты тоже были одеты тепло и снисходительно посматривали в сторону стажёров.

Через час мы прибыли на станцию, пятнадцать минут перекура, пока офицеры с сержантами ходили к дежурному по станции, а тот водил их и показывал состав с углём. А вскоре прибежали сержанты и мы двинулись на дальние железнодорожные задворки станции, где на отдельной ветке стояло 12 вагонов с углём, как раз предназначенные для перевозки угля, чему здорово обрадовались мои друзья воркутинцы.

– Нормально, парни, эти вагоны мы быстро разгрузим. Гораздо хуже если бы были обычные грузовые вагоны, вот тогда бы потрахались... – и Сергей Панков начал объяснять разницу, но я особо и не слушал, понимая, что через несколько секунд и сами поймём в чём тут фишка. А пока я старался как можно больше двигаться, потому что холод во время вот этих стояний начал постепенно заползать даже под такую тёплую одежду. Так то ничего, пока двигаешься тепло, а вот руки в солдатских рукавицах капитально мёрзли.

Послышалась команда на разгрузку и все засуетились. На каждый вагон распределили по десять человек и пока нам не принесли железные лопаты, ломы и кувалды, мы начали открывать люки, внизу вагонов. У нашего вагона всем руководил Серёга Панков, он показал за что надо дёргать, чтобы люк открылся и уголь стал высыпаться и куда надо отскакивать чтоб не завалило углём. Загремели люки, посыпался уголь и всё было бы нормально, если бы эта ветка предназначалась для разгрузки сыпучих грузов. То есть стояла бы, как минимум на высокой насыпи и тогда бы уголь высыпался весь из вагона и скатывался под насыпь. А так, наш состав стоял на обычном пути, на ровной площадке и уголь наполовину высыпавшись из вагона завалил всё кругом, в том числе и рельсы под вагонами и теперь надо было уголь отгрести от вагонов и рельсов, чтобы следующая часть ссыпалась на землю. Вот в этом то и заключалась вся трудность. Если от вагонов ещё худо-бедно можно было откидывать уголь, то вот под вагонами, приходилось работать почти лёжа и в неудобном положении. Но все понимали – пока мы не разгрузим состав, никто нас в казармы не уведёт. Да и сильный мороз не предполагал бездельничать. Как только ты останавливался хотя бы на пару минут, так сразу начинал мёрзнуть. И как бы ты не устал, но сам лезешь к грудке угля и безостановочно махаешь железной лопатой, пока не перестаёшь чувствовать свои пальцы в рукавицах, сразу передаёшь лопату другому и начинаешь реанимировать пальцы. И если мы оказались в таком положении, то курсанты-стажёры были ещё в худшем. Никто не уходил от состава – офицеры, сержанты, стажёры бегали вокруг вагонов и зорко следили за нами, чтобы не дай бог кто-то не отлучился в сторону и, прикурнув, как ему могло показаться на несколько минут в снегу, не замёрз. Такая эпопея шла всю ночь и усталость и сильный холод стали постепенно сказываться. Особенно у нашего взвода, который толком и не отдохнул после наряда. Если сначала работа шла весело, с шуточками, с неумелым матерком, то постепенно всё это звучало всё реже и реже. Темп работы замедлился и наши командиры не сколько нас ругали, а упрасивали, уговаривали потерпеть ещё немного и выполнить до конца свою работу. Да и конец этот был уже практически виден, но чем ближе он был, тем труднее было шевелиться и мороз начинал брать вверх над нами. К нашим командирам присоединились теперь и женщины из состава ночной смены. Они тоже бегали вдоль вагонов и чуть не плача уговаривали: – Ребятюшки..., сыночки..., ну давайте ещё немного, ну потерпите. Только уберите уголь с рельс..., – и махали в сторону подъехавшего тепловоза, к практически пустым вагонам. И мы угрюмо лезли под вагон и выкидывали оттуда остатки угля, а тот вновь скатывался на рельсы... А ведь и уголь нужно было откинуть ещё и от рельс на пятьдесят сантиметров. И такая ситуация была не только у нас, а по всему составу. Обнадеживающе захлопали крышки люков, символизирующие, что тут уголь убран и эта команда,

от своего принятого железнодорожниками вагона, в синих сумерках утра тянется мимо тебя в сторону небольшой будки, из трубы которого летят обильные искры. Вот и мы сдали свой вагон и тоже потянулись туда же.

Перед армией смотрел советско-итальянский фильм «Подсолнухи», где был эпизод. Итальянский солдат бредёт по снежной и морозной равнине в ходе разгрома под Сталинградом и видит такую же избушку с дымом над трубой. Открывает дверь, а там изба полностью забита стоявшими вплотную солдатами и спящими в тепле.

Теперь я такую картину увидел сам. Открыл дверь... Мне ещё повезло, я сумел ввинтить в толпу и проникнуть в её тёплую середину и там замереть, закрыв глаза, даже не боясь что упаду. Падать было некуда и даже если бы захотел – не получилось. Сквозь дремоту слышал, как периодически открывалась дверь и в неё кричали сержанты – Такой-то вагон выходи... Кто-то протискивался мимо и выходил, до сдавать свой вагон. Такая чехарда длилась ещё минут сорок, пока не послышалась команда – Строиться! И все потянулись на выход. Построились, посчитались и потянулись в сторону городка. Все взбодрились и я в том числе, радостно считая про себя минуты, через которые мы будем в тёплой казарме и не заметил, как перестал чувствовать пальцы левой руки. Вроде бы шёл, шевелил ими, стучал ладонями друг о дружку и всё было нормально. А тут БАЦ!!! И не чувствую. Мгновенно испугался, выхватил руки из рукавиц и давай гнуть пальцы в разные стороны, давить их, стучать друг о дружку, совать в пальцы в рот... И слава богу, через десять минут у меня сильно закололо пальцы и они стали отходить. Никто нас не заставлял идти строевым шагом, петь песню, как шли походным, так и зашли прямо в столовую. Без очереди. Наш старшина Николаев встал на крыльце, все остальные подразделения отогнал в сторону и мы зашли гордые за старшину, который встал поперёк нашего полка, танкового полка «Даурия». Горды были собой, пережившие эту ночь. Гордились даже своей угольной грязью, которой были покрыты с ног до головы. И столы, Спасибо Старшина, были накрыты не в пример обильно столам других подразделений.

Сытые и довольные, мы прибрели в казарму, разделись, сложили аккуратно обмундирование каждый на своей табуретке. Помню, как лез на свой второй ярус, помню, как усталым взглядом обвёл казарму, но вот как голова упала на подушку – я не помнил. Спал. Спали мы до обеда и снова спасибо старшине, который организовал нам снова обильный обед, после которого нас повели в баню, где мы смыли с себя грязь, пот, получили чистое бельё и шли в казарму и с удовольствием пели строевые песни.

До ГДР осталось 129 дней.

Глава седьмая

Мы уже изрядно промёрзли на плацу дивизии и только и мечтали, чтоб дивизионный развод скорее закончился и мы пошли в караул по охране дивизионных складов ГСМ, находящихся около станции Еланская.

Всё когда-то кончается, закончился и развод, мы с показным энтузиазмом прошли маршем мимо дежурного по караулам и напрямик направились на выход из военного городка. Через пятнадцать минут миновали каменную арку КПП, прогремели сапогами по напрочь промёрзшему металлическому мосту, через метров семьсот свернули вправо, ещё километр по обледенелой дороге вдоль окраины Калиновки, теперь поворот влево и через двести метров заходили в караульный дворик. Нас ждали. От проклятого мороза, который как всегда стоял на отметке -40 градусов, мы уже ничего не соображали и действовали чисто на автомате. Выстроились напротив старого караула и сержант, начальник сменяемого караула доложил новому начальнику караула Бушмелеву: – Товарищ старший сержант караул к сдаче готов...

Бушмелев в свою очередь отрапортовал: – Товарищ сержант, караул к приёму готов..., – и оба караула по команде своих начкаров отправились в караульное помещение.

– Оооооо..., ооооо..., – нам показалось что мы попали в Африку, как тут тепло..., как тут хорошо.... Но, Бушмелев не дал нам расслабиться и мы тут же зашуршали, принимая караульное помещение, а Тетенов, который был одновременно помощником начальника караула и разводящим, чуть согревшись, повёл первую смену принимать посты и к его возвращению через двадцать минут, мы приняли караулку и готовы были отпустить старый караул. Они мигом испарились, а мы остались нести службу. Склады ГСМ охраняли два поста и нас было вместе с начкаром и Тетеновым всего восемь человек. У каждого были свои предпочтения и у меня тоже. Я заступал в караул всегда в свою любимую третью смену и когда всё в караулке успокоилось был в бодрствующей смене. И вот тут то и вылезла своя особенность этого караула. Отопление караульного небольшого здания было водяным. То есть, стояли чугунные батареи, в сушилке стояла кирпичная печь, где на её верху располагался большой чан с водой, которая нагревалась от печи, сбоку пристроен ручной насос с длинной металлической ручкой, с помощью которого горячая вода гонялась по трубам и батареям и по идее должна эффективно обогревать караульное помещение. И здесь ключевое слово «по Идеи». Да, наверно если температура воздуха на улице -10, -15 то и внутри караулки, она будет приличная, но вот в минус 40.... Да ещё когда печь, как выяснилась довольно скоро имела минимальное КПД... И тут начиналась банальная борьба за выживание. И вот нашей бодрствующей смене выпало первыми испытать все прелести этой борьбы. Как оказалось, в караулке совсем не Африка, когда мы ввалились туда с мороза, а всего 11 градусов тепла. Да... Сначала посчитали, что караулку при приёме-сдаче выхолодили и начали усиленно топить, что подняло температуру всего на один градус. А тут ещё стало понятно, что наколотых дров мало и их надо для следующей смены напилить и наколоть. Блядь!!! С курсантом Шляпниковым, который был со мной в смене, мигом оделись и выскочили на улицу. В предбаннике взяли двуручную пилу, оказавшееся тупой, взгромоздили на козлы сосновое бревно и начали быстро пилить. Медленно не получалось, потому сразу замерзали да и пилилось мёрзлое бревно было легко, несмотря на тупость пилы и через сорок минут мы по очереди махали топором, коля чурбаки, а второй также быстро всё это утаскивал в караулку. Как прошли два часа нашей смены, мы даже не заметили. И теперь, мы плавно перетекли в отдыхающую смену, а та что пришла с постов стала бодрствующей и ей караулка тоже казалась Африкой, на что мы с Шляпниковым мудро усмехались. Быстро сдали начкару знание статей Устава Караульной и Гарнизонной службы, после чего Бушмелев отпустил нас спать. Взяли с сушилки тулуп, укрылись им с Шляпниковым, прислушиваясь как бодрствующая смена материться, пытаясь раскочегарить печь, а когда засыпали с

улицы доносились звуки пилки очередного бревна. Проснулись мы от ругани уже сержантов, скинули с себя тулуп и поняли из-за чего ругань и кого ругали. Было холодно и бодрствующая смена не справилась со своей задачей. Окрашенный красным спирт в термометре опустился до плюс семи градусов. Быстро оделись, замотали лица полотенцами и вышли на улицу. Глянули на уличный термометр и дружно матернулись знакомым цифрам – 45. Маршрут моего поста проходил по двум сторонам периметра забора одной частью по лесу, где в темноте из снега торчали какие-то кривые палки, а вторая часть тоже по лесу, но в пятидесяти метрах от железнодорожного полотна, что здорово разнообразило мою службу, часто проходящими пассажирскими и грузовыми поездами. У Шляпникова другая часть периметра и более скучная. Одел постовой тулуп, тёплую маску и пошёл гулять по протоптанной тропе вдоль забора из колючей проволоки. Два часа пролетели довольно быстро и, имея уже определённый опыт, мы с Шляпниковым сначала в первый час накололи дров, а второй час кочегарили, снова подняв температуру внутри помещения до 13 градусов и те, кто нас через два часа сменили и имели горький опыт, тоже не подкачали и мы спали под тёплым тулупом с Шляпниковым как сурки. Также спокойно прошла смена с 5 до 7 часов утра. А вот когда вышел на пост в 11 часов, был неприятно удивлён. Оказывается, мой маршрут движения часового ночью проходил по кладбищу и это не палки торчали из глубокого снега, а кресты. Днём надо было стоять на вышках, поэтому я особо и не переживал из-за близости кладбища.

День в карауле пролетел незаметно и вроде бы днём температура на улице поднялась до минус 35 градусов. И вроде бы для такого мороза что минус 35, что минус 45 перепад то незаметный, но вот эти 10 градусов разницы, очень здорово ощущалось именно как потепление. Тем более что и день был ярко-солнечным. В чём прелесть стояния в карауле в третьей смене – это не надо участвовать в сдаче караулки. Приходит новый караул, все суетятся, стараясь сдать караул без замечаний, а ты в это время на посту и тебя меняют в течение 5-10 минут, приходишь в караулку, которая уже сдана и через несколько минут все бодренько, строем выдвигаются в казарму.

Так и здесь произошло. Зашли в караулку на пять минут. Пока начкары подписывали постовые ведомости, мы грелись в готовности выйти на улицу. Вышел Бушмелев и дал команду всем на выход. Построились в колонну по два и двинулись в путь. Мороз вновь прижал, градусник на выходе показывал минус 42 и идти по такому холоду надо около часа. Это если через КПП и дальше по центральной дороге – километров шесть. Но был и короткий путь – долина Смерти. Вот деревня Калиновка, чуть ниже караульного помещения и склада ГСМ, потом ещё ниже сама долина Смерти и вот он наш Турецкий вал и наш армейский дом на самом верху, сверкающий всеми окнами и манящим теплом. И всего-то напрямую – километра два, два с половиной.

– Ну что, парни, круголя дадим и сопли поморозим в течение часа или ломанёмся напрямую, да скорым шагом и через полчаса будем дома?

– Конечно..., товарищ старший сержант... Напрямую... Ломанёмся..., – нестройным хором, но весело встретили предложение замкомвзвода. В течение десяти минут сначала по дороге, потом по улице деревни, свернули в переулок и вышли к натоптанной в снегу дорожке, маняще тянувшиеся прямо на казарму соседнего танкового полка «Даурия». Тут, по ходу движения, вытянулись в колонну по одному: впереди Бушмелев, потом мы, замыкающим Тетенев. Хоть и было темно, но звёздное небо, белоснежный снег, половинка морозной луны и всё было отлично видно на несколько километров окружи и мы побежали. Не так чтоб быстро, но и не тихо... А бег с оружием, сам по себе непростой, а в такой мороз, когда в воздухе и кислорода мало... Через полкилометра мы сильно растянулись, скорость снизилась. И вроде бы сами не замёрзли, но холод стал кусать лицо, нос, руки в солдатских рукавицах заledenели и ноги в кирзачах мы уже не чувствовали, а до казармы было ещё полтора километра. Сначала упал Шляпников и остался лежать, надсадно дыша сквозь полотенце, а мы сгрудились вокруг него,

с трудом переводя дыхание и пытаясь поднять и поставить на ноги, но тот вяло сопротивлялся и просил дать ему полежать хотя бы пять минут. Бушмелев, не замечая происшедшего, легко бежал, удаляясь от нас всё дальше и дальше. Тетенев отстал и подошёл к нам минуты через две и тоже в растерянности остановился и застуженным голосом просипел: – Шляпников, вставай!

– Не..., товарищ младший сержант..., я ещё полежу немного, я уж согреться начал..., – голос его слабел.

– Вставай сука! – Взревел испуганно Тетенев, да и мы загалдели и стали выдёргивать курсанта из снега, но сами были замёрзшие и готовые лечь рядом с товарищем.

– Вы что, блядь..., – закричал сержант, видя наши вялые шевеления в снегу, сдёнул автомат с плеча, передёрнул затвор и дал вверх длинную очередь из автомата, глядя в сторону удалявшейся фигуры замкомвзвода, – Гера..., Гера...

Услышав трескучую очередь, Бушмелев развернулся и помчался в нашу сторону, а дальше была дикая взбучка – мат, затрещины, пинки в задницу мигом взбодрили нас и уже через полминуты, даже замерзавший Шляпников бежал по тропинке. Тетенев впереди, мы за ним, а сзади страшный в гневе Бушмелев, который беспощадно лупил самого последнего бегущего и тот, чтобы избежать побоев, рвался вперёд, по целине рысью обгонял впереди бегущего и теперь тот получал удары и старался вырваться вперёд. Получили все, кроме Тетенева, который так дал стрелкача... Десять минут безумного бега, града ударов и мы штурманули Турецкий вал, как будто его и не было. Ещё две минуты и лестница подъезда загудела от наших ног.

Грозный рык: – Заворачивайте, суки, прямо в сушилку..., – и мы влетели в настоящую Африку. Только солдатскую Африку, пронизанную крепким духом сушившихся портянок, валенок и сапог. Как бы мы не бежали, но на самом деле мы бежали из последних сил, не чувствуя ни ног, ни рук, ни лица.

– На месте шагом Марш! Торжественным Маршееееммм! – Прозвучала новая команда и мы неуклюже зашагали, – Ногу..., ногу... Выше..., выше..., ещё выше...

Бушмелев шагал вместе с нами, высоко задирая ноги. В сушилку на крики вбежал старшина, мгновенно понял всё и тоже включился в маршировку: – Руки..., руки..., отмашка рук...левой..., левой..., левой.....

Через две минуты сушилка заполнилась старослужащими сержантами. Мы, выпучив в испуге глаза, маршировали на месте, а сержанты снимали с нас заиндеветшие в тепле автоматы, на ходу расстёгивали шинели и стягивали, а мы неистово маршировали. И наконец-то стали согреться и чувствовать, как больно закололи иголками ноги, руки, запылали лица и потёк пот.

– Фу... Стой! – Мы остановились и замерли по стойке Смирно, не ожидая от сержанта ничего хорошего для себя, за ту слабину, которую проявили в долине Смерти.

А Бушмелев улыбнулся доброй и открытой улыбкой и облегчённо произнёс: – Ну и напугали вы меня, парни....

До окончания учебки – «малого Дембеля» – осталось 115 дней.

Глава восьмая

Большой зал Гарнизонного Дома Офицеров был забит до отказа курсантами. Сегодня здесь должно было пройти открытое заседание военного трибунала и на заседание, с профилактической целью, пригласили активистов из числа курсантов нашей учебной дивизии, чтобы послушали, посмотрели и рассказали в цветах и красках своим товарищам – Что вот так делать нельзя! А то будет потом очень обидно. . . . Присутствовал и я, как агитатор взвода. Судить будут курсанта, за побег из караула с автоматом. А это считалось тяжёлым воинским преступлением.

Зал затих и на ярко освещённой сцене, за столом, стали рассаживаться члены военного трибунала. Слева от стола за отдельным столом, накрытым красной тканью, сел военный прокурор, а справа, тоже за отдельный стол и тоже под красной тканью, села защитник преступившего закон, молоденькая, симпатичная адвокат и все взгляды «голодных» курсантов тут же сосредоточились на ней, вводя её в немалое смущение. А что она хотела: молодые, здоровые парни, кровь с молоком, переполненные сперматозоидами, не видевшие женщин целых два месяца, мы прямо на сцене раздевали её глазами и она нам нравилась всем без исключения. Хотя. . . , если бы там вместо неё сидела какая-нибудь женщина, чуть красивее бабы-яги, она бы нам всё равно понравилась. А тут адвокатша была ещё и симпатичненькой.

Потом вывели самого курсанта, героя этого действия, понурого и смирившегося со своей судьбой. Суть дела была в следующем, как зачитал прокурор. Такого-то числа, такой-то курсант, находясь в карауле на таком-то посту, самовольно его покинул, при этом похитив автомат АКМ и два магазина с патронами. В течение дня дошёл до города Сухой лог и спрятался на чердаке двухэтажного дома по такому-то адресу. Там находился в течение суток, за это время похитил гражданскую одежду, отпил от автомата приклад, чем нанёс ущерб Вооружённым Силам, а на следующую ночь покинул своё убежище. Через двое суток оказался на вокзале города Свердловск, где был замечен патрульными со Свердловского танко-артиллерийского политического училища, но сумел сбежать, а через два часа был задержан милицией. Военная прокуратура требует 8 лет лишения свободы с отбыванием срока на общем режиме.

Зал заинтересованно слушал и наверняка, каждый прикидывал всё это на себя, потому что всё о чём тут говорили, нам было знакомо и мы проходили сами через это.

Заслушали самого обвиняемого. Дело было летом. Заступил на пост под утро, устал, тепло, разморило и заснул. Заснул на чуть-чуть, но в это время пришёл со сменой разводящий сержант такой-то и застал его спящим. Разводящий, даже не стал его ругать и пошёл менять дальний пост, а обвиняемый остался один, подумал, понял, что его накажут и решил сбежать. Просто сбежать, без всякого умысла и каких-то дальнейших криминальных мыслей. Что и сделал. Да украл одежду, украл еду, кушать хотелось. А на вокзале в Свердловске был опознан курсантами училища, те хотели его задержать, но он сумел от них сбежать. Через два часа он стоял на какой-то улице, под фонарным столбом, рядом остановилась милицейская машина, к нему подошли два милиционера и он им сдался.

Вообще, дебильная история. Ну. . . , наказали бы. Может. . . , настучали по роже, но сдавать бы его под суд никто бы не стал. А он испугался и сбежал, тем самым предопределив свою судьбу практически на всю жизнь. Всё заседание трибунала шло часа три. Перекрёстный допрос, который выявил, что в подразделение нормальная ситуация, никто ни над кем не издевался, всё было в нормальных рамках, причин побега не было. Сам обвиняемый ни к кому претензий из сержантов не имел. В деле были хорошие, положительные характеристики, дома всё нормально и родители у него тоже нормальные. А парень, своим побегом ломал себе судьбу.

Когда выступала защитница, зал прямо замирал и как чарующую музыку слушал девичий голос. Девушка выступала, выступала с напором, обращалась к положительным характеристикам, но было понятно. Преступление серьёзное и парень получит сполна.

Но помимо обвиняемого сполна получают и другие. На суде присутствовали свидетелями курсанты из училища, которые находились тогда в патруле. И уж тут на них прокурор отыгрался по полной программе. Вот интересно – уволят после этого курсантов из училища или нет?

А интрига здесь была в следующем. Как только была обнаружена пропажа с поста обвиняемого с оружием, так сразу были организованы поиски по всей области и не только силами армии, но и милиции. Были разосланы ориентировки и по описанию его и опознали курсанты училища, патрулирующие дальний перрон вокзала. Два высоких и здоровых курсанта четвёртого курса, подошли к нему и потребовали пройти с ними. Обвиняемый просто распахнул на себе куртку, под которой курсанты увидели автомат и сразу же ломанулись от него бежать. А обвиняемый спокойно удалился с вокзала. И только через пятнадцать минут патрульные доложили своему начальнику патруля о произошедшем. Тот сразу сообщил в комендатуру, что разыскиваемый в городе, а из комендатуры в милицию и милиционеры, увидев его на улице, не побоялись подойти к вооружённому преступнику.

Военный прокурор ехидным голосом задаёт вопрос курсантам: – ну, он распахнул куртку и вы увидели под ней автомат. Магазин к автомату был пристёгнут?

– Нет..., – звучит тихо ответ.

– А почему вы тогда убежали?

– Мы испугались...

– Сколько времени, в том положение, нужно чтобы достать магазин, присоединить к автомату, передёрнуть затвор...?

Курсанты переглянулись и неуверенно пожали плечами, а прокурор продолжал давить: – В ходе следственного эксперимента, нам на это понадобилось двадцать секунд. Да вы за эти двадцать секунд могли его запросто обезоружить. Вы посмотрите на него и друг на друга. Он же щуплый и совершенно вам не противник. А вы сбежали. Вы, будущие замполиты, политруки и комиссары, вас готовят чтобы вы своими телом защитили тех гражданских, женщин и детей, которые находились в это время на вокзале от преступника, вооружённого автоматом. А вы сбежали, как последние трусы. Военная прокуратура будет ходатайствовать перед командованием училища о даче жёсткой оценки ваших действий.

На курсантов было жалко смотреть, они сгорали от стыда под взглядами сидящих в зале и готовы были провалиться сквозь землю, но только не ощущать спинами презрительных взглядов, вполне возможных своих подчинённых через полгода, когда они может быть выпустятся из училища лейтенантами.

Как бы не выпячивала и не прикрывала своего подзащитного адвокатша положительными характеристиками и тем, что тяжких последствия побега не произошло, парню дали шесть лет общего режима.

До Германии осталось 110 дней.

Глава девятая

Мелкая, колючая позёмка, хорошо мела по верхушкам сугробов, добавляя к морозу и неприятные уколы крупинками снега в лицо. Уткнувшись лбом в чёрный и холодный налобник прицела, я крутил механизм горизонтальной наводки, разыскивая в снежной круговерти характерные очертания вражеского танка. Это в моём воображении мишень была вражеским танком, а на самом деле на расстоянии в 1000 метров стоял деревянный каркас, с характерными очертаниями, обтянутый зелёным материалом. Вот и он. Загнав силуэт танка в дальнометрную шкалу прицела, уже привычно определил дальность до цели в 890 метров. На стволе в качестве стреляющего ствола, была закреплена винтовка, поэтому бросив взгляд на самодельную таблицу прицелов для пули винтовки, стал командовать: – По танку, кумулятивным, не вращающимся, заряд специальный, шкала БК, прицел 15, наводить в середину... Зарядить!

Марку прицела навёл в середину танка, но тут же изменил точку прицеливания и поднял её до верхнего среза, но в команду изменение вводить не стал. Быстро поднялся над орудийным щитом и, одновременно слушая как мою команду дублировал расчёт – Кумулятивным...., заряд специальный...., – прикинул скорость ветра, дующего справа.

– Ага, правее 0-03 нормально будет, – и тут же голосом продублировал внесение поправки в боковую шкалу, краем глаза увидев, как Володя Дуняшин рукояткой безуспешно пытается открыть клин-затвора. Братья Крохины подскочили к гаубице и несмотря на то, что Дуняшин так и не сумел опустить клин, с имитировали учебным снарядами и зарядом зарядание орудия и убежали обратно к ящикам. От ствола послышалось лязганье затвора винтовки и доклад Фокина – Готово!

Бросив ещё один мимолётный взгляд в прицел, я стал отдалять лицо от прицела, одновременно стараясь в светлом пятнышке оптики удерживать танк на острие марки прицела – ОГОНЬ!

Фокин нажал на спусковой крючок, выстрел и красный светлячок трассера промчавшись над сугробами вонзился в центр цели – ЕСТЬ!

– Расчёт строиться! Равняйся! Смирно! Равнение на середину!

– Товарищ лейтенант, расчёт выполнял учебную задачу номер один по уничтожению танка. Цель уничтожена, расход снарядов один. Командир расчёта, курсант Цеханович.

– Вольно! – Лейтенант Князев довольно улыбался, – молодец Цеханович. Один вопрос только. Объясни, почему ты поправку на ветер внёс – правее 0-03? Какие расчёты производил?

– Честно говоря, товарищ лейтенант, по наитию. Как на охоте по глухарю стрелял и делал упреждение...

– Ну, в принципе потянет, но на следующем занятии, доложишь мне какие формулы необходимы и как рассчитывается поправка. А пока иди в батарею, за тобой дневальный прибежал, пока ты стрелял...

В батарее было тепло и спокойно. Дневальные сонно сидели на табуретках, а дежурный по батарее младший сержант Венедиктов с третьего взвода, размазавшись по столу в классе, крепко спал, пустив небольшую лужу слюней по столу. Я на цыпочках вышел из класса, куда положил шинель и остановился перед дневальным.

– Слушай, а чего меня комбат вызывает?

Дневальный оглянулся и, понизив голос, стал рассказывать: – Пришёл к комбату командир дивизиона подполковник Гамов. Сначала тихо было, а потом всё громче и громче комдив стал ругаться, но из-за чего – не знаю. Потом Гамов выскочил из канцелярии злой как тигр и ушёл к себе. Следом за ним вышел комбат красный как рак и приказал тебя вызвать. Ты где так залетел?

Я в недоумение покривился лицом и, не ответив дневальному, с гулко бьющимся сердцем направился в канцелярию. Перед дверью остановился, расправил китель под ремнём и, не понимая, в чём меня сейчас могут обвинить, постучал в дверь.

– Да... – послышался голос комбата из-за двери. Я толкнул дверь, зашёл и доложил о прибытии.

– Хорошо, хорошо, – капитан Климович встал из-за стола и медленно обошёл меня, осматривая с ног до головы, – Что сейчас изучали? Какие вопросы отрабатывали?

– Стрельба прямой наводкой по неподвижной цели.

– Стрелял?

– Так точно. Упражнение №1. Оценка отлично.

– Отлично говоришь... Молодец. То есть ты опять в отличниках. А ты, Цеханович, не хочешь мне о чём-нибудь доложить?

Я стоял, добросовестно пытаюсь вспомнить, что такое мог сотворить за два месяца службы и что могло сейчас всплыть? Моя куцая курсантская жизнь была как открытая книга и я сдался.

– Не знаю, товарищ капитан, вроде бы не о чём докладывать. – И чтобы усилить эффект от своих слов, преданно выкатил глаза на комбата.

Последнее делать не стоило и капитан Климович взорвался в крике: – Ты чего глаза выпучил, идиот. Меня тут за тебя полчаса драл командир дивизиона, а ты говоришь докладывать нечего... А то что ты вчера занял первое место в дивизионе, почему молчишь?

Я впал в ступор, не зная что отвечать. Действительно, вчера был выходной и в дивизионах полка проводились соревнования по технической, специальной подготовке и «Оружью массового поражения». Одного человека нужно было выделить и от нашего взвода.

Младший сержант Тетенов, которому лейтенант Князев поставил задачу выбрать достойную кандидатуру, как всегда подошёл к этому вопросу по-своему. Никому, в том числе и мне, не хотелось жертвовать редкими минутами отдыха в выходной день, поэтому Тетенов, окружённый подлизами, ехидно посмеиваясь, благословил меня: – Иди, Цеханович, попытайся доказать что ты достоин стать офицером. Но смотри там, если займёшь последнее место – звездец тебе.

Мне было досадно, неохота, но пришлось. Вопросы и нормативы попались лёгкие, как мне показалось. Впрочем, учился я с охотой и всё мне давалось легко. Поэтому сборка и разборка клин-затвора Д-30, рассказ о всех его шести механизмах и шести предназначений прошли «без сучка и задоринки». Определение давления в противооткатных устройствах сделал играючи, а одевание ОЗК и выполнение других нормативов выполнил, даже слегка перекрыв время. Но всё равно был удивлён, когда меня объявили победителем соревнования.

– Что? Первое место? – Тетенов с язвительно-дьявольским смехом отверг даже само предположение о факте, что я мог быть первым, – не звизди, Цеханович, а по правде докладывай.

Лицо моё опухло холодом и я еле сдержался, чтобы не ударить возмнившего о себе младшего сержанта в самодовольную, прыщавую морду, а лишь сжал кулаки и с вызовом сказал: – ну да, предпоследнее, как вы и приказали.

Даже тупой Тетенов и тот почуял в моём голосе вызов: – Ты чё, курсант дёргаешься? Смирно! Вольно. Тебя пока ещё по серьёзному никто не трогал, хотя наверно надо бы. Поэтому стой и свои эмоции засунь в жопу. Ты понял меня? Так, всё-таки, какое место ты занял? Не последнее?

– Ни как нет, товарищ младший сержант, – Глядя поверх головы Тетенова, проорал я голосом деревянного солдата Урфина Джюсса.

Командир отделения досадливо поморщился и махнул рукой: – Иди, курсант, и помни мою доброту.

... – Да я доложил, товарищ капитан, младшему сержанту Тетенову, – командир батареи секунд тридцать молча смотрел на меня, потом не оборачиваясь приказал писарю, – Паничкин, пусть дневальный пулей дует на прямую наводку и младшего сержанта Тетенова, командира взвода – Ко мне.

– А ты, Цеханович, стой здесь. Сейчас разбираться будем.

За двадцать минут, прошедшие в тоскливом ожидании своих командиров, я досконально изучил большую канцелярию батареи. Комбат сидел за столом и что-то нервно строчил в толстую тетрадь. Иногда он подымал голову и задумчиво смотрел в одну, только ему видимую точку, и опять быстро писал, унизывая бисерными буквами бесконечные строчки. О командире батареи мы мало что знали: поговаривали, что он учился в каком-то секретном училище, но то ли за пьянку, то ли за наркоту был оттуда выгнан и переведён в арт. училище. Хотя, честно говоря, я никогда его не видел даже поддатым, не говоря о том, что также ни разу не видел живых наркоманов. А так комбат был хорошим командиром, правда на него иной раз накатывало и он начинал чудить.

Справа от него, за отдельным столом, сидел курсант Паничкин. Он, так же как и я, не мог делать «подъём-переворотом», но в отличие от меня был абсолютным нулём по физо. Был он с нашего взвода, имел хороший, каллиграфический почерк, а также покладистый и спокойный характер. И сейчас Паничкин, высунув кончик языка, усердно чертил сложную и большую таблицу. Ещё правее, вдоль стены, стояли два манекена одетых в ОЗКа: один в виде комбинезона, второй – Плащ в рукава. Шкаф двухстворчатый, казённый. Стол с учебными документами и литературой. Стены были увешаны цветными учебными плакатами и пособиями.

Прибыли лейтенант Князев и Тетенов, доложились. Командир взвода сразу прошёл к столу и сел, а Тетенов и я подошли поближе.

– Князев, ты знаешь, что твой Цеханович вчера занял первое место в дивизионе?

– Насчёт первого места не знаю, а мне доложили, что он занял предпоследнее место, – командир взвода спокойно и невозмутимо смотрел на командира батареи.

Комбат откинулся на спинку стула и нервно забарабанил пальцами по столу: – Кто тебе об этом доложил?

Лейтенант Князев всё также невозмутимо повернулся к нам и кивнул на Тетенова: – Вот, командир отделения и доложил.

На Тетенова было жалко смотреть. Он по всей видимости вспомнил вчерашний наш разговор и теперь был в растерянности и в замешательстве.

– Мне вчера так доложил курсант Цеханович, а я сегодня доложил командиру взвода.

Теперь все, даже Паничкин, молча и с интересом смотрели на меня. Молчание прервал комбат: – Цеханович, а с чего ты сам сказал про предпоследнее место? Ты же не debil..., – помолчав, констатировал Климович.

– Товарищ капитан, как мне поставил задачу младший сержант Тетенов – так я её и выполнил, – Князев с Климовичем недоумённо переглянулись, а лицо младшего сержанта пошло пятнами. Я продолжил, – да, я знаю, что занял первое место, но когда об этом доложил младшему сержанту Тетенову, он мне не поверил. Даже с ехидцей отверг саму возможность, что я мог занять первое место. А у меня, кроме физо одни отличные отметки..., вот я и сказал, что предпоследнее место занял, чтоб он успокоился. Как он мне поставил задачу – не ниже предпоследнего. А я...

– Молчать, курсант..., – Климович громко хлопнул по столу ладонью и уже более мягким тоном продолжил, – молчать, а то сейчас ты много лишнего наговоришь.... Мне всё понятно. Ну, что Тетенов скажешь? А вообще-то нет, сначала я расскажу, что здесь происходило и чего я так возбудился. А..., вот потом, сержант, ты уже расскажешь...

Климович повернулся к Князеву и стал рассказывать: – Приходит командир дивизиона и задаёт мне вопрос – Как я думаю отметить курсанта, занявшего первое место в дивизионе?

А я даже о соревновании не знаю. Ну, ладно это моё упущение. За это я получил и по полной программе. Но здесь, оказывается, совершенно по другому интрига закручивается... Так что, товарищ Тетенов мне вот интересно... Ладно, я командир батареи – не знаю... У меня вас 125 душ – своих делов полно до крыши. Командир взвода поверил вашему докладу... Не стал он уточнять... Понятно. Но вот как вы, Тетенов, который круглые сутки со своим подчинённым живёшь и спишь и так обосраться? А?

Тетенов молчал, так как ему просто нечего было отвечать и молчание нарушил командир взвода: – Тетенов, ещё на один вопрос ответь. До меня доходит информация, что ты неровно дышишь к Цехановичу, из-за того что он собрался поступать в военное училище. Это так?

– Ладно, Князев, – комбат с болезненной гримасой остановил командира взвода, – сейчас мы во всём разберёмся, а пока Паничкин, Цеханович – из канцелярии шагом марш.

Мы вышли из канцелярии и уселись на табуретки в своём расположении: – Ну ты, Боря, и влетел... Тебе Тетенов этого не простит...

Я и сам это прекрасно понимал, но честно говоря, особо от этого не расстроился. Ну что он мне сможет сделать? Что? Нарядами на работы меня не напугаешь. Морду набить мне – ну, не принято у нас так. Да и Бушмелев не позволит ему – он во взводе хозяин. И характер у Тетенова мелковат – так, исподтишка, пользуясь властью лычек, подговнить сможет, а подраться – кишка тонка... Если борзеть не буду и буду вести себя правильно, то всё обойдётся. Даже старослужащие сержанты ничего мне не скажут.

Через пятнадцать минут из канцелярии, с красным лицом, вышел Тетенов и сразу же направился в расположение. Паничкин вскочил с табуретки и сразу же испарился, а младший сержант сел на табуретку напротив и молча стал сверлить меня взглядом, но встретил мой прямой и открытый взгляд.

– Цеханович, я тебе эту подставу не прощу... Так и знай...

Следующие десять минут прошли в молчание, когда каждый из нас думал о своём. Пришёл командир взвода и также молча уселся напротив нас, а мы в свою очередь поднялись. Но лейтенант махнул рукой и мы тоже сели. Посидев пару минут, Князев распорядился: – Тетенов, двигай на прямую наводку. Остаёшься старшим, а замкомвзвода сюда.

Последующие двадцать минут Князев расспрашивал меня о службе, настроении, об учёбе, но я как оловянный солдатик бодро отвечал – Так точно..., всё хорошо..., кормят хорошо..., настроение бодрое..., Всё отлично.

– Гера, ты знал, что Цеханович занял первое место? – Спросил Князев Бушмелева, как только тот прибыл в расположение и сел на табуретку.

– Так точно, но только не знал, что он доложил Тетенову.

– А ты знаешь, что Тетенов, за то что Цеханович хочет стать офицером, чересчур гоняет его?

– Знаю..., – Бушмелев спокойно смотрел на командира взвода.

– Хм..., не понял? Вот я сейчас понимаю ситуацию следующим образом. Во взводе назревает конфликт между командиром отделения и курсантом. Командир отделения по отношению к курсанту, надо сказать нормальному курсанту, предъявляет повышенные требования. А на самом деле, пользуясь своим служебным положением, младший сержант Тетенов, сам вчерашний курсант и бестолковый сержант – я не боюсь это при нём говорить, – командир взвода кивнул на меня, – так вот Тетенов бессовестно и бездумно пытается сломать курсанта. И что твориться у этого курсанта сейчас в голове по этому поводу – никто не знает. То ли он возьмёт автомат и стрельнет Тетенова, а заодно и Фокина, и Крохиных, которых приблизил к себе младший сержант. Или же сбежит, как недавно в Даурии курсант сбежал с автоматом. А опытный старший сержант, вместо того чтобы сделать замечание или поучить Тетенова, сидит и спокойно созерцает, как развивается ситуация. И не понятно мне – то ли старший сержант обленился перед дембелем и его надо встряхнуть хорошо, то ли он непонятно по какой при-

чине хочет подставить командира взвода и тогда мне не только надо встряхнуть, а вытряхнуть из него душу.

Князев говорил это спокойным и насмешливым тоном, но оба мы прекрасно понимали, что если ЧТО – то лейтенант сотрёт в порошок не только меня курсанта, но и Бушмелева, пользующегося большим уважением и авторитетом не только среди сержантов, но и у офицеров, а также и у командования полка.

Если я слегка побледнел, поняв в какие жернова попал, благодаря своему первому месту, то Бушмелев не испугался, а невозмутимо выслушал своего командира взвода.

– Не то и не другое, – решительно заявил старший сержант, а потом называя себя в третьем лице, продолжил, – старший сержант Бушмелев не только полностью владеет обстановкой и информацией по взводу, но и влияет на эту обстановку. Да он знает об этих обычно-ненормальных взаимоотношениях между Тетеновым и Цехановичем и не вмешивается по следующим причинам. Первое: Младший сержант Тетенов, в силу своей неопытности как сержанта, в связи с отсутствием авторитета среди остального сержантского состава батареи и полка, а также из-за своей трусоватости не способен кроме как на мелкие пакости, типа: наряд на работу или на службу. И второе: старший сержант достаточно изучил и курсанта Цеханович и понимает, что этими своими пакостями его Тетенов не сломает, потому что у курсанта характера гораздо больше, чем у его командира отделения. А данные трудности воинской службы должны только закалить будущего офицера.

В третьих: у вашего заместителя командира взвода есть встречное предложение, которое касается как курсанта Цеханович, так и младшего сержанта Тетенова. Но об этом я бы хотел доложить отдельно.

Лейтенант подумал, поднялся с табуретки и глянул на часы: – Так, Цеханович, тебе повезло. До окончания занятия можешь остаться в батарее. Всё равно занятия заканчиваются. Ну.., а мы с Бушмелевым пойдём в Ленинскую комнату, там и поговорим...

Первым после занятий, как это было не странно, ко мне подошёл Фокин и отвёл в сторону. Настороженно оглянувшись, зашептал: – Ну, ты и влетел, Цех. Хоть мы и не друзья, но всё-таки хочу предупредить – Тетенов рвёт и мечет. Поэтому будь настороже и в бутылку зря с ним не лезь...

Следующим был Володя Дуняшин: – Боря, сейчас на прямой наводке Тетенов орал, что до конца выпуска он сгноит тебя по нарядам и все самые грязные и трудные работы со взвода только ты будешь выполнять...

Хоть я и беспечно махал рукой на предупреждение товарищей, но всё-таки был обеспокоен. Нарядов и работ не боялся, но у Тетенова в пятой батарее были два товарища – Комаров и Сорокин, точно также выпущенные из Рижской учебки несколько месяцев назад. Из-за своей гнусной и подлой сущности эти сержанты не пользовались авторитетом у старослужащих сержантов и от этого всеми способами отрывались на своих подчинённых. И как бы Тетенов не поделился с ними своими неприятностями...

Так оно и получилось. Вечернюю поверку сегодня в батарее проводил старшина Николаев и строй курсантов стоял не шелухнувшись. В пятой батарее, только на своей половине, тоже была вечерняя поверка, но проводил её дежурный по батарее. Поэтому сержанты Комаров и Сорокин напрямиком направились к нашему взводу, где я стоял крайним в ряду. Остановились около меня и стали угрожающе махать кулаками перед лицом, пытаясь испугать и вывести меня из строевой стойки, за чем строго следил Тетенов. Но я, собрав всю свою куцую волю в кулак, стоял дуб дубом, не моргнув глазом и смотря вперёд перед собой. Изменив тактику, Комаров стал мастерски зудеть, изображая полёт комара и пальцами всё ближе и ближе приближаясь к моему лицу. А Сорокин стал плотоядно облизывать губы. У него была гнусная привычка кусать курсантов за ухо.

Я похолодел, решившись на крайность: – Только пусть попробует укусить меня – обоим в рожу заеду, а там как пойдёт...

Но в последний момент, когда уже было собрался заехать кулаком по слюнявым губам Сорокина, послышался недовольный голос Николаева.

– Бушмелев, что это у тебя во взводе за бардак?

У Сорокина сразу же испуганно заюлили глаза, а Комаров окаменел, мгновенно перестав зудеть, увидев, как к нам вразвалку угрожающе приближается замкомвзвод.

Не вступая в разговоры, Бушмелев схватил младшего сержанта за поясной ремень, с силой наступил правой ногой на обе стопы сержанта и тут же резким толчком толкнул Комарова назад. Не ожидавший такого приёма, сержант потерял равновесие и полетел спиной на пол, оставив в руках Бушмелева ремень со сломанной пряжкой. Резко повернулся к Сорокину и рывкнул: – После вечерней поверки – Оба ко мне! Понятно?

– Да, да, Гера..., будем, будем..., – залепетали испуганные сержанты.

Бушмелев под одобрительными взглядами курсантов вернулся на своё место, а Николаев сожалеющее проорал в пятую батарею: – Эх, пожалел вас дедушка. Я бы вам хук слева в челюсть, а правой по печени, по печени... Иэxxx!

Николаев в азарте изобразил несколько ударов и батарея залюбовалась своим старшиной. Во втором взводе батареи был младший сержант Печёнкин, небольшого роста, шустрый, но как оказалось мастер спорта по самбо. Хоть он был тоже молодой сержант, но в отличие от Тетенова, имел твёрдый характер, но по неопытности влетал часто в смешные ситуации. А от того, что у него под носом вечно было намазано зелёной так он и получил прозвище – Зелёнка.

Два мастера в одном подразделении не могли ужиться и вечно спорили – Что выше самбо или бокс? И вот наступил момент, когда в очередной раз сцепившись в словесном споре они договорились устроить матч-реванш. Единственно, что обоим смущало это разные весовые категории: Николаев весил под девяносто килограмм, а Зелёнка всего – пятьдесят пять. Долго судили, долго рядили, но всё-таки решили. И вот матч-реванш состоялся. Решили сойтись в Ленинской комнате, а так как капитан Кручок прямо трясся над ней, то решили бой провести после отбоя. Вытащили из Ленинской комнаты все столы. Вдоль двух стенок расставили стулья для старослужащих сержантов полка. Зелёнка в окружение молодых сержантов, с серьёзным видом разминался на центральном проходе, а Николаев, весело работая руками, скакал около ружейной комнаты. И вот они сошлись. Здоровяк Николаев внушительно двигался по кругу, а Зелёнка азартным воробьём вился вокруг противника. Пару раз, пользуясь своей шустростью и нахальством, он резко брал Николаева на приём, но силёнок закрутить до конца тяжёлого противника не хватало и он отскакивал в сторону, одновременно пригибаясь под пролетающим, как тяжеленный молот, кулаком. Николаев избрал другую тактику, понимая, что за шустрым Печёнкиным ему не угнаться, а запросто можно выдохнуться и лопухнуться. Поэтому работал кулаками спокойно и скупно, по уворачивающемуся Зелёнке, но рано или поздно самбист должен был попасться под увесистый кулак боксёра. И этот момент наступил. Кулак Николаева внезапно пошёл снизу и Зелёнка, не успев увернуться, взлетел вверх и с силой впечатался спиной в плакаты как раз по середине стены. На мгновение прилип спиной к стене и рухнул на пол, а сверху посыпались, так любимые замполитом, красочные плакаты, полностью накрыв потерявшего сознание Печёнкина. Бой им был проигран. Сержанты вскочили со стульев, ногами, не щадя красивые планшеты, разгребли кучу и достали оттуда Зелёнку, мигом перетащив его на кровать. Тут же появилась ватка с нашатырём и самбист, захлебнувшись едким запахом, пришёл в себя.

Утром, капитан Кручок был шокирован разгромом Ленинской комнаты и налетел на старшину: – Николаев, это что за ерунда? Кто посмел? Я всех тут урою и тебя в первую очередь...

Николаев, сделав наивное лицо, с дебильным видом произнёс: – Может быть землетрясение было, товарищ капитан? Вот и упало всё...

– Николаев, ты что издеваешься надо мной? Я обязательно доложу командиру батареи, чтобы он тебя встряхнул хорошенько, а то ты переходишь всякие границы...

Паничкин потом рассказывал: когда разъярённый замполит доложил о неподобающем поведении старшины и о разгромленной Ленинской комнате, то Климович, сам не любивший Кручка, заявил: – Николаева не смей трогать – он работает больше чем вы и толку от него больше чем от вас. А так я вам советую больше с личным составом работать и быть ближе к нему...

В Ленинской комнате, куда после отбоя привёл меня Бушмелев, сидел взбодороженный голый по пояс Николаев. Тут же стоял с поникшей головой Тетенов, с которым работа уже была проведена и довольно жёстко.

– Бля..., если с Тетеновым не церемонились, то меня сейчас просто отметелят..., – со страхом подумал я, но попытался его скрыть, что впрочем мне не удалось. Но Николаев добродушно похлопал меня по плечу.

– Не дрейф, курсант...

В дверь постучались и робко зашли Комаров и Сорокин, остановившись у порога.

– Ближе, ближе засушенные Гераклы, – Николаев плотоядно потёр руки и встал в боксёрскую стойку.

– погоди Николаев, дай мне сначала поработать, – остановил старшину Бушмелев и показал на меня пальцем, – видите его?

Те послушно кивнули головой.

– Увидели и забыли его. Для вас курсант Цеханович не существует... Понятно?

– Да... да... Гера. Мы всё поняли...

Бушмелев поморщился: – Какой я тебе, Гера? Сынок... От тебя ещё портянками пахнет. А я дедушка, Понял? Дедушка, а ты салабон. Это я имею право набить курсанту рожу. Это я могу сгнобить его по нарядам и работам. Это мой подчинённый и его судьбу буду я решать, а не такое чмо как вы. Ну ещё Тетенов – если только я ему это разрешу...

– Гера, Гера чего ты с ними разговариваешь? Дай я с ними поговорю, – Николаеву не стоялось на месте и он прямо подпрыгивал от нетерпения, – так, Цеханович, иди отсюда. Всё..., для тебя всё закончилось.

Я посмотрел на замкомвзвода и тот кивнул головой. Козырнув, я чётко повернулся и направился к двери, услышав, как за спиной не утерпевший Николаев влепил сочный удар кому-то из провинившихся сержантов. Тут же последовал второй. Третьего я не слышал, так как пулей вылетел из Ленинской комнаты. А через пять минут, дробной рысцой, мимо моей койки, промчались в своё расположение Комаров и Сорокин. Ещё через пять минут пришёл Тетенов и долго в темноте сидел на своей кровати, не раздеваясь.

Я тоже затаился на кровати, не зная то ли мне радоваться такому исходу, когда старослужащие сержанты встали на мою защиту, то ли нет?

Утром всё было как всегда, как будто ничего и не произошло, хотя весь взвод, да и батарея наверно знали о разборках, произошедших после отбоя и кидали на меня и Тетенова любопытные взгляды.

Пару дней всё шло как обычно, Тетенов ни чем не выделял меня, но сегодня перед отбоем вдруг придрался, прямо на голом месте ко мне и объявил наряд на работу. И после вечерней проверки подвёл к дежурному по батарее сержанту Крамаренко: – Серёга, вот тебе нарядчик, но только у меня просьба, как сержант сержанту – дай ему такую работу, чтобы он за пятнадцать минут до подъёма закончил...

Крамаренко спокойный, рассудительный, пользующейся среди курсантов уважением за справедливость, завёл меня в умывальник: – Цеханович, вот тебе поле битвы – туалет, умы-

вальник и курилка. Выдраить так, чтобы блестело как у кота яйца. Задача понятна? Ну и хорошо...

Я, уже один, не торопясь обошёл помещения и весело рассмеялся: – Подумаешь работа. Да тут часа на четыре – вот в два и лягу спать...

Первым делом взял аседол, тряпочку и натёр до бронзового блеска краны в умывальнике и краны на писсуарах. Потом тщательно вытер везде пыль. Отдраил толчёным кирпичом кафель писсуаров от желтизны и очки от потёков ржавчины, а потом тщательно вымыл с мылом мозаичный пол. Даже сам залюбовался результатом своей работы. Было как раз два часа и сержант Крамаренко уже спал, но я его смело разбудил и доложил о выполнении поставленной задачи. Крамаренко вкусно зевнул во весь рот.

– Ладно, Цеханович, пошли посмотрим, что ты там наработал?

Молча прошли по всем помещениям и дежурный одобрительно произнёс: – Молодец, молодец... Ничего не скажешь...

Крамаренко почесал затылок и задумчиво посмотрел на меня: – Честно говоря, я тебя бы сейчас отправил спать, но ты сам слышал и всё должен понимать. Увы, но спать тебе не придётся. Пошли, новую задачу поставлю.

Мы обошли все помещения, но везде было чисто и Крамаренко, остановившись около тумбочки дневального, где в этот момент стоял мой друг Юрка Комиссаров, был озадачен. Он вновь задумчиво почесал затылок и через несколько секунд радостно воскликнул: – Во... , есть. Цеханович, ты в этом году первым будешь.

Дежурный запустил руку в карман и выудил оттуда коробок спичек, достал спичку и торжественно вручил её мне: – Измерь мне, товарищ курсант, спичкой коридор от нашей ружейной комнаты до ружейной комнаты пятой батарее. Измеришь точно, с ошибкой плюс-минус десять спичек – идёшь спать. Будет неправильно – будешь мерить дальше. Я точное число спичек знаю и чтобы всё было «по чесноку», записываю число на бумажку, ложу её в тумбочку и печатаю её. И без пятнадцати шесть, если ты не справишься с задачей, я тебе эту бумажку показываю.

Крамаренко быстро записал на клочке бумаги несколько цифр, положил её в тумбочку и опечатал печатью. Дежурный ушёл спать, а я с дурацким энтузиазмом приступил к заданию. Уже через пять минут, поравнялся с тумбочкой и остановился, услышав голос Комиссарова: – Боря, стой! Хорош херней заниматься.

– Ты чего, Юра? Мерить надо...

– На хера? Тебя Тетенов несправедливо наказал и ты чего тогда корячишься? Давай сейчас тумбочку вынесем на лестничную площадку. Пластелин замёрзнет, я лезвием аккуратно срезаю понизу. Глядим бумажку, и в тепле осторожно приделываем печать обратно. Ты ложишься спать, через час я тебя толкаю, ты докладываешь Крамаренко и спокойно спишь до утра. Пошли они на хрен...

– Не..., Юра, я так не привык. Да и самому, как это не парадоксально – интересно.

– Ну и дурак ты, Боря.

Через полтора часа закончил первый проход и разбудил Крамаренко: – Товарищ сержант, одна тысяча восемьсот пятнадцать спичек.

Сержант помолчал с полминуты, потом веско изрёк: – Неправильно. Меряй дальше, – и снова упал на кровать.

– Так, ладно, – я взял карандаш и начал заново считать: прикладывал спичку, карандашом проводил черту, прикладывал спичку и опять чиркал черту. Через два часа я снова толкнул сержанта – Одна тысяча семьсот семьдесят семь спичек.

– Неееак, меряй – и кувыркнулся на подушку.

– Ну..., уж нет, – мерить не стал, а без пятнадцати шесть Крамаренко, отлепив печать, достал бумажку и сунул мне.

- На, читай, чтобы не думал что я тебя наё...ал.
- На бумажке было выведено – 1766.
- Перед занятиями меня в сторону отвёл Бушмелев.
- Ты ночью не спал?
- Так точно.
- Тетенов?
- Так точно.
- За что?
- Товарищ старший сержант, разрешите не докладывать, а то опять крайним окажусь.

Бушмелев усмехнулся: – И не надо, сам узнаю. А ты, Цеханович, крепись. Недельки две осталось.

Я резко вскинул голову: – Не понял? Вы что меня в другое подразделение собрались переводить? Так я не согласен.

Замкомвзвод многозначительно рассмеялся: – Да никто тебя никуда не собирается переводить, но через две недели тебя ждёт приятный сюрприз. Да и Тетенова тоже – только уже неприятный. А пока крепись.

До Германии осталось 90 дней.

Глава десятая

Праздник 23 февраля вчера прошёл нормально. Даже можно сказать отлично. Впервые за всё время нас не дёргали ни на какие работы, поэтому я успел посмотреть днём в коридоре учебного центра художественный фильм про гражданскую жизнь. За эти три месяца до того втянулся в военную жизнь в учебке, что было даже странно наблюдать на экране свободную жизнь молодёжи, когда можно запросто поваляться на диване, а после спокойно встать и пойти в одиночку, без песни, вольным шагом на дискотеку или свидание с девушкой. Самое странное, что я даже не завидовал киношным героям, а с некоторым злорадством, примеривая армейскую жизнь к положительным героям фильма, констатируя, что многие из них просто не потянут её и будут здесь вечными лохами. Своя, собственная гражданская жизнь давно забылась и была спрятана в непознанных глубинах мозга. Так, иной раз прорывалась яркими картинками воспоминаний и также без сожаления там же и пропадала. Я уже был солдатом и жизнь свою твёрдо решил посвятить тому же – нелёгкому, порой неблагоприятному военному труду.

Праздничное настроение не покидало и сегодня. Как же, сегодня меня в числе нескольких курсантов с других батарей, на праздничном построении полка вывели из строя и зачитали приказ о присвоении нам воинского звания «Ефрейтор». А потом вообще удивили, зачитав ещё один приказ – меня назначили на должность командира второго отделения в нашем взводе. Правда, о том что буду командиром отделения и ефрейтором я знал уже несколько дней, но верилось с трудом. Ну, хорошо... Поставили меня на должность И тогда на каком положении я буду? Понятно, Тетенов и Бушмелев, они сержанты и пользовались всеми привилегиями, как постоянного состава. А я?

Десять дней тому назад в полку началось соревнование лучших отделений батарей на приз Героя Советского Союза майора Плетнёва. В свою очередь такие соревнования прошли в батареях и в ходе трудного противостояния в четвёртой батарее отделение, в котором я служил, заняло первое место. А за неделю до праздников соревнование вступило в свою заключительную фазу. Десять отделений дралось за первое место по всем дисциплинам и мы сразу же выдвинулись на лидирующие позиции. Помимо всего и внутри отделения шла борьба за первое место. Тут уже боролись за десятидневный отпуск на Родину. По статусу первого места на приз Героя майора Плетнёва на отделение, занявшее первое место выделялось – отпуск один человек, звание «Ефрейтор» один человек, ценные подарки два человека, грамоты два человека и остальные благодарности. И так получалось, что в отделении могли претендовать на отпуск только двое: я и воркутинец Сергей Панков. На каждом контрольном занятии я уверенно набирал очки, также уверенно шёл, дыша мне в затылок, и Сергей. Он особо не расстраивался, что шёл вторым, так как прекрасно знал о моём слабом месте, где он спокойно и без суеты обойдёт меня. Так и случилось. На сдаче физо я позорно провалился: подъём-переворот – 2, бег на сто метров – 3, подтягивание – 5, кросс на 3км – 2. Общая – Два. Сергей же все нормативы выполнил на четыре и пять, легко обойдя меня по очкам. Надежда отыграться была только на последнем контрольном занятии по Оружью массового поражения. И тут уж я выложился, сделав рывок на выполнение нормативов, и вырвал проигранные очки. Но обойти не смог, лишь уравнив их.

– Цеханович, – я и Сергей Панков стояли перед столом командира взвода, а перед ним лежал список нашего отделения с расписанными поощрениями за первое место в полку. Лишь против наших фамилий было пусто, – у тебя с курсантом Панковым поровну очков. Если бы ты опередил его хотя бы на одно очко, я закрыл глаза на твою физическую немощь и отправил тебя в отпуск. Но раз очков поровну то моё решение следующее. Тебе звание «Ефрейтор», а курсант Панков едет в отпуск. Думаю, что так будет справедливо. Верно, Цеханович?

Конечно, в отпуск хотелось и мне. Хотелось в военной форме пройтись по городку, хотелось чтобы мать и отец гордились мною перед соседями и знакомыми – вот мол, три месяца отслужил, а уже отпуск заработал и лучший солдат полка. Хотелось щегольнуть и перед Сергеем Бабаскиным. Но где-то, в глубине души, у меня было и неприятие несвоевременного отпуска. Да приехал бы первым солдатом полка, да честно заработал отпуск, да молодец. Но, понимал и другое, что в глазах своих знакомых парней, которые недавно пришли из армии и с которыми буду тоже встречаться, я буду выглядеть обыкновенной салагой, счастливым, получившим отпуск на халяву. Салабоном, не умеющим ещё с армейским шиком носить форму, откуда жалко будет торчать худая шея. Не готов я был к такому отпуску, поэтому с готовностью ответил.

– Так точно, товарищ лейтенант. Я ещё себе заработаю.

– Ну и хорошо. Чтоб было всё без обид. – Лейтенант Князев напротив фамилии Панкова написал – Отпуск, а напротив моей – «Ефрейтор», – Всё, Панков, иди и позови сюда старшего сержанта Бушмелева, а ты Цеханович останься с тобой ещё не всё.

Когда в канцелярию батареи зашёл Бушмелев и уселся за стол рядом с командиром взвода, Князев выгнал писаря и мы остались одни.

– Товарищ курсант, отпуск ты действительно себе ещё заслужишь, а мы с замкомвзводом немного подумали и у нас есть к тебе встречное предложение. Как ты смотришь, если тебя поставить командиром второго отделения? А? Потянешь? Или нет?

Предложение было неожиданным и я несколько растерялся, но быстро справился с собой и стал прикидывать – А действительно.... Потяну или нет? Смущало многое. Как отнесутся мои товарищи, которыми придётся командовать, приказывать, требовать? Как посмотрят на моё назначение сержантский состав батареи? И какую линию поведения выстраивать между товарищами и сержантами? А Тетенов? С другой стороны – в линейное подразделение приду уже с опытом командования и мне там будет гораздо легче входить. Всё равно ведь через три месяца командиром расчёта буду. Так что месяцем позже, месяцем раньше – какая разница....? Все эти мысли вихрем пронеслись в голове и с ответом я затягивал.

Поняв мои колебания, командир взвода успокоительно произнёс: – Да ты, Цеханович, не переживай. Понятно – какой с тебя спрос, как с командира отделения? Но тем не менее по стажуешься. Бушмелев тебе поможет, подскажет в каких-то особо трудных ситуациях. Да и от Тетенова ты будешь своей должностью прикрыт. А? И в училище сразу на сержантскую должность пойдёшь. А чтобы ты ситуацию для себя полностью просёк, то я хочу после окончания учебки оставить тебя и Панкова сержантами во взводе. Будем вместе курсантов учить. Так что думай...

– Готов, товарищ лейтенант.

– Хорошо, только уговор. Никому о нашем разговоре пока не говори. Понял? Ну, тогда иди, занимайся.

Строй взвода, да и батареи встретил меня, когда становился в строй, разношёрстным гулом, в котором можно было услышать богатую палитру оттенков, начиная от откровенной зависти и кончая одобрением. Вся удмуртская родня неприязненно ворчала мне в спину – «Пере траханный солдат, не до траханный сержант» или «Лучше иметь дочь проститутку, чем сына ефрейтора». Но я на это не обращал внимание, так как это было от зависти. И взгляд Фокина тоже прямо источал зависть и неприкрытую обиду – Почему не его поставили на должность? Справедливости ради надо сказать, что Фока при своём хреновом характере был хорошим курсантом и вполне нормально успевал в учёбе. Были у него и хорошие лидерские задатки и в будущем он мог стать отличным командиром орудия. И вот поставили не его, а недруга. Остальные моё назначение встретили одобрительно, хотя прозвучали и вполне риторические вопросы – А на хрена тебе это, Боря, нужно?

Но больше всех был ошарашен Тетенов. Уже несколько недель младший сержант окучивал Бушмелева, а иной раз задавал вопрос командиру взвода насчёт командира второго отделения, мол – Товарищ лейтенант, мне довольно тяжело ходить каждый раз, когда наступала очередь взвода, дежурным по батарее, по столовой. Бушмелеву не положено ходить, вот я и тяну на себе все наряды и работы.

Бушмелеву он пел по-другому: – Гера, ты дедушка, замкомвзвод и все занятия, которые раскладываются на нас двоих приходится мне тянуть одному. В других взводах все сержанты на местах, а я как лошадь пашу... Давай ты тоже к командиру взвода подъезжай насчёт ещё одного сержанта.

Князев каждый раз отмахивался от Тетенова и обещал подыскать командира отделения, а Бушмелев откровенно посылал его: – Тетенов, ты ещё черпак и причём бестолковый черпак... Вот и паши, нарабатывай опыт. Станешь дедушкой тогда и отдохнёшь. А насчёт ещё одного такого же бестолкового как и ты, сам с командиром взвода договаривайся.

И вот несколько дней тому назад командир взвода так солидно, по-отечески и слегка посмеиваясь сказал Тетенову: – Товарищ младший сержант, нашли тебе помощника. Правда, опыта у него не особо, но вдвоём вы справитесь. После праздника будет тебе второй командир отделения.

Вот и ходил Тетенов эти дни донельзя весёлый и довольный от этого известия, представляя, как он, старожил взвода, будет помыкать новеньким, да ещё неопытным помощником, чувствуя себя старослужащим сержантом.

И такой жёсткий облом. Мне даже стало жалко младшего сержанта, увидев его растерянное лицо, когда он дёргал Бушмелева за рукав: – Гера, Гера, а чего Цехановича то, поставили? Почему не сержанта?

Бушмелев мстительно рассмеялся и, не стесняясь курсантов, брякнул: – Тетенов, ну и дурак ты. Где тебе взять среди учебного процесса лишнего сержанта? Ты просил – вот и получил. Работай...

После развода лейтенант Князев уже официально представил меня взводу в качестве командира отделения.

– Все требования ефрейтора Цеханович требую выполнять неукоснительно точно также, как если бы этого требовал любой сержант. Точно также и я с него буду требовать за отделение, как с сержанта. Ну, а по человечески, скажу так – если вы по каким либо причинам будете саботировать распоряжение и приказы командира отделения, то вы будете подводить своего товарища, который точно такой же курсант как и вы. Да..., среди вас вполне можно было выбрать и другую кандидатуру, но я и замкомвзвод остановили свой выбор именно на нём и обсуждению это не подлежит.

Закончив построение, Князев завёл нас – Бушмелева, Тетенова и меня, в канцелярию батареи и мне было довольно непривычно сидеть за одним столом в присутствии командира взвода и сержантов. Обычно я всегда, как и любой курсант, стоял по стойке «Смирно» или «Вольно».

Лейтенант сначала обратился к младшему сержанту: – Тетенов, тебе всё понятно? Или тебе что-то надо разъяснить? Вижу, вижу по глазам, что у тебя куча вопросов..., но мне их задавать не надо. Командир отделения ефрейтор Цеханович имеет права и обязанности точно такие же как и у тебя и чтоб я больше не слыхал ни про спички, ни про «золотые наряды» и такие наказания, как наряд на работу или на службу, которые ты ему раздаёшь направо и налево. И я знаю, почему ты это делаешь. Теперь дисциплинарно его наказывать могу только я или же в исключительных случаях замкомвзвод. Он хоть и курсант, но командир отделения.

Князев повернулся ко мне и я вскочил со стула: – Сядь, Цеханович. Товарищ ефрейтор ты теперь командир отделения и исходя из того что тут услышал – не борзей. Ты курсант и должен выполнять все требования, какие к тебе будут предъявлять сержанты, в том числе и

младший сержант Тетенов. Как бы ты к нему не относился, но у него опыта гораздо больше чем у тебя. Тебе понятно?

– Так точно.

– Хорошо, Бушмелев, ты сегодня старший, а я пошёл. Мне тут надо один вопрос решить.

Лейтенант поднялся из-за стола и тут Тетенов, не удержавшись, с обидой в голосе выпалил вопрос: – Товарищ лейтенант, но почему всё-таки Цеханович? Можно было поставить курсанта Фокина, который посильней его...

Командир взвода с раздражением хлопнул перчатками об стол и сел обратно: – Тетенов, тебя в строю при всех Бушмелев дураком обозвал. Мне что – это повторить? Кто такой Фокин? Он с какого отделения? И с какого отделения Цеханович? А Цеханович с отделения, занявшего первое место в полку и сейчас он по статусу второй солдат полка. Это твоё отделение заняло первое место, но твоей заслуги в этом нет. А если она всё-таки и есть – то она мизерная... вот столько, – Князев на мизинце показал, какая часть заслуг была у командира отделения, – а заняли первое место курсанты – именно курсанты. Своим трудом и терпением. Ты гордись этим, что они не плюнули, а дрались за это место. Гордись тем, что с твоего отделения Панкова и Цехановича хотят оставить по выпуску в батарею учить новое пополнение. Можешь всем говорить, что это ты их вырастил, но когда мне предложили поощрить и тебя за первое место, то я отказался – рано. И кто такой Фокин после этого? Тетенов – не зли меня...

Князев вышел из канцелярии, а Бушмелев с осуждением произнёс: – Заколебал ты своей удмуртской мафией.

До ГСВГ осталось 75 дней.

Глава одиннадцатая

Благодать! В казарме никого нету, кроме как суточного наряда и меня – дежурного по батарее. Да ещё и старшины Николаева, который периодически выходил из каптёрки, занимаясь своими старшинскими делами. А остальная батарея была на занятиях в поле. А я балдел, на улице минус 35, а я в тепле буду целый день. Повезло. Я уже третий раз заступал дежурным по батарее и быстро раскусил, какая это лафа. В дежурстве был только один негативный момент – это приём пищи. Завтрак, обед и ужин. Уж не знаю как в остальных солдатских столовых нашей славной Советской армии, но в нашей столовой процесс заготовки пищи на подразделение был организован как «Битва в пути». Перед выходом в столовую дежурный по столовой набирает команду из крепких курсантов, человек десять. Стойких бойцов, готовых грудью и животом отстоять пищу. И не только закрыть означенными местами пищу, но и если понадобится и подраться с противником, который эту пищу хочет у тебя отобрать. И это происходило не из-за того, что командование полков, нашего и танкового, бросило всё это на самотёк, не из-за того что нас очень плохо кормили или недодавали пищу. Нет. Нас кормили пусть и однообразной и не совсем вкусной пищей, по отношению к домашней, но сытной и калорийной. Просто, молодые, растущие организмы, оказавшись в такой экстремальной обстановке, с возросшими физическими и психологическими нагрузками, работал более эффективно, перерабатывая своим солдатскими желудками пищу в течение двух часов, а в остальное время, до следующего приёма пищи, требовательно и возмущённо бурчали, толкая курсантов на «подвиги». Вот и прокатывались, в ходе заготовки пищи, в полутёмной, огромной столовой скоротечные схватки, набег и бои местного значения. И вроде бы попадание в такую команду заготовщиков пищи не должно было быть привлекательным, но добровольцев здесь всегда хватало и даже с избытком. Ведь не только ты защищаешь полученную пищу, но и сам совершаешь набег на других и имеешь точно такую же возможность, как и у твоего противника, завладеть лишним куском мяса, хлеба, сахара и масла и СОЖРАТЬ это. Не лишним было в этом и проявление молодечества в кулачном бою или рукопашной схватке, после которой ты получишь лишние плюсики в личный рейтинг и хоть и на чуть-чуть но подымишь свой авторитет. Так что заготовка пищи происходила следующим образом. Ты набираешь команду заготовщиков и выдвигаешься за полчаса в столовую. И с ходу, клином или как это раньше у немецких рыцарей называлось «свиньёй», врзался в толпу таких же заготовщиков от других подразделений, собравшихся у раздаточного окна. Тут же начиналась рукопашная схватка с другими. И тут не важно было, что я курсант, а остальные дежурные старослужащие сержанты. Важно, что я был тоже дежурный и тоже заготавливал пищу на свою батарею. В этот момент я был с ними на равных и мог нагнать. Сумев пробиться к раздаточному окну, я как бы столбил своё место и начиналось право победителя – пока не получу всю пищу из окна, никто не имел право перебить меня. Все ждали, когда получу и уйду и тогда жаркая схватка вновь закипала у раздаточного окна. А я же стоял у окна и считал бачки с первым и вторым, тарелки с мясом или рыбой. Первая пятёрка, которая уносила бачки, группировала их на дальнем столе и занимала оборону вокруг него и если возникала необходимость, вступала в сватку с противником, который решил покушаться на нашу пищу. Но и наши тоже не дремали и зорко глядели по сторонам и как только ближайший противник допускал оплошность в своей обороне, мгновенно следовал набег уже с нашей стороны, который точно также мог окончиться удачей или хорошими тумачами. В случае удачи, отбитая пища мгновенно поедалась. А проигравшая сторона со злостью смотрела на удачную и начинала кручиниться от предстоящих разборок с товарищами, которым пищи достанется гораздо меньше. И тут был только один выход, дожидаться, когда у стола сосредоточатся все заготовщики и совершить блиц-набег всеми силами на соседей. Тут было только два святых правил, которые никогда не нарушались. На курсанта, который бежал с бачком пищи по

маршруту: раздаточное окно – столы подразделения, никто не имел право нападать. И драться должны без крови и синяков на видимых частях тела. Это были наши дела и офицерам в них соваться нечего.

За пять минут до прихода подразделений, всё что было сосредоточено на одном столе, разносилось по всем, а ещё через пару минут заходило подразделение и для тебя это негативно-увлекательное действие заканчивалось.

А в остальном дежурство по батарее было лёгким. Дневальные трудолюбиво пахали, подгонять их не надо было, так как они сами понимали, чем им будет чревато, если в батарее будет непорядок. Дежурному, главное с утра встретить всех офицеров и командира батареи, доложить ему и дальше работать по своему плану.

Так что, было уже одиннадцать часов утра. Порядок мы навели и сейчас тихо балдели по своим углам, периодически изображая деловую суету, когда в расположение выходил старшина или командир батареи капитан Климович.

Сегодня командир батареи был под шафе. Как бы это внешне не просматривалось, но когда я утром докладывал комбату, мне очень не понравились его глаза. Были они мутные и нехорошие и я понял, что сегодня батарею ждёт опять хорошая встряска. Так-то комбат был нормальным и спокойным, но вот периодически, раз в две-три недели, он устраивал жёсткие «тараканьи гонки...» и каждый раз они были другие. Курсанты уже не раз обсуждали – С чем были связаны причины таких настроений командира батареи и что делать? Но как всегда всё сводилось к одной причине – жена комбата. То ли они буйно накануне вечером разругались, или же она «не дала» комбату, вот он и беситься. Ну..., а что делать? Тут мнения разделялись, даже один раз уже стали составлять список курсантской делегации, которая пойдёт к жене комбата и попросит чаще ему «Давать». Так что вопрос – Что он устроит сегодня, был совершенно не праздный?

– Дежурный...! – Послышался зов комбата из открытой двери канцелярии.

– Товарищ капитан, дежурный по батарее ефрейтор Цеханович, по вашему приказанию прибыл. – И застыл по стойке «Смирно».

Комбат сидел за своим столом и смотрел в упор на меня жёлтыми, тигриными глазами и молчал. Сбоку и у окна размещался стол батарейного писаря, из-за которого заинтересовано поглядывал курсант Паничкин, тоже с нашего взвода и с моего отделения. Паничкин как и я во взводе были два «тупа» по физподготовке. С Паничкиным всё было понятно и ясно; из городской семьи, глубоко интеллигентной, с соответствующим воспитанием, где во главу угла ставилось умственное развитие, а не физическое. Что и отпечаталось на его внешности: полный, вялый и слабый. И я – пацан, которого воспитал лес, тайга, ежедневная колка дров, таскание воды из речки для бытовых домашних нужд, активные игры и жизнь на природе, здоровая еда, бегал, прыгал, не хилак, мог запросто подраться... И вдруг мы оба, такие разные, не можем сделать подъём переворотом и в беге просто «Нули». Ну..., Паничкин то был просто круглым «Нулём», даже подтянуться ни разу не мог. Я хоть подтягивался 12 раз, а подъём переворотом к этому времени научился делать один раз. И то с разбегу... Как Бушмелев сказал: – Пока потянет. Как первый раз сделаешь без разбега, всё само пойдёт... Там только технику нарабатывай...

А вот с бегом были проблемы, как рвану со старта – так и сдыхаю через метров четыреста, а бежать ещё километры. Это уже потом я пойму, что эти километры надо не рвать, а бежать своим темпом, лишь перед финишем, метров за двести-триста можно и рвануть. А пока мы оба «трупы» и наши потуги на перекладине вызвали здоровый смех у сослуживцев.

Молчание затягивалось и наконец-то оно прервалось: – Принеси мне, дежурный, сюда 10 штык-ножей.

– Есть! – И метнулся выполнять приказ, ломая голову – Для чего это ему нужно? Проверять что ли чистоту их будет? Вскрыл ружкомнату, хватанул штык-ножи своего отделения и через минуту заходил в канцелярию.

– Вот сюда и вот так разложи... – комбат властно постучал пальцем по крышке стола, куда надо было положить штык-ножи, вытащенные из ножен. Я быстро выложил на столе все десять штык-ножей в ровный ряд и лезвиями к комбату. Замер сбоку от стола в ожидание дальнейших приказаний.

– Паничкин, стань в дверях, – приказал комбат и Паничкин неуклюже выбрался из-за стола, протрусил вперёд и встал в дверях, напротив стола комбата – мешок-мешком. От комбата до него было метров девять.

– Теперь, Паничкин, подними руки в стороны и на уровень плеч... И так и стой.

– Цеханович, ты знаешь, что я учился в закрытой спецшколе? – Повернул голову ко мне комбат.

– Что-то такое слышал, товарищ капитан...

– А ты знаешь, чему нас там учили?

Недоумённой гримасой изобразил полное незнание данного момента, чем видимо удовлетворил командира батареи.

Капитан встал с кресла, повернулся к Паничкину, оценивающе посмотрел в его сторону и произнёс: – Паничкин... ты только не шевелись, – и, не давая времени осмыслить нам, что он этим хотел сказать, хватанул первый штык-нож и метнул в Паничкина. Тот ещё не успел долететь, как в воздухе оказался второй штык-нож. Остальные полетели в сторону двери в следующие несколько секунд и я, остолбеневший от произошедшего, даже не успел что-то предпринять, чтобы остановить офицера. Сильная и громкая очередь, вонзившихся штык-ножей в двери по контуру тела Паничкина, затихла, а комбат спокойно сел обратно.

– Вот так, Цеханович, нас и учили. Я много чего ещё могу, например: одним пальцем убить человека, – я сделал на всякий пожарный чёткий шаг назад, а капитан рассмеялся.

– Не бойся, на тебе это показывать не буду. Ты иди лучше Паничкину помоги. Сомлел он...

Паничкин медленно и тупо осмотрел рукоятки штык-ножей вокруг себя и до него только сейчас дошло – Что могло случиться, если бы у комбата дрогнула рука!? И писарь, побледнев и обильно покрывшись потом, грузно осел на пол прямо около двери. Пока я его подымал с пола и уводил писаря из канцелярии, Климович вызвал к себе свободного дневального и отдал приказ – Всех сержантов и ефрейторов, за исключением сержантов-дембелей – «Срочно! По тревоге! Со средствами хим защиты – Прибыть в канцелярию!».

Последующие десять минут я приводил Паничкина в чувство в умывальной комнате, успокаивал его, а потом вместе с ним и одновременно с дробным топотом тревожных сержантов снова появился в канцелярии. Бледный Паничкин сел за свой писарский стол, я вытащил из дверей штык-ножи, на что опасливо косились сержанты и тоже замер ожидая дальнейших указаний.

– Дежурный, ты иди... Занимайся своими делами.

Последующие двадцать минут из канцелярии доносились интересные звуки, живо и ярко рассказывающие об интенсивном занятии по Оружью массового поражения. После чего дверь неожиданно резко распахнулась и оттуда с криками боли вывалилась толпа сержантов и, держась руками за лица, помчались в умывальную комнату, где стали что-то лихорадочно смывать с себя.

– Дежурный! Пожарная Тревога! – Донеслась из канцелярии следующая вводная командира батареи. Я хватанул огнетушитель со стены и метнулся в канцелярию. Но там никакого огня не было и я остановился с огнетушителем в руках, не зная что делать дальше.

– Стой, дежурный, сейчас будет. – Придержал меня комбат.

От бывшего порядка ничего не осталось. На полу безобразными кучами валялись голубоватые ОЗКа, противогазы и сумки из-под них, пол был усеян раскрытыми и раздербаненными упаковками ИПП-8 (индивидуальный противохимический пакет) и многочисленными использованными марлевыми тампонами. Как я сразу обратил внимание, ИПП были не учебные, а боевые. Теперь понятно, отчего сержанты с болезненным воем выскочили из канцелярии и ринулись смывать противохимические растворы. Мы на занятиях применяли учебные ИПП, где в ампулах были безвредные растворы или же обыкновенная вода, а вот кожа человека, поражённая боевыми жидко-капельными отравляющими веществами, протиралась боевыми растворами, которые входили в реакцию с отравляющими веществами и обезвреживали их и сами теряли свои агрессивные свойства. А если их применять на чистую кожу, то человек получает болезненные химические ожоги.

Комбат тем временем присел, и выбрал из кучек распотрошённых ИПП капсулы с противодымной смесью и спрятал их в карман. Тоже ещё та дрянь, со своими хитрыми свойствами. Выпрямился и носком сапога стал сдвигать марлевые и бумажные тампоны в одну небольшую кучку, посередине паркетного пола канцелярии. Соорудив эту кучку, неторопливо достал из кармана зажигалку, щёлкнул и поднёс красненький язычок огня к кучке и та тоже неторопливо занялась огнём.

Я глянул и комбата, одновременно намекая поднимая огнетушитель, но капитан отрицательно мотнул рукой, типа – рано. Поднял с пола неиспользованную полиэтиленовую колбочку боевого раствора ИПП, наколот её на шип коробки и пустил тонкую струю на разгоревшийся на паркете костёр. Ну..., я узнал по ходу обучения многие хитрые моменты ИПП – что ампулы с противодымными смесями в костре взрываются, что боевые растворы едучи, но чтоб они ещё и горели хорошо – вот этого не знал.

Кончик полиэтиленовой колбочки мерцал небольшим огнём и теперь комбат нажал пальцами на колбочку и из дырки вырвалась тонкая струя боевого раствора, сразу же вспыхнувшая огнём. И огненная струя направилась на чучело, в рост человека, стоявшее в углу и одетое в ОЗКа в виде комбинезона, и пылающий раствор потёк по нему на пол. Следующая струя попала на канцелярский шкаф и он немедленно занялся огнём, а комбат уже поливал стол командиров взводов и бумаги, лежащие там, пшикнул на дверь и когда колбочка сморщилась от отсутствия жидкости, громко объявил: – А вот теперь дежурный – Пожарная тревога!

Как пользоваться огнетушителем я знал, мигом его перевернул, сильно дёрнул чёрным рычагом, разбивая внутри ампулу и огнетушитель жизнерадостно выпустил тугую струю и... Тут же сдох. Следующий огнетушитель, который я сорвал со стены казармы, лишь громко пёрднул на все мои правильные действия, а потом тоненько-тоненько и долго засипел. Больше огнетушителей в батарее не было, да и не нужны они были, потому что в канцелярию с боевыми видом ворвались дневальные и тут же залили всю канцелярию, даже комбата четырьмя ведрами ледяной воды. Огонь тоже.

Последующие пять минут мы трудолюбиво собирали с мокрого пола тлеющие остатки пожарища и складывали в ведро, где огонь быстро возродился. Комбат махнул рукой Паничкину и тот, схватив горящее ведро, помчался с ним в туалет, даже не увидев, как командир батареи, сделав пару скользких шагов, что-то сыпанул в ведро.

Улыбнувшись своим мыслям, капитан Климович отдал мне приказ: – Иди, посмотри, чтоб там с Паничкиным всё в порядке было....

Я уже догадался, что он сыпанул в ведро, но чуть-чуть не успел. Паничкин, с горящим ведром заскочил в курилку, расположенную за умывальной комнатой, где в это время успокаивали куревом свои нервы сержанты. Поставил между ними на мозаичный пол ведро и сунул туда свою рожу посмотреть – А что там горит? Мне только и осталось наблюдать, как в ведре долбанули ампулы с противодымной смесью, а Паничкин так в испуге скаканул от ведра, завалив при этом двоих сержантов, что я думал он сейчас вылетит в окно. Сержанты от совершенно

неожиданного, пусть даже и небольшого взрыва, тоже шарахнулись в разные стороны. Кто-то сильно ударился об стену, кто-то поскользнулся на полу и упал. ... Да и остальные пострадали и сейчас в пол голоса матерились, приводя себя в порядок. Пока я возился с нашим батарейным писарем, который за небольшие пятнадцать минут дважды получил сильное душевное потрясение, приводил его в чувство, успокаивал и аккуратно вёл обратно на его рабочее место в канцелярию, дневальные навели там порядок и о том, что тут было свидетельствовало только чёрное пятно на паркете, подпаленный шкаф, жалкие остатки чучела, полу обгорелый стол взводников и изрешечённая штык-ножами дверь. Сам комбат безмятежно сидел за столом и курил.

– Дежурный, вечером тут порядок, какой и был раньше... Да..., и дверь заменишь...

– Есть!

Я вышел в расположение, усиленно размышляя – Где достать дверь? А если перевести вопрос на солдатский язык – Где её украсть? В свою очередь я завёл в канцелярию двоих из троих дневальных и, обведя пальцем помещение, сказал, копируя голос комбата: – Вечером тут порядок, какой и был раньше... Как вы это будете делать – меня не интересует...

– Боря, да ты что, офигел что ли? Да тут работы..., – возмутились товарищи по несчастью.

– Хорошо, – быстро согласился я, – я тогда навожу тут порядок. Меня это не пугает, а вы ищите дверь и ставите её...

– Не..., не..., не..., – сразу пошли в обратку дневальные, даже выставив руки вперёд, – мы тут порядок наведём. Дверью ты занимайся.

Оставив их в канцелярии в обсуждение, как они будут тут работать, я вышел в коридор и услышал, как капитан Климович в каптёрке дерёт старшину Николаева за незаряженные огнетушители. Ну и как всегда, срок на исправление и этого недостатка тоже был вечер.

К обеду половина работы по канцелярии была выполнена. У меня к этому времени в голове сложился нахальный план похищения хорошей двери с полкового медпункта. Затраханый комбатом опытный и мудрый старшина тоже не дремал и прекрасно понимал, что помимо заряженных огнетушителей он должен комбату представить что-то более весомое и после обеда все усилия сержантов дембелей были направлены именно в этом направлении.

Ну..., а я после обеда, особо не задумываясь, направился за казарму, где стояло одноэтажное деревянное здание полкового медпункта. Там как раз, на входной группе неделю назад установили новенькую дверь. Подошёл, осторожно открыл и поглядел на вторую дверь тамбура – закрыта. Воровато огляделся, пробормотав про себя – «Смелость города берёт» и тут же вторую народную присказку – «Наглость – второе счастье», присел, взялся правой рукой за низ двери у косяка, левой придерживал другой край, где-то в районе дверного замка, поднатужился и резко потянул дверь вверх, снимая её с петель. Дверь поддалась с недовольным скрипом, а у меня банально не хватило силёнок с первого раза снять её с петель и она уже с вызывающим грохотом снова опустилась на своё место. Тут же открылась вторая дверь в небольшое фойе медпункта и оттуда появилась голова дневального, которая с подозрением уставилась на меня. Наряд по медпункту выставлялся из ходячих больных, предназначенных к скорой выписке и вот этот дневальный, после секундного недоумённого молчания, задал вполне закономерный вопрос: – Ты кто такой и чё тут делаешь?

– Чё..., чё...!? Не видишь дверь снимаю, давай помогай...

Дневальный несколько секунд переваривал услышанное, после чего задал ещё один вопрос: – А на хера?

– Блин..., – выверился я на бойца и сунул ему левую руку с красовавшейся там красной повязкой «Дежурный по батарее» почти под нос и с экспрессией в голосе прикрикнул, – видишь? Дежурный по штабу и командир полка сказал снять дверь и отнести её на ремонт...

Дневальный по медпункту где-то подсознательно понимал, что его нагло «обувают», но его сбивал с толку мой решительный настрой, а в довершение всего он никак не мог связать

вместе очевидные вещи, на которые по очереди переводил свой взгляд – повязка на рукаве «Дежурный по батарее», но он заявляет что «Дежурный по штабу» и что командир полка приказал совершенно новую дверь отнести на ремонт.

Я в свою очередь прекрасно понимал, что ещё через несколько секунд он умножит «дважды– два» и получит правильный ответ и дверь так и останется висеть на медпункте. Поэтому, не давая болящему курсанту произвести в уме умножение, грозно заорал: – Чё стоишь как бревно, там командир полка ждёт, а ты как баран. Видишь, я один не могу...

Буркнув в ответ: – Чё орёшь!?! Спокойно, что ли нельзя сказать...!?! – Он послушно нагнулся и через пару секунд, дверь со скрипом слетела с петель.

– Ты тут постой... Я сейчас всё-таки спрошу..., – и тут же исчез за второй дверью.

– Конечно, спроси..., – крикнул ему в спину, чуть присел, подцепил дверь за бока и рванул с нею, как на стометровке. Я уже успел пробежать метров пятьдесят и должен был скрыться за углом казармы, как из медпункта вывалила толпа отожратых санитаров из постоянного состава, с кучей выздоравливающих и с криком: – Вон он..., – ринулась за мной. В мозгу вспыхнула яркая, живописная картинка, как это стадо догоняет меня, отбирают дверь и этой же дверью начинают меня лупить, вбивая по пояс в мёрзлую землю. Это мне придало дополнительные силы и я ломанулся с удвоенной скоростью за угол казармы. Как не свалился на землю при крутом повороте, как с разгону не выбил входные двери казармы, никого не сбил и не покалечил, стремительно поднимаясь по узкому лестничному пролёту – я этого не помнил. Очнулся, только увидев в дверях родной батареи старшину Николаева и услышав топот погони уже на лестнице. А Николаев, принимая боксёрскую позу, жизнерадостно орал: – Цеханович, заскакивай и сразу в сторону..., в сторону...

Что я и сделал, с первого раза попал в дверной проём входа батареи и не сбив старшину. А Николаев за моей спиной азартно ревел и первый же появившийся в дверях, получил «хорошую дыню в пятак». Упал назад на погоню, но та его по инерции занесла обратно и он получил второй апперкот и на этом для него погоня закончилась. Впрочем, остальные продержались совсем недолго, гораздо дольше они шебуршились за дверью на лестничной площадке и на всём пролёте, охая и ахая. Потом приводили в чувство самого первого и пытались вступить в переговоры со старшиной. На что Николаев, открыв дверь на лестницу, злорадно хохотал, глядя туда и голосом Мефистофеля с гордостью кричал: – Ну что, олени...! Вас один курсант, как салабонов сделал! Это вам не ваша сраная санчасть – а четвёртая батарея...

Закрыв дверь и хлопнул меня по плечу: – Молодец, Цеханович. Уважаха... А этих не бойся. Я к ним завтра схожу и предупрежу, чтоб к тебе претензий не имели. А так Благодарность тебе, что честь четвёртой батареи не опозорил.

Я принял строевую стойку и молодецки гаркнул: – Служу Советскому Союзу....

Оказывается, старшина наблюдал из окна умывальной комнаты, как я воровал дверь и как за мной помчалась погоня.

Но благодарность благодарностью, но надо было ставить дверь, а опыта у меня в таком деле не было, тем более что оказалось, петли на косяках на эту дверь-то нужно было не только перевешивать на другую сторону, но чуть ли не весь косяк переделывать. И вот с этим я промучился практически до самого отбоя. Поставить-то поставил, но где-то чуть-чуть перекосил и дверь была..., ну буквально на несколько миллиметров шире, отчего она стала очень туго открываться. Аааа..., ничего..., разработается...

Сержанты-дембеля в это время провели почти войсковую операцию, результатом которой стало похищение упитанного барана из сарая прапорщика Елатунцева. Быстро разделали на шашлыки. Шустрому курсанту со второго взвода дали три трёх литровые банки и послали в деревню Порошино за самогонкой. Короче суеты вечером было до фига, что очень здорово мешало мне работать с дверью, потому что сержанты постоянно шастали туда сюда из канце-

лярии и обратно в канцелярию, где накрывали приличный стол для комбата и командиров взводов.

Офицеры сидели в ожидании приглашения в каптёрке и непринуждённо общались, сержанты уединились в классе подготовки с макетом местности и тоже общались, потягивая в разумных рамках самогонку. Две банки они оставили для офицеров, а одну себе. Но они не знали, что шустрый курсант, бегавший в Порошино за самогонкой, принёс ещё двухлитровую банку самодельного алкоголя уже для себя.

За двадцать минут до вечерней поверки он подошёл ко мне и, воровато оглядевшись, предложил: – Боря, пошли по чуть-чуть дерябнем...

В душевой, забитой батарейными лыжами, собралась своя компания курсантов со всех взводов. Так сказать курсантских лидеров. С нашего взвода был ещё и Фока, радостно блистая своей фиксой. Слушая гомон поддатых сержантов из-за стены, мы втихушку приняли свои порции, закусили пряниками, шёпотом обменялись впечатлениями прошедшего дня и разбежались. Меня немного развезло и, воспользовавшись якобы подгонкой двери, не встал в строй, а наблюдал за поверкой со стороны.

– Ну что, Цеханович, готово? – Подошёл ко мне старшина.

– Так точно, товарищ старший сержант, только туго открывается..., – счёл нужным предупредить.

Старшина махнул рукой и повернулся к Бушмелеву и Долгушину, стоявшим недалеко: – Сейчас отобьётся батарея и приглашаем, а пока пошли..., – и сержанты удалились в класс подготовки, чтобы принять на грудь ещё немного, а я пошёл к своей кровати, где моментально вырубился, как только голова коснулась подушки.

Проснулся от бесцеремонного торможения: – Вставай..., вставай..., тебя старшина зовёт...

Я соскочил в кровати и, ещё не совсем проснувшись, мутными глазами осмотрелся по сторонам, а так как – что в нашей батарее, что в соседней пятой всё было одинаково, то со сна попутал направления и помчался в сторону каптёрки пятой батареи.

– Боря..., ты чё опупел что ли? – Меня догнал тормошивший дневальный и чуть ли не силой завернул меня в правильное направление. Да я и сам уже с ориентировался, окончательно проснулся и помчался туда, куда нужно. В шевелящую темноту у входа в канцелярию батареи, но опоздал. Послышался неясный шум, потом смягчённый грохот, мат, смех...

Потом, я не спал почти пол ночи, потому что как только вспоминал произошедшее, так меня разбирал дикий смех, который приходилось душить в себе, чтобы не разбудить спящих товарищей. Да и пьяный был. А произошло следующее. Спустя пятнадцать минут после поверки, батарея спала крепким солдатским сном, а старшина, построив в одну шеренгу перед входом в канцелярию старослужащих сержантов, отправился приглашать офицеров на небольшую пирушку. Пригласил, офицеры чинной группой вышли из каптёрки. Рядом с комбатом шёл старшина и, подходя к строю сержантов, подал команду – Смирно! Пропустил комбата вперёд и тот, подойдя ко входу в канцелярию, дёрнул ручку, чтобы открыть дверь. Дверь не открылась. Комбат дёрнул сильнее – результат нулевой. Старшина забежал со стороны и, доложив комбату, что дверь открывается туго, попытался сам её открыть. Дверь не поддавалась.

– Дневальный топор..., – зло прокричал старшина и топор буквально через секунду материализовался в руках дневального около старшины. И тот особо не думая, вернее думая и желая быстрее открыть дверь, вставил лезвие топора в щель между дверью и косяком и с силой нажал на топор. Дверь стояла, как влитая.

– Но он же её открывал, – удивлённо пробормотал старшина и тут же выдал новую команду, – Цехановича сюда...

Но сам ждать не стал, а повторил попытку уже с дурной силой. Но фишка тут была в том, что дверной проём почти вплотную примыкал к высокому и узкому самодельному шкафу, где

внизу висели аккуратно заправленные шинели, а вверху, в отдельных ячейках лежали укомплектованные вещмешки. Вот и получилось, что первый раз от бездумного дёргания топором косяка, весь этот шкаф до самого потолка лишь зашатался, а во второй раз сначала опасно наклонился, внезапно вывалив на строй сержантов гору вещмешков, а потом просто рухнул на них, завалив тех под грудой вещмешков и тяжёлой деревянной конструкции. В этот момент я и подошёл, уставившись на шевелящуюся громоздкую кучу и доносившейся из-под неё придушенный мат. Старшину и офицеров эта катастрофа не задела, а я поняв в чём дело, сначала испуганно прошептал, а потом продемонстрировал: – так она теперь в другую сторону открывается..., – и, преодолевая сопротивление ещё не разработавшейся двери, толкнул её и открыл. Офицеры расхохотались, увидев, как просто «открывается ларчик», поглядели на шевелящуюся кучу имущества, из-под которой выползали растрёпанные сержанты, а следом за ними рассмеялся и старшина. Короче получилось весьма забавное приключение. Офицеры зашли в канцелярию, старшина махнул мне рукой и я пошёл спать. Но уже через десять минут меня снова вызвали, но уже в канцелярию, к комбату. Оказывается, старшина рассказал капитану Климович, как среди бела дня я совершил набег на полковой медпункт и нагло украл там дверь. При этом он, конечно, приукрасил и мои действия, где я лихо отбивался от погони дверью, а старшина уже здесь прикрывал меня своим телом и кулаками. Офицеры ржали над рассказом, а потом комбат позвал меня. Я стоял перед столом командира батареи, держал в руках кружку с самогоном и слушал одобрительные слова комбата, после чего на законном основании выпил щедро налитый самогон.

До окончания учебки осталось 65 дней.

Глава двенадцатая

Сегодня была суббота – Парко-Хозяйственный День или как по-военному – ПХД. И с самого утра было ясно, чем будем заниматься. Старшина решил ободрать от старой мастики и впитавшуюся грязь с половых досок во всё расположение, пройти морилкой очищенные доски и заново покрыть свежей мастикой. Доски были широкие, толстенные и служили полом видать с самого начала, так как они уже вытерлись и на месте твёрдых и плотных сучков образовались возвышенности.

Половину батареи угнали на работы в парке и на прямой наводке, кто-то ушёл на уборку снега на закреплённой территории, а остальные два взвода оставили в расположение, как раз на обдиране пола. Мы сначала обрадовались, на улице было холодно и по земле ветром гнало позёмку. Да и сержанты вместо того чтобы сразу нас озадачить, собрались в каптёрке и о чём-то совещались, и впервые за долгое время мы были предоставлены сами себе и бесцельно слонялись по расположению в течение часа. Но потом всё внезапно закончилось, старшина с замкомвзводами построили нас и быстро распределили на работы. Каждому досталось по две доски, которые к вечеру надо было выскрести. Мне и нескольким другим курсантам повезло, доски достались в центральном проходе и нам не надо было сдвигать кровати, тумбочки в кучу, чтобы делать часть своей работы. Дневальные вытащили из сушилки несколько больших кусков стекла, заранее приготовленные старшиной. Их разбили, мы расхватали острые осколки и стали с энтузиазмом скрести. Я думал – «Фу..., какая фигня!? Да до обеда только так свои пару досок отскребу...», тем более что сначала было занятно и острые края стекла, оставляли после себя широкие и чистые от грязи полосы. Но уже через полчаса озадаченно хмыкнул. Два метра сумел очистить, а дальше стёкла затупились и просто скользили по дереву. Теперь чтобы убрать грязь, надо было по одному и тому же месту провести куском стекла раз десять, вместо одного-двух раз. Поднялся и пошёл в курилку, где было стекло, но меня опередили и всё было разобрано, потому что с такой проблемой столкнулись все. Теперь-то стала понятна ехидная улыбка сержантов, на наши оптимистические заявления об окончании работы к обеду. Быстро накинул шинель и выскочил на улицу и в первой же мусорке «Даурии» нашёл оконное стекло приличного размера. Тут же его расколотил на небольшие кусочки и довольный своей находчивостью направился в казарму.

– Боря, дай... Боря, где ты нашёл стекло? – Меня засыпали вопросами, но быстро прикинув мою шинель к здоровому румянцу во всё лицо, сами поскакали на улицу.

Мне этого стекла хватило только до половины расположения и снова быстро одел шинель и выскочил на улицу. Да..., я обшарил все мусорки вокруг наших казарм, все места, где могло быть стекло, но видать остальные парни сами догадались о всех этих местах и я нашёл лишь несколько жалких кусочков, которых мне хватит минут на двадцать. Чёрт, придётся идти в самоволку в офицерский городок, хотя мог влететь патрулю, а потом на гауптвахту. Но риск благородное дело и я не пожалел. Уже на первой же мусорке нашёл стекло, тут же его перепрятал. Кинулся ко второй – голяк, но третья не подкачала и оттуда я убежал от патруля, крепко зажав в широко расставленных руках здоровенное стекло. Был бы наверно на первом месяце службы, меня точно словили. Но спустя четыре месяца хорошей такой службы я был РЕКСОМ и хер меня словишь так просто. Поэтому, благополучно уйдя от погони, через полчаса пробрался к первому куску стекла и утащил его к далёким гаражам, где уже спокойно расколотил на кусочки нужного размера. Завернул в какие-то тряпки, как партизан пробрался через занятую противником территорию на свою территорию.

А в казарме царил уныние. Курсанты уныло и без успеха шаркали тупыми кусками стекла, сержанты из молодых, которые были старшими над нами, в том числе и Тетенов, бесились и кроме ругани ничего не могли предложить. Но сержант Зелёнка потом что-то смекнул

и исчез на полчаса и гордо притащил большой кусок стекла. Тут же грохнул его об пол и на разлетевшиеся куски жадно налетели курсанты, чуть ли не дерясь на потеху сержантов между собой. В этот пиковый момент появился и я и тут же отхватил звиздюлин от Тетенова.

– А чё..., товарищ младший сержант? Я ж не балдел, а искал стекло и вот притащил на всё своё отделение...., – Тетенова аж перекосило и от моего слегка независимого тона и от того, что я вот сумел достать стекло, а он не додумался. Проворчав, что потом со мной разберётся и «Давайте, работайте шустрей...», удалился с Зелёнкой в солдатский магазин, а я поделился стеклом со всем нашим взводом. Впрочем, его хватило лишь до обеда, и то пола было выскреблено процентов 70%.

После обеда во весь рост снова стала проблема отсутствия стекла и замаячила хорошая перспектива звиздюлин уже со стороны старшины и не только нам, но и сержантам. А по плану у старшины было к ужину всё скрябание закончить, после ужина, все ложатся по кроватям и спят, а чистый пол наряд по батарее обильно моют морилкой. К 12 часам ночи морилка высыхает и опять же нарядом на пол наносится слой мастики, которая до пяти часов впитывается в доски, а с пяти до подъёма наряд натирает здоровенным и тяжёлым полотёром «Машкой» пол. И к приходу комбата он блестит как «яйца у кота».

Парни уже знали, где я достал последний раз стекло и пристали ко мне: – Иди к Тетенову, ты ж командир отделения, и предложи ему, чтоб он нас возглавил и сводил в офицерский городок за стеклом....

Но Тетенову не понравилась наша идея, а по простому говоря – он зассал. А вдруг попадёмся патрулю и что тогда говорить? Что-то залепетал в ответ и пришлось нам делиться с такими планами с курсантами с другого взвода, а те ринулись к своему младшему сержанту Зелёнке и тот вполне нормально воспринял наше предложение. Даже загорелся нашей идеей и Тетенову волей-неволей пришлось присоединиться к нашему походу, правда старшим в этом деле уже был Зелёнка. Всё прошло отлично, патрулей мы даже не видели, затарились стеклом и через час вернулись в казарму и к ужину все доски были тщательно отшорканы и выскреблены. А после ужина все с удовольствием завалились спать аж на целых десять часов подряд. Правда, ночью бдительные дневальные беспрестанно орали в темноте: – Куда...? Лежать...? Терпеть...? – И некоторая часть курсантов, проснувшись от этих криков, молча тряслась от смеха, а другая, виновная в этих криках зажимала член и терпела изо всех сил, а когда было уже невтерпёж, прыгивала с кровати и бежала изо всех сил в туалет, скользя по мастике. Мне было гораздо легче других, так как моя кровать стояла прямо на границе с пятой батареей и я мог спокойно слезть на их пол и идти в их туалет. Результатом такой ночи явилась одна разбитая голова. Курсант, в отчаянном беге к туалету, поскользнулся и шарахнулся лбом об табуретку. Но не сильно, перевязали, он поссал и снова лёг спать здоровым солдатским сном.

Зато утром, было приятно посмотреть на плоды нашего труда. Пол красиво и свежо блестел в свете восходящего утреннего солнца.

До малого дембеля осталось 57 дней.

Глава тринадцатая

Ничего не предвещало неприятности, дежурство по батарее шло как всегда нормально, но за два часа до смены я обнаружил пропажу металлической печати на связке ключей дежурного по батарее. Там, вместе с ключами от оружейной комнаты, висела и небольшая, круглая печать для опечатывания хранилищ под номером 187, с надписью по кругу – войсковая часть 35016. И вот её на связке нет. Вот это Да, вот это влёт! Сначала запаниковал, но быстро сумел себя взять в руки и стал мучительно вспоминать – Когда последний раз точно видел печать?

Была у всех дежурных по батареям, и не только в нашей, но во всём полку, херовая мода: к связке ключей с печатью прикреплялся кожаный шнур от пистолета ПМ, чтоб в свою очередь тот лямкой цеплялся за поясной ремень. Типа, чтобы не потерять. Так вот никто его не цеплял за ремень, а наоборот – идёт такой бестолковый дежурный и с шиком крутит за ремешок связку в воздухе и вокруг себя. Вот я сначала и подумал – Может быть, когда шёл по плацу и небрежно крутил связкой как дурак, вот тогда и слетела печать!? Поднатужился и облегчённо вспомнил – нет, потом, когда открывал после обеда ружейку, она была. Тогда может там? Я открыл решетчатый вход в оружейную комнату и в течение получаса всё там прошарил и с горечью констатировал – печати там нет. Но на мои странные манёвры обратил внимание старшина: – Ты что там, Цеханович, шебуршишься уже чёрт знает сколько времени?

- Да вот, товарищ старший сержант, порядок перед сдачей навожу.... Пыль протираю...
- Аааа..., ну молодец..., – старшина ушёл в каптёрку, а я закручинился.
- Ой..., что мне будет...!?

Ну, и после развода, когда я всё передал новому дежурному по батарее сержанту Крамаренко, тяжело вздохнул и сообщил сержанту – что печать..., того..., проё...на...

- Кхм..., – удивлённо протянул сержант, – старшина знает?
- Никак нет! Сейчас и доложу..., – обречённо ответил и снова тяжело вздохнул.
- Может ещё поищешь...!?! Даю полчаса..., – Крамаренко среди курсантов считался нормальным и справедливым командиром и сейчас, в очередной раз, продемонстрировал свою человечность, но от его сочувствия уже ничего не зависело – печати не было.

При докладе старшине о сдаче дежурства, пришлось озвучить и эту печальную новость. Я думал, что от такого известия старшина сейчас не хило возбудится, на меня обрушиться ругань, угрозы... Может быть, и в рожу получу.

Но старшина на удивление воспринял доклад о пропаже печати довольно спокойно. В недоумении вскинул высоко брови, как будто он ослышался, а потом тихо спросил: – А ты, Цеханович, понимаешь последствия этого происшествия?

Я пожал плечами, действительно не понимая – что мне за это будет. Дисбат что ли? Хотя..., вряд ли... На губу тогда посадят? Да и хрен с ней – отсижу. Но старшина меня разочаровал.

– Самое хреновое, что тебе ничего не будет? Печать эта – херня. Это ж не полковая печать... За которую могут начальника штаба полка снять с должности и командиру не хило прилететь. А ты зря, Цеханович, облегчённо дыхание перевёл. Печать эта записана за командиром батареи. Тебе, как курсанту, ничего не будет, а вот капитану Климович влупят выговор от командира полка. А ему светит скорое повышение. А из-за выговора может не получиться с повышением. Смекаешь?

Да что там не понимать!? Конечно, понимаю. Из-за моего халатного отношения пострадает комбат. Ой как херово...

А старшина уже ставил задачу новому дежурному: – Крамаренко, дуй сейчас на заготовку ужина, а после ужина строишь батарею. Будем искать печать в расположение, раз Цеханович

говорит, что только тут мог её похерить. А пока я не буду делать запись в книге Сдачи и Приёма дежурства.

Так оно и получилось. После ужина начался всеобщий шмон. Более сотни курсантов добросовестно искали маленькую, латунную печать на ограниченном пространстве. Трудолюбиво отодвигалось всё от стен, в том числе и громоздкие шкафы с шинелями и вещмешками, заодно из всех этих мест выметался мусор и там всё тщательно промывалось, заглядывали в каждую щель, просвечивали все тёмные места, куда невозможно было залезть. И все дружно меня за такой генеральный шухер материли, а старшина весело подначивал, мол – «Надо было раньше печать потерять, чтобы выгрести весь мусор из этих мест...». Блядь, ему подколючки, а печати то нету. Всё время до вечерней поверки прошли в безуспешной суете. И после поверки, старшина вызвал меня в каптёрку.

– Что будем делать, товарищ ефрейтор?

Я посмотрел на явно сочувствующего мне старшину и пожал плечами: – Не знаю, товарищ старший сержант...

– Зато я знаю. Подписывать рапорт о сдаче и приёме дежурства я не буду. Идёшь сейчас домой к командиру батареи, докладываешь о потере печати и пусть комбат сам подписывает рапорт о смене дежурных.

Под сочувственными взглядами дневальных медленно одел шинель, постоял пару мгновений около тумбочки дневального, взял в руки Книгу Сдачи и Приёма дежурства и вышел из расположения. Время было позднее, все курсанты должны спать, а я в это время спокойно и открыто двигался по территории городка. Да и чёрт с ним, что повяжет патруль. Пусть сажают на гауптвахту. Отсижусь там несколько дней, пока вся шумиха с печатью уляжется. Поэтому смело пошёл мимо гарнизонного Дома Офицеров, где вечерняя жизнь только набирала обороты. Из периодически открывавшихся дверей доносились ритмичные и зажигательные звуки танцевальной музыки. Там была дискотека, народ веселился, а я шуровал мимо. И всё по фиг! А вот он и патруль, который обрадованно принял меня в свои объятия.

– Ну что, курсант!? Куда шуруем, да после отбоя? С какой целью? – От меня даже не ждали ответов и оправданий, а дружески похлопывали по плечу и успокаивали, – ничего..., ничего... Вот сейчас выйдет начальник патруля из ГДО и пойдём к коменданту...

И действительно, из дверей Гарнизонного Дома Офицеров вышел начальник патруля, дружески общаясь с другим офицером, который к моему великому удивлению оказался командиром взвода.

– Оо...!? Цеханович, а ты тут чего делаешь?

– Иду к командиру батареи..., – и рассказал лейтенанту Князеву почему иду и зачем.

– И из-за этой херни тебя Николаев погнал в ночь? – Возмутился Князев.

– Ну почему из-за херни? – Попытался встать на защиту старшины, – печать потерял. Комбата подвёл...

– Понял..., понял... Заворачивай обратно и дуй в казарму. Завтра с этой печатью разберёмся, – распорядился взводный.

– Не..., товарищ лейтенант, разрешите я всё таки выполню приказ старшины и доложу комбату. А то некрасиво получится, мол, вами прикрылся....

Лейтенант досадливо крикнул и поменял своё решение: – Ладно, иди. Хотя уже поздно..., – повернулся к начальнику патруля, – Серёга, пойдёт обратно, не трогайте его.

– Да ты что, Князь. Да даже если пьяный будет идти – не тронем, – начальник патруля повернулся ко мне, – а ты что тут, курсант, стоишь? Шуруй куда шёл. А мы с тобой, Князь, сейчас завернём в одно местечко. Там нас ждут. Особенно тебя...

Это я уже услышал издали, а через пять минут звонил в дверь квартиры командира батареи. Видать, там спали, но через секунд тридцать из-за двери слышались шаги явно босых ног и дверь открыл сонный комбат и удивлённо уставился на меня.

– Ты чего пришёл?

– Товарищ капитан, во время дежурства потерял печать..., – дальше в двух словах описал, зачем пришёл и протянул Книгу Сдачи и Приёма дежурства.

– Чёрт побери, этого старшину..., – чертыхнулся беззлобно комбат и расписался в книге, разрешая смену дежурства. – Иди, Цеханович, завтра разберёмся,

– Есть! – Радостно отрапортовал уже закрытой двери. Судя, по совершенно равнодушной реакции комбата, его совсем не озаботила пропажа печати. И через двадцать минут заходил в казарму.

– Иди, тебя там старшина ждёт, – мотнул головой на каптёрку дневальный.

Зашёл, доложил. Старшина был один и пил крепко заваренный чай. Молча выслушал доклад, с непроницаемым лицом пролистал Книгу Сдачи и Приёма дежурства, посмотрел на подпись комбата, после чего распорядился: – Иди, шинель снимай и сюда.

Когда зашёл во второй раз, перед столом стояла вторая табуретка и кружка с горячим чаем: – Садись, вон сахар гребни, пряники, чай будем пить и учить тебя буду.

Когда я щедро нагрёб сахара и сделал первый глоток сладкого чая, старшина сунул руку в карман и выложил на стол передо мной потерянную печать. Я чуть не подавился и поднял глаза на старшину.

– Около входа в оружейную комнату валялась. Видать, когда открывал, она у тебя и отцепилась. А весь шухер сделал – это тебе урок и учёба на будущее. Заодно и мусор из разных мест по выгребли, а так давно хотел, да руки не доходили. Так что экзамен на стойкость прошёл. Не зассал, не впал в панику, пошёл к комбату.... Молодец. И печать эта «левая», так что если и потерял – ничего бы не было... Ну..., мудаком обозвали....

Долго мы тогда с ним сидели, я кружки четыре чая на халяву выпил, а старшина рассказывал про свою службу салаги, давал дельные советы и действительно учил....

До малого дембеля осталось 53 дня.

Глава четырнадцатая

Сегодня мы впервые участвуем в боевых стрельбах штатным снарядом из своих гаубиц Д-30. Раньше мы тоже стреляли и много, тренируясь на занятиях. Но сначала на ствол гаубицы цеплялась обыкновенная винтовка калибра 7.62 мм и если погода была безветренная, то пуля с трассером в цель шла хорошо. Но если был хоть какой-то ветер, то её мотыляло по траектории и уносило в сторону. Зато была хорошая практика в учёте ветра при взятии упреждения во время прицеливания и стрельбы. Потом стреляли уже более солидным снаряжением. Брали авиационную пушку ШВАК, вставляли её во внутрь ствола гаубицы и стреляли уже 23 миллиметровыми снарядами, что делало стрельбу более интересной. Стреляли с 57 миллиметровой пушки, которая так громко и звонко тьякала при выстреле, что было очень больно ушам. И высоко прыгала во время выстрела, даже если сошники были надёжно закреплены. Сержанты даже заставляли нас разворачивать её с ходу и открывать огонь прямой наводкой по движущимся мишеням изображавшие танки, при этом мы должны были ложиться при выстреле на круглые станины, чтобы удерживать пушку на месте. Было очень больно, но мы терпели и гордились этим, так как сержанты говорили – «Во время войны не было времени крепить пушки и члены расчёта ложились на станины, чтобы облегчить прицеливание наводчику». Многому нас тогда научили. Научили, как надо во время выстрела скользящим движением нажимать на спуск орудия и одновременно с выстрелом убирать её, чтобы она от вибрации не сотряслась и потом не распухла. ... Как убирать лицо от оптического прицела, чтоб его не разбило при выстреле и при этом удерживать марку прицела на цели. ... Как одной рукой и одним движением, рычагом открывать клин-затвора. ...

А сегодня проходили индивидуальные офицерские стрельбы и мы стреляли боевыми снарядами, а стрельбу обслуживала наша батарея. Огневая позиция батареи располагалась в метрах пятистах за деревней Порошино и левее казарм и парка боевой техники нашего полка, которые возвышались на Турецком валу в полутора километрах от нас. Я был наводчиком шестого орудия и днём стрелять приходилось мало. В основном участвовали в залпах, а вся работа происходила на третьем, основном орудии. Но всё равно, мы наконец-то почувствовали, что такое боевой снаряд, как звучит выстрел на четвёртом заряде и даже видели как чёрная точка снаряда, весом в 21.76 кг, стремительно уносится в небо. И сами были довольны самим процессом стрельбы и что более важное – это осознанием, что мы умеем это делать. Под вечер, нам дали время подготовиться к ночной работе, в которой наше орудие будет стрелять осветительными снарядами и освещать местность. Тоже довольно интересная работа и стрельба. Закрепили на прицеле комплект освещения, определились с ночными точками наводки – основной и запасной, посчитали переход от одной к другой, если что-то случится с основной точкой наводки и стали ждать начала ночных стрельб, поглядывая на ярко освещённые окна нашей казармы. Где-то в девять часов вечера послышалась команда для нашего расчёта на освещение местности, лежащей впереди нас в пяти километрах и куда будут стрелять офицеры. Расчёт нашего орудия зашевелился, стали готовить снаряды и вот пошла команда: – Шестому..., осветительным снарядом..., заряд четвёртый, трубка такая-то, прицел такой-то... Доворот от основного направления правее 0-34, Уровень 30-02. Один снаряд – Зарядить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.